СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Е. Фишера.

1840.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XVII.

ОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Е. Фишера.

1840.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/69 — 2143

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

О ПРИРОДѢ ФИНЛЯНДСКОЙ, О НРАВАХЪ И ОБРАЗѢ ЖИЗНИ НАРОДА ВО ВНУТРЕННОСТИ КРАЯ.

Статья Рунеберга.*

Пишу эти строки не въ дополненіе къ какому-нибудь топографическому описанію Финляндіи или части ея: я намѣренъ только обозначить бѣглыми чертами красоты края и воскресить въ себѣ тѣ пріятныя впечатлѣнія, которыя онѣ доставили мнѣ. Съ сими воспоминаніями неразлучно связано нѣсколько мрачныхъ картинъ нужды человѣческой, и мнѣ кажется, что ихъ не странно видѣть наряду съ величіемъ и

* Съ авторомъ этой статьи мы уже познакомили читателей нашихъ въ XIII Т. Современника. Издат.

блескомъ природы. Ибо какъ звѣрь теряетъ живость и красоту свою по мѣрѣ того, какъ человѣкъ приспособляетъ его къ своимъ цѣлямъ; такъ и природа становится тѣмъ бѣднѣе, чѣмъ болѣе трудъ людской одолѣваетъ ее. Такимъ образомъ она только въ дикомъ состояніи являетъ всю красоту свою, только побѣжденная открываетъ человѣку свои неисчерпаемыя нѣдра. Итакъ кто хочетъ видѣть народъ благоденствующій, тотъ пускай посѣтитъ мѣста, гдѣ природа, покоренная людьми, послушно надѣляетъ ихъ вынужденными дарами. Кто, напротивъ, желаетъ видѣть природу въ первобытномъ ея блескѣ, тотъ долженъ пойти туда, гдѣ она еще свободно развиваетъ исполинскія силы и смѣется стараніямъ слабаго племени покорить ее. Финляндія, можетъ быть, богаче всякой другой страны такими картинами. Сколько разнообразія отъ ровной, обработанной земли по берегу до внутреннихъ мѣстъ ихъ съ крутыми высями, съ ихъ пустынными озерами, съ ихъ степями, куда не ведетъ ни одна тропинка, куда развѣ только тетеревъ, разимый свинцомъ, иногда устремляетъ одинокій полетъ свой. Путешественники изъ образованныхъ странъ Европы, посѣщающіе берегъ Финляндіи, не найдутъ на немъ значительной разницы съ своимъ отечествомъ и, кромѣ климата и языка, встрѣтятъ по большей части знакомые предметы. Напротивъ того, ни одинъ чужеземецъ, который углубится внутрь Финляндіи, не скажетъ, что онъ прежде видѣлъ что-либо подобное: такъ опредѣленно очерчены, такъ рѣзко отличены эти

мѣста. Между-тѣмъ какъ по береговой дорогѣ, особливо по южной, деревня за деревней и домъ за домомъ свидѣтельствуютъ о цвѣтущемъ народонаселеніи, по дорогамъ внутреннимъ можно проѣхать цѣлыя мили, не увидѣвъ ни слѣда хижины; а если наконецъ и встрѣтится жилье, то оно виситъ на скатѣ огромной песчаной горы, или, выглядывая изъ дикихъ рощей, окружающихъ полузакрытое озеро, мелькаетъ какъ чуждый наростъ на здравомъ, величественномъ деревѣ природы. Есть, однакожъ, и въ нашихъ шерахъ* что-то дикое и свойское, придающее имъ яркій цвѣтъ, особливо далѣе въ морѣ, и всякій, кто проживетъ нѣсколько времени въ сихъ мѣстахъ, унесетъ оттуда много глубокихъ, сильныхъ впечатлѣній. Но эти шеры тѣмъ болѣе отличаются отъ внутреннихъ странъ, что тѣ и другія означены рѣзкими, самобытными чертами и носятъ неравную печать. Старинныя Шведскія мелодіи такъ укоренились на нашихъ берегахъ и такъ согласны съ тамошнею природой, что никакъ нельзя сомнѣваться въ происхожденіи ихъ среди природы родственной; притомъ новыя пѣсни, которыя родятся и живутъ въ устахъ поселянъ береговыхъ, чрезвычайно сходны съ старинными Шведскими: но этаго сходства невозможно объяснить тѣмъ только, что новыя пѣсни сочиняются Шведскими колонистами**; оно наиболѣе должно быть приписано вліянію одинаковой мѣстности. Съ другой стороны рѣд-

* Шеры (skär).—Прибрежные скалистые острова. Прим. перев.

** Живущими по берегамъ Финляндіи. Прим. перев.

ко бываетъ между предметами такое существенное различіе, какъ между помянутыми пѣснями и національно-Финскими напѣвами. *Пляска Нека*, раздаваясь на нашихъ берегахъ, такъ согласуется съ островами, которыя видишь, съ воздухомъ, которымъ дышишь, что кажется, будто лѣтній вечеръ на морѣ самъ сложилъ ее; но пусть ее споютъ на крутой высотѣ, на пустынномъ озерѣ въ Саріерви, или въ другомъ приходѣ*: она выразитъ разстройство сердца, у котораго все родное на далекой чужбинѣ. Такъ, съ другой стороны, была бы вовсе не на мѣстѣ какая-нибудь Финская пѣсня, если бъ ее перенести на наши берега.

Едва ли есть мелодіи, которыя бы, болѣе Альпійскихъ, согласовались съ природой Финляндіи внутренней; нѣкоторые путешественники находятъ даже сходство между Швейцаріей и Финляндіей. Вообще можно быть увѣреннымъ, что двѣ различныя стороны въ той же мѣрѣ похожи одна на другую видомъ своимъ, въ какой характеры народныхъ ихъ пѣсень сходствуютъ между собою. Ибо какъ человѣчество въ своей совокупности есть зеркало земли, такъ и человѣкъ, въ отдѣльныхъ частяхъ ея, служитъ зеркаломъ окружающей его мѣстности и всегда отражаетъ въ истинныхъ, прекрасныхъ, благородныхъ откровеніяхъ только тѣ лучи, которые онъ извлекаетъ изъ этаго источника. Вотъ почему я принялъ несходство

* Каждый уѣздъ, въ Финляндіи, раздѣляется на приходы. Прим. перев.

между народными пѣснями верхняго и нижняго края, какъ важный и непреложный признакъ рѣзкаго различія между сими мѣстами.

Не желая доказывать превосходства однаго изъ нихъ предъ другимъ въ отношеніи къ отличительнымъ свойствамъ каждаго, я думаю, что никогда тотъ же самый человѣкъ не привяжется съ одинакою любовію къ различнымъ характерамъ нашей земли. Кто поживетъ довольно долго подъ вліяніемъ той и другой мѣстности, тотъ глубоко сохранитъ въ душѣ только одну изъ нихъ, а не обѣ, къ которой бы впрочемъ ни влекли его священныя узы сердца. Умъ, настроенный къ спокойнымъ, поэтическо-религіознымъ созерцаніямъ, предпочтетъ верхнія страны. Кипящій жизнію, смѣлый, предпріимчивый духъ, вѣроятно, полюбитъ болѣе берега морскіе; а человѣкъ расчетливый, заводчикъ, хозяинъ изберетъ прибрежныя равнины. Но такъ-какъ, безъ сомнѣнія, первый изъ этихъ характеровъ вѣрнѣе всѣхъ воспринимаетъ и съ наибольшимъ сознаніемъ хранитъ впечатлѣнія, производимыя природою: то можно вообще, въ отношеніи къ высшимъ требованіямъ, отдать преимущество тѣмъ мѣстамъ, которыя всего сильнѣе дѣйствуютъ на такую душу. Въ самомъ дѣлѣ, трудно вообразить выраженіе Божественнаго, болѣе ясное, болѣе дивное и возвышающее, какъ то, которое представляетъ внутренняя Финляндія въ своемъ величественномъ очертаніи, въ своей пустынности, въ своемъ глубокомъ, невозмути-

момъ спокойствіи. Море, какъ оно ни мощно, не всегда носитъ такую печать Божественности. Только въ безграничной тишинѣ его духъ видитъ и обнимаетъ безконечность: взволнованное бурей, оно изъ Божества становится исполиномъ, и человѣкъ уже не покланяется, но готовится къ битвѣ.

Къ мѣстамъ, которыя могутъ служитъ вѣрными представителями внутренней Финляндіи, какъ относительно природы, такъ и въ разсужденіи характера жителей, должно по всей справедливости причислить и отдѣльно лежащій, бѣдный, но прекрасный приходъ Саріерви (Saarijärvi). Каковъ онъ въ маломъ видѣ, таковъ весь внутренній край, съ немногими только отступленіями, въ большемъ размѣрѣ. Я избралъ этотъ приходъ потому, что жилъ въ немъ гораздо долѣе, нежели въ какой-либо другой части внутренней Финляндіи. Но почти все, что будетъ сказано о немъ, простирается далеко за его предѣлы.

Простъ и безыскуственъ, какъ окрестная природа, бытъ поселянина въ Саріерви. Изба его (pört) не много просторнѣе бани, но по виду и предметамъ своимъ совершенно подобна ей, этой единственной и необходимой для него статьѣ роскоши. Внутренность избы представляетъ посѣтителю странную картину. Стѣны и полъ, сколоченные изъ нетесаныхъ бревенъ и досокъ сосновыхъ, черны какъ уголь — первыя отъ дыму, послѣдніе отъ всего, что въ теченіи многихъ лѣтъ напрасно ожидало отмывки. Рѣдко вид-

на крыша: ее заслоняетъ облако дыма, которое темно-сѣрою пеленой виситъ на высотѣ 7-ми или 8-ми футовъ и служитъ покровомъ, не обращаясь въ тягость. По временамъ этотъ туманъ бываетъ прорѣзанъ солнечнымъ лучемъ, проникающимъ сквозь дымовое окно, сдѣланное въ крышѣ, а иногда, хотя рѣдко, проглядываетъ и звѣздочка. Оконъ нѣтъ, кромѣ волоковыхъ, въ которыхъ доску можно по произволу отодвигать и задвигать. Чтобы лучше понять всю особенность такаго жилища, надобно видѣть его въ зимній вечеръ. Печь, святилище комнаты, по стилю своей архитектуры похожая на старинные знаки Шведскихъ миль*, стоитъ тогда въ полномъ блескѣ. Крупныя сосновыя дрова пылаютъ широкимъ пламенемъ, и вся комната наполнена ослѣпительнымъ сіяніемъ, которое еще увеличивается отъ горящихъ лучинъ, то воткнутыхъ въ стѣны, то поддерживаемыхъ свѣтцами. Въ этомъ свѣтѣ движется, или чаще, покоится безчисленное множество людей. Женщины сидятъ за прялками, или работаютъ кто за кадкою съ тѣстомъ, кто за горшкомъ; мужчины дѣлаютъ корзины, сани, лыжи и тому подобное; нищіе и нахлѣбники** лежатъ передъ огнемъ, а постоянная статья домашней работы, щепаніе лучины, исполняется какимъ-нибудь старичкомъ, который спокойно и

* Имѣющіе видъ почти-кубическаго основанія изъ гранитныхъ осколковъ, на которомъ высится небольшой красный деревянный столбъ. Прим. перев.

** Не умѣю перевести лучше слова: inhysingen. Значеніе его объяснено ниже.

ловко дѣлитъ тоненькія дранки еще на тончайшія. Въ эту пору толпа ребятишекъ обыкновенно валяется на печи, гдѣ они очень хорошо уживаются и только кричатъ въ-запуски со сверчками. Надъ длиннымъ корытомъ возлѣ двери лошадь лакомится сѣчкой, наслаждаясь тепломъ и обществомъ, между-тѣмъ какъ пѣтухъ, если онъ еще не занялъ ночлега въ кругу своего семейства, навѣщаетъ своихъ подругъ по всѣмъ угламъ комнаты, и вездѣ бываетъ какъ дома. Вотъ что представляетъ въ зимній вечеръ, съ бòльшими или мèньшими измѣненіями, всякая Финская изба. Думать, что въ такомъ семействѣ нѣтъ счастія, было бы ошибкою. Не только тотъ, кто здѣсь родился, но и воспитанный совершенно въ другихъ обстоятельствахъ, можетъ быть довольнымъ въ такой избѣ. Отъ безпрестанной топки и всегдашняго сквознаго вѣтра воздухъ въ ней чистъ и здоровъ, а все, что отвратительно для глазъ, заботливо выметается. Черный полъ уже не кажется грязнымъ, потому-что на немъ не видно ни тѣни прежней чистоты; кажется, стоишь на землѣ, а не на испачканныхъ доскахъ, и здѣсь обнаруживается та особенность человѣка, что онъ охотно сноситъ нѣкоторую неопрятность, если только рядомъ съ ней не замѣчаетъ притязанія на лучшее. Въ жизни крестьянина внутренней Финляндіи нѣтъ перенятой утонченности; онъ на бивакахъ въ пустынѣ: а кто, приближаясь съ холоду къ гостепріимному пламени, заботится о томъ, черенъ или бѣлъ

кровъ, его пріютившій, выметенъ или грязенъ полъ, на которомъ онъ стоитъ?

Въ составъ обитателей Финской избы названы нищіе и нахлѣбники. Тѣ и другіе такъ обыкновенны и такъ важны въ хозяйствѣ, что имѣютъ право на описаніе болѣе подробное. Нахлѣбникъ — вторая ласточка Финскаго поселянина. Подобно ей, онъ подъ крестьянскою крышей требуетъ мѣста для себя и для своихъ; подобно ей, никогда не получаетъ въ томъ отказа, и—какъ она—живетъ тѣмъ, что Богъ пошлетъ. Плата его за постой состоитъ обыкновенно въ томъ, что онъ бросаетъ въ избу дрова черезъ воловое окно. Остальные труды его въ вознагражденіе хозяевъ зависятъ совершенно отъ его доброй воли. Такой человѣкъ, если онъ не знаетъ никакаго ремесла, иногда промышляетъ рыбною ловлей, или охотой, и сверхъ того пользуется, безъ позволенія, но и безъ запрета хозяевъ, тою выгодою, что на ихъ землѣ пускаетъ па̀лу * для посѣва рѣпы и обращаетъ произрастенія въ свою собственность. Если ему удастся запастись коровой, то она живетъ вмѣстѣ съ хозяйскими и становится такимъ же привилегированнымъ дармоѣдомъ въ своемъ хлѣвѣ, какъ владѣлецъ ея въ углу избы. Такъ-какъ нужды нахлѣбника неве-

* Особый родъ земледѣлія: для пріобрѣтенія земли, годной къ засѣву, вырубаютъ часть лѣса и жгутъ срубленныя деревья. Па̀ла употребительна и въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ сѣвер. губерній, гдѣ живутъ Финны. Прим. переводч.

лики, а, по безотчетной добротѣ хозяина, повинности еще менѣе значительны; то ясно, что онъ, болѣе всякаго другаго, слѣдуетъ врожденной наклонности Финновъ къ безпечности и лѣни. Потому-то и видишь его почти всегда отдыхающимъ, зимой передъ печью на лавкѣ, лѣтомъ на голой землѣ на солнцѣ. Безъ сомнѣнія, большое число такихъ нахлѣбниковъ вредитъ какъ земледѣлію вообще, такъ и особенно крестьянину, который держитъ ихъ у себя; но съ другой стороны не умилительно ли видѣть, съ какимъ благородствомъ души онъ раздѣляетъ почти безвозмездно тѣсное жилище и часто малое достояніе свое съ голодными и безпріютными земляками? Въ этомъ отношеніи приходъ Саріерви можетъ выдержать сравненіе со всякимъ другимъ. Скудно населенный, но еще гораздо скуднѣе застроенный, при множествѣ дикихъ полей, которыхъ никакой житель не можетъ ни измѣрить, ни обработать, этотъ приходъ представляетъ всѣ условія, необходимыя для укорененія такаго быта.

Другую непремѣнную принадлежность избы составляютъ нищіе. Правда, они остаются не навсегда, а приходятъ и удаляются; но рѣдко выдается день, въ который бы крестьянинъ, живущій у дороги, не пріютилъ одного или нѣсколько такихъ посѣтителей, и здѣсь можно кстати повторить извѣстный стихъ Стагнеліуса: «Идея вѣчна, тѣни исчезаютъ (Idén är evig, skuggorna försvinna).» Нищаго

вовсе не презираютъ, не ставятъ въ ничто. Ему, какъ нищему Гомера, сопутствуетъ Богъ; онъ странствуетъ, часто съ женой и дѣтьми, съ однаго двора на другой, и вездѣ встрѣчаютъ его какъ гостя, а не какъ бѣдняка, живущаго милостыней. Въ печкѣ есть жаръ для него, какъ и для другихъ; онъ ничего не требуетъ: всякій и безъ того знаетъ нужды его и удовлетворяетъ ихъ по-возможности. Никому и на мысль не придетъ кормить его какими-нибудь остатками: онъ вмѣстѣ со всѣми домашними ѣстъ лучшее кушанье, какое только имѣется у нихъ, то есть, единственное. Онъ расказываетъ, если у него найдется что-нибудь для расказа; шутитъ, если ему вздумается шутить; дѣти его, ежели они при немъ, играютъ вмѣстѣ съ хозяйскими. Вечеромъ ложится онъ тамъ, гдѣ сыщетъ покойный уголокъ, на печи или на лавкѣ; онъ не завидуетъ тому, кто занялъ лучшее мѣсто; за то и на него не сердятся, когда ему удастся завладѣть такимъ мѣстечкомъ. Захоти онъ уйти прочь, и будь, либо самъ онъ, либо кто другой изъ его семьи, слишкомъ слабъ или хворъ: въ такомъ случаѣ крестьянинъ, какъ искони водится, запрягаетъ лошадь и охотно, во всей простотѣ сердца, везетъ нищаго или его сродниковъ до ближняго двора. Такъ-то живетъ нищій въ приходѣ Саріерви и вообще между Финнами. Онъ ѣстъ кору, потому-что и крестьянинъ ею питается; живи крестьянинъ на бѣломъ хлѣбѣ, и у нищаго была бы таже пища.

Невозможно описать той бѣдности, которая господствуетъ между жителями прихода Саріерви. Скудная, часто противная природѣ пища, дѣйствуетъ гибельно на ихъ тѣлесныя силы; а отъ незнакомства съ иными наслажденіями, кромѣ сна и покоя, происходитъ, что они исключительно придерживаются этихъ двухъ удовольствій и не стараются доставить себѣ другія. Рѣдко мысли ихъ простираются за предѣлы немногихъ дней, чему впрочемъ нельзя и удивляться, такъ-какъ даже прокормленіе въ это короткое время довольно обременяетъ ихъ заботами. Никакая вѣтвь промышлености не пустила здѣсь корня, потому-что отдаленность мѣста отъ городовъ и болѣе зажиточныхъ селеній чрезвычайно бы затрудняла сбытъ всякаго товара. Земледѣлію препятствуетъ жестокій врагъ — морозныя ночи. Многія хозяйства такъ терпятъ отъ нихъ ежегодно, что часто жители не могутъ даже засѣвать полей своихъ. Проголодавъ цѣлый годъ, крестьянинъ спѣшитъ осенью убрать хлѣбъ, прежде-нежели зерно разовьется и созрѣетъ. Домашній скотъ, который лѣтомъ пасется по берегамъ лѣсныхъ ручьевъ и въ долинахъ между горъ и степей, кормится, во время зимы, соломой, привозимой нерѣдко изъ мѣстъ, отстоящихъ на восемь, на десять и даже не рѣдко на шестнадцать миль. Часто, въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, скотъ долженъ довольствоваться еще менѣе сытнымъ кормомъ. Малое количество жидкаго молока, въ это время получаемаго, употребляется на смачиваніе жесткаго хлѣба изъ древесной коры, ко-

торый по большей части составляетъ единственную пищу крестьянъ. Легко представить себѣ, какова тамъ жизнь, когда, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, недавно, въ одинъ очень холодный годъ, только на двухъ дворахъ въ цѣломъ приходѣ былъ ржаной или ячменный хлѣбъ. Слова: «онъ круглый годъ ѣстъ чистый хлѣбъ», и «онъ неимовѣрно богатъ» значатъ тамъ одно и тоже. Помню два случая, когда такая нужда представилась мнѣ въ самомъ горестномъ видѣ. Разъ я во время охоты зашелъ отдохнуть въ избу. Она была наполнена дѣтьми и взрослыми разныхъ лѣтъ. Возлѣ печки нанизано было на шестахъ множество темно-желтыхъ кусковъ внутренняго слоя еловой коры, похожихъ на лоскутья жесткой кожи. Не разсмотрѣвъ ихъ вблизи, я спросилъ, что это такое и что съ этимъ дѣлаютъ? Хозяинъ отвѣчалъ: «Добрый господинъ, изъ этаго будетъ хлѣбъ». Словъ тутъ было не много; но въ тонѣ ихъ заключался раздирающій смыслъ: развѣ ты этаго не *знаешь?* и *ты* не знаешь этаго! Въ другой разъ случилось мнѣ зайти на лугъ, съ котораго убирали сѣно. По стѣнамъ гумна развѣшены были котомки рабочаго народа, и я изъ любопытства заглянулъ во многія изъ нихъ. Во всѣхъ нашелъ я лепешки, слѣпленныя изъ коры; онѣ были чернехоньки внутри, а снаружи подернуты бѣлымъ слоемъ муки, и болѣе привлекательны для глазъ, нежели для вкуса. Въ нѣкоторыхъ сумкахъ было сверхъ того немного соленой, жесткой корюшки; въ другихъ нѣсколько зеренъ соли. Надобно только вообразить тягость ра-

боты, исправляемой въ величайшій зной, при такой лакомой трапезѣ: тогда поймешь и настоящую нужду и крѣпость человѣческой природы въ перенесеніи ея. Обыкновенный источникъ гибели для благосостоянія семейственнаго, водка, конечно и здѣсь находитъ любителей; но многіе ли въ состояніи употреблять этотъ напитокъ? Если случится увидѣть здѣсь пьянаго, то можно быть увѣреннымъ, что нетрезвость его происходитъ не столько отъ неумѣренности, сколько отъ непривычки пить или ѣсть что-либо крѣпительное.

По обращенію Финновъ съ нищими легко уже судить объ общемъ гостепріимствѣ и доброхотствѣ въ указанныхъ мѣстахъ. Едва ли есть народъ, который бы съ подобными средствами такъ радушно дѣлился своимъ добромъ и былъ такъ готовъ исполнять всякое требованіе. Чужому всегда подаютъ лучшее, что только удастся достать, и величайшаго труда стоитъ убѣдить кого-нибудь, чтобы онъ принялъ малѣйшую плату за угощеніе. Такъ обыкновенно бываетъ у всѣхъ народовъ, еще близкихъ къ природѣ.

Заботы о пропитаніи, безпрерывно тяготѣющія надъ жителемъ прихода Саріерви, не позволяютъ ему предаваться той живой радости, которая во многихъ другихъ мѣстахъ пораждаетъ народныя празднества и игры. Только о Святкахъ и передъ Ивановымъ днемъ замѣтно здѣсь нѣсколько болѣе расположенія къ веселости. О Святкахъ собираются къ пляскѣ и

другимъ забавамъ, но все ни такъ часто, ни въ такомъ числѣ, какъ то водится въ другихъ приходахъ. Однакожь, и здѣсь въ эту пору непремѣнно долженъ быть, даже въ хижинѣ лѣснаго торпаря *, накрытый столъ, который въ теченіе цѣлыхъ недѣль стоитъ какъ праздничное убранство. На немъ соединено все, что только можно было сберечь во время осенняго голода, чтобы накормить и распотѣшить дорогихъ святочныхъ гостей. Кто бы тогда ни вошелъ въ жилище крестьянина, онъ всѣхъ равно приглашаетъ закусить; съ бѣднякомъ онъ и прежде дѣлилъ хлѣбъ свой, теперь ему кажется, что онъ и богатаго можетъ угостить достойнымъ образомъ. Сверхъ того о Святкахъ тщательно моютъ столы и лавки, а стѣны одѣваютъ сплетенными лучинами, и эта странная ткань остается до тѣхъ поръ, пока ежедневное потребленіе лучинъ сперва разстроитъ, а наконецъ и вовсе уничтожитъ ее.

Ночь на Ивановъ день проводится чуть ли не веселѣе всѣхъ другихъ празднествъ. Тогда жгутъ такъ называемое *Кокко*, и сколько выстрѣловъ, которые почлись бы безъ вознагражденія потерянными, если бъ были истрачены на рябчика или куропатку, раздается при этомъ случаѣ въ честь торжества! Для устроенія

* То́рпаремъ (torpare) называется крестьянинъ, пользующійся чужою землицею (torp), которая обыкновенно находится въ пустынномъ мѣстѣ, и обязанный за то работать въ извѣстные дни у ея владѣльца. Иногда бываютъ и другія условія. Прим. перев.

Кокко избираютъ обыкновенно высокую, полу-обгорѣлую сосну на обнаженной песчаной горѣ, которая бы господствовала надъ окрестностію. Сухое дерево обставляютъ смолистыми, легко-сгарающими вещами, громоздятъ ихъ, какъ можно выше, и въ полночь зажигаютъ всю груду: она пылаетъ при шумѣ выстрѣловъ, скрыпокъ и громкихъ: ура! Прекрасенъ видъ этихъ потѣшныхъ огней, когда они въ тихую, полутемную ночь являются вдали за цѣпью озеръ и долинъ.

Крестьянинъ въ приходѣ Саріерви лѣнивъ, безстрастенъ и скупъ на слова. Нравъ у него кроткій, терпѣливый и уступчивый. Бѣдность и стѣсненіе, въ которыхъ онъ живетъ, заставили его заключиться въ самомъ себѣ; всѣ душевныя силы его дѣйствуютъ внутрь, такъ-что онѣ рѣдко и слабо обнаруживаются дѣломъ. Величавая природа, окружающая его, никогда не доставляла ему удовольствія настоящимъ образомъ покорить ее; она всегда являлась передъ нимъ гордою и неодолимою, и тогда-какъ душа его съ безсознательнымъ трепетомъ покланяется ей, силы тѣлесныя дремлютъ и увядаютъ. Отсюда проистекаютъ два явленія. Первое: онъ долженъ быть, и таковъ дѣйствительно, въ высшей степени честенъ и чуждъ притворства; ибо простота и благодушіе неразлучны со всякою религіею. Второе: онъ долженъ *казаться* безпомощнымъ, тупымъ и неспособнымъ ни къ какому дѣлу, гдѣ требуются живость и рѣшимость. Однако жъ многіе примѣры доказали, что когда судь-

ба поставитъ его въ другія обстоятельства, тогда этотъ, по-видимому, хаотическій духъ, можетъ въ короткое время развить силы, не только неисчерпаемыя, но даже дѣйствующія съ быстротою и мѣткостію, какихъ едва бы можно было ожидать отъ способностей блестящихъ и долговременнаго навыка. Случается иногда, что тотъ или другой изъ здѣшнихъ жителей, какъ имъ ни тяжко покидать свою родину, въ крайней нищетѣ принужденъ бываетъ итти въ какой-нибудь приморскій городъ и тамъ искать пропитанія въ званіи матроса. Такъ-какъ мнѣ удалось частію самому видѣть, частію узнать по наслышкѣ нѣсколько подобныхъ случаевъ; то я позволю себѣ расказать ихъ вкратцѣ, тѣмъ болѣе, что они могутъ служить подтвержденіемъ сдѣланныхъ замѣчаній.

Въ городѣ, гдѣ я родился *, жилъ человѣкъ, котораго нужда заставила въ молодыхъ лѣтахъ покинуть приходъ Саріерви и сдѣлаться морякомъ. Сколько могу припомнить, я его засталъ уже престарѣлымъ и сѣдымъ. Нагулявшись по бѣлому свѣту и переиспытавъ многое, онъ жилъ своимъ домомъ, жестоко коверкалъ Шведскій языкъ на Финскій ладъ, былъ всегда веселъ и бодръ, и никогда не отказывался отъ чарки. Его странная и съ перваго взгляда непріятная наружность, къ которой однако жъ легко было привыкнуть, его смѣтливость и расторопность,

* Въ Якобштатѣ, у Ботническаго залива. Прим. перев.

наконецъ въ высшей степени честное и хорошее поведеніе, доставили ему большую извѣстность: старики, по преданію, знакомили съ нимъ молодыхъ, и всѣ его любили. Въ числѣ разныхъ превратностей судьбы постигла его и та участь, что онъ взятъ былъ въ матросы Датскаго флота во время войны съ Англіею. Въ нашемъ городѣ всѣ очень хорошо и подробно знали это дѣло, какъ изъ собственныхъ его расказовъ, такъ и по рѣчамъ тѣхъ, которымъ пришлось раздѣлить его жребій. Сперва взяли сына его, двадцатилѣтняго парня, когда тотъ съ отцомъ своимъ шелъ преспокойно на рейдъ къ Финскому судну, на которомъ они нанимались. Старикъ слѣдовалъ за вербовщиками, пока не дошелъ до такихъ лицъ, съ кѣмъ, по его понятію, стоило объясниться. Тогда онъ заговорилъ на своемъ ломаномъ Шведскомъ нарѣчіи, «что батька-де ужъ старъ и опытенъ, сынъ еще цыпленокъ на морѣ, ничего не смыслитъ на военномъ флотѣ; старикъ пропадетъ — туда ему и дорога: пусть старый песъ издохнетъ! а дѣтинѣ надо быть дома, надо мать кормить: такъ вотъ, честные господа, возмите меня, а его отпустите.» Недолго колебались въ выборѣ между старикомъ, который выражался такъ бойко и рѣзко, и молодымъ человѣкомъ, который со слезами и трепетомъ ожидалъ рѣшенія своей участи. Старика взяли, а сына его отпустили. Война, такъ неожиданно его увлекшая, служила ему на старости лѣтъ неисчерпаемымъ источникомъ воспоминаній. При поспѣшности, съ какою Данія принуждена

была начать оборону, нѣтъ сомнѣнія, что на многихъ, особливо малыхъ судахъ, весь экипажъ состоялъ изъ людей неопытныхъ. По крайней мѣрѣ таково было положеніе корабля, гдѣ помѣстили нашего героя. Этимъ кораблемъ начальствовалъ молодой человѣкъ, новичекъ въ своемъ дѣлѣ, и уже послѣ первыхъ выстрѣловъ старикъ умѣлъ дать почувствовать и многолѣтнюю свою опытность, и отвагу, и искуство. По окончаніи похода онъ возвратился со славою и отличіемъ, и ничему въ мірѣ такъ не радовался, какъ тому, «что съ Датчаниномъ побывалъ тамъ, гдѣ ростетъ перецъ*». Во всѣхъ обстоятельствахъ жизни сохранилъ онъ въ полной мѣрѣ ту простоту, и то добродушіе, съ какими вышелъ изъ отдаленной своей родины. Его хижинка была открытымъ пристанищемъ для всѣхъ нуждающихся. Много ходило расказовъ о томъ, какъ онъ принимаетъ и честитъ ихъ. Въ зимнюю пору стекались въ нашъ городъ толпы нищихъ изъ внутренней Финляндіи. Встрѣчая такихъ людей, онъ или бралъ ихъ съ собою, или просилъ отыскать домъ его, прибавляя обыкновенно: «скажите хозяйкѣ, что старикъ прислалъ». Хозяйка тогда очень хорошо знала, что ей надобно ихъ накормить и приготовить имъ покойный ночлегъ.

Изъ тѣхъ же мѣстъ и съ тою же цѣлію, какъ этотъ старикъ, пришелъ въ городъ и другой чело-

* Въ Индіи. Прим. перев.

вѣкъ. Двадцати-пяти лѣтъ отъ роду, онъ такъ былъ изнуренъ голодомъ, такъ худъ, и такъ голъ въ своихъ лохмотьяхъ, что день, конечно, не безъ особенныхъ причинъ терпѣлъ его въ своемъ присутствіи. Въ числѣ другихъ и онъ явился къ хозяину судна, который нанималъ людей для своего корабля. Когда прочіе договорились, очередь дошла и до него: онъ стоялъ послѣднимъ у дверей, и всѣ съ лукавой улыбкой косились на него. Спрашиваютъ, что ему нужно? Онъ ищетъ мѣста. Его простосердечные, краткіе и часто острые отвѣты на множество насмѣшливыхъ вопросовъ хозяина и гостей не остались безъ дѣйствія. Его приняли поваренкомъ и сказали, чтобъ онъ въ такой-то день принесъ на судно сундукъ свой. «На кой чортъ мнѣ сундукъ, когда въ него положить нечего?» отвѣчалъ онъ какъ нельзя справедливѣе, и пошелъ съ кораблемъ безъ сундука. Судьба его кончилась плачевно: онъ упалъ въ море на Лондонскомъ рейдѣ и потонулъ въ самомъ началѣ своего поприща. Но онъ погибъ не безъ славы въ своемъ кругу. Капитанъ не могъ нахвалиться его тонкостью, отвагой и примѣрнымъ поведеніемъ; многіе старые матросы того же корабля, возвратясь на родину, горько кляли судьбу за смерть его. Замѣчательно, что этотъ человѣкъ, которому уже въ первые дни плаванія удалось промѣнять мѣсто у горшка съ кашей на вершину мачты, и который въ бурю сиживалъ тамъ смѣло и твердо, какъ бѣлка, что этотъ человѣкъ долженъ былъ, будто сонный, сорваться оттуда и, какъ безъ

рукій, упасть за бортъ, когда корабль стоялъ на якорѣ въ тихомъ рейдѣ. Но таковъ Финнъ. Если опасность хоть сколько-нибудь скрыта; то вырывай она сердце изъ груди его—онъ не тронется для обороны. Но явись она во всей своей грозной наготѣ, и у него, болѣе нежели у кого-либо, станетъ присутствія духа и силъ для избѣжанія или отраженія ея.

Приходъ Саріерви богатъ красотами природы и раздѣляетъ это преимущество съ бо̀льшею частію внутренней Финляндіи. Ничто не дѣйствуетъ на душу сильнѣе дремучихъ, неизмѣримыхъ лѣсовъ пустыни. По нимъ гуляешь, какъ по дну морскому, въ непрерывной, однообразной тишинѣ, и только высоко надъ головою слышишь вѣтръ въ вершинахъ елей и въ подоблачныхъ вѣнцахъ дикихъ сосенъ. Тамъ и тамъ встрѣчаешь, будто сходъ въ подземное царство, лѣсное озеро: по крутизнамъ, въ его обросшее деревьями ложе, никогда не слеталъ заблуждшійся вѣтерокъ; его поверхности никогда ничто не струило, кромѣ плесканія стаи окуней, кромѣ плаванія одинокаго нырка. Глубоко подъ ногами стелется небо, еще спокойнѣе горняго, и, будто при вратахъ вѣчности, кажется, боги и духи окружаютъ тебя: безпрестанно ищешь ихъ взорами; слухомъ ежеминутно хочешь уловить шопотъ ихъ. Съ другой стороны слышится журчанье ручья. Идешь туда, думаешь, что онъ уже близехонько, и однако жъ не видишь ничего, кромѣ поросшей верескомъ степи и тѣсныхъ рядовъ сосенъ, на ней стоя-

щихъ. Наконецъ, на разстояніи полета брошенной палки, берегъ начинаетъ показывать верхи своихъ березъ. Тогда только, достигнувъ края степи, видишь между листьевъ проблескъ воды, и если, желая спуститься безопаснѣе, правою рукою ухватишься за корень одной березы, то лѣвою можешь держаться за верхнія вѣтви другой. Дошедши до самаго ручья, видишь надъ собой только узкую, въ нѣсколько саженей ширины, полосу неба, а по обѣимъ сторонамъ непроницаемую ткань листьевъ и стволовъ. Ежели послѣ долгихъ странствованій, между однообразныхъ деревьевъ, по степи, доберешься наконецъ до границы ея, то взорамъ представится вдругъ, какъ бы по волшебному слову, картина необычайно-разнообразная и обширная: рядъ озеръ съ зелеными островами, рѣки, поля и холмы. Изумительно, какъ много измѣненій свѣта и мрака здѣсь можно обнять однимъ взглядомъ, отъ черныхъ елей болотной долины, до сосноваго лѣса, возвышающагося за ними, и березъ, которыя въ видѣ вѣнца обхватываютъ подошву и бедра дальней горы. Все это становится еще прекраснѣе, когда, въ лѣтній день, солнце, прерываемое облаками, безпрестанно играетъ оттѣнками.

Такова природа внутри Финляндіи. Тамошній народъ можно считать передовою цѣпью, выставленною отъ націи противъ дикой природы, врага ея благосостоянія. Правда, что форпосту всегда достается въ удѣлъ наиболѣе опасности; но если ему иногда, какъ

въ настоящемъ случаѣ, угрожаетъ общая гибель; то пусть же тѣ, которыхъ онъ охраняетъ, не забудутъ его въ нуждѣ и не оставятъ безъ помощи въ неравномъ бою.

*

Симъ кончается статья Рунеберга. Изъ нея читатели нашего журнала, уже знакомые отчасти съ поэтическими произведеніями Финляндскаго писателя, легко могутъ убѣдиться, что онъ не измѣняетъ самому себѣ и въ прозѣ. Въ подкрѣпленіе сказаннаго нами прежде объ его талантѣ, мы съ особеннымъ удовольствіемъ выписываемъ слова, напечатанныя въ Шведскомъ журналѣ *Эосъ*: «Кто не знаетъ, наконецъ, достойнаго иноземца, который на языкѣ нашемъ производитъ безсмертныя творенія, человѣка, который, сколько я понимаю, есть первый художникъ въ современной словесности; кто, однимъ словомъ, не знаетъ Іоанна Лудвига Рунеберга? Рунебергъ! На него смотрите, господа любители и подражатели, если ужъ вы непремѣнно требуете образцовъ!... Хотите ли понять, что значитъ совершенство формы? Читайте Иліаду или *Стрѣлки оленей*, Одиссею или *Ганну*.»

Стрѣлки оленей и *Ганна* — двѣ поэмы Рунеберга, съ которыми мы надѣемся познакомить читателей. Первая была плодомъ тѣхъ же впечатлѣній, какіе отражаются въ помѣщенной здѣсь статьѣ, впе-

чатлѣній, произведенныхъ на поэта двухлѣтнимъ пребываніемъ во внутренности Финляндіи. Имъ посвятилъ онъ и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. Предлагаемъ одно изъ нихъ въ переводѣ. *Вечеръ на Рождество*, въ который происходитъ расказываемое, составляетъ въ Скандинавскихъ земляхъ и въ Финляндіи (такъ какъ и вообще въ странахъ протестантскихъ) время общаго семейнаго торжества. Эту же пору Рунебергъ избралъ предметомъ цѣлой поэмы, надъ которою онъ теперь трудится.

ВЕЧЕРЪ НА РОЖДЕСТВО.

Надъ степью блѣдный мѣсяцъ плылъ;
Голодный звѣрь въ ущельи вылъ;
Въ селѣ далекомъ лаялъ песъ.
Въ ту пору путникъ шелъ чрезъ лѣсъ
Въ пустыню, гдѣ былъ кровъ его.
Морозитъ; завтра Рождество.

Глухою, снѣжною тропой,
Усталый, онъ спѣшитъ домой
Къ женѣ, къ малюткамъ дорогимъ,
И хлѣбъ для праздника роднымъ
Несетъ онъ съ барскаго двора.
Имъ въ пищу служитъ лишь кора.

Но меркнетъ, меркнетъ въ вышинѣ;
Вдругъ отрокъ виденъ въ сторонѣ:

Къ сугробу молча прислоненъ,
Дыханьемъ руки грѣетъ онъ,
И мнится, пламя жизни въ немъ
Погаснуть хочетъ вмѣстѣ съ днемъ.

«Куда твой путь, бѣдняжка мой?
Приди погрѣться къ намъ домой.»
И онъ иззябшаго беретъ.
Вотъ наконецъ онъ у воротъ;
Вотъ онъ вошелъ на пиръ къ роднымъ,
Съ гостинцемъ, съ другомъ молодымъ.

У печки тамъ жена его
Младенца кормитъ своего:
«Какъ ты себя заставилъ ждать!
Приди жъ къ огню, поближе сядь;
Ты также!» Ласкова, нѣжна,
Дитя къ огню ведетъ она.

И черезъ мигъ, послушно ей,
Взвивалось пламя ужъ рѣзвѣй;
Не помня нужды, весела,
Тогда свой хлѣбъ она взяла,
На столъ снесла его, потомъ
И крынку съ жидкимъ молокомъ.

Ихъ полъ, для жданаго денька,
Соломой былъ прикрытъ слегка.
Съ него всталъ рой ребятъ къ столу.
Одинъ лишь гость еще въ углу.

Хозяйка бѣднаго беретъ,
И также къ ужину ведетъ.

Когда молитва отошла,
Хозяйка хлѣбецъ почала.
«Благословенъ убогихъ даръ!»
Промолвилъ отрокъ: дивный жаръ
Съ слезой въ очахъ его сіялъ,
Когда свою онъ долю взялъ.

Мать рѣжетъ хлѣбъ и для дѣтей,
Но хлѣбъ все цѣлъ да цѣлъ у ней.
На гостя юнаго она
Вперяетъ взоръ, изумлена;
И смотритъ, смотритъ: что же съ нимъ?
Внезапно весь онъ сталъ другимъ.

Въ очахъ, какъ на небѣ, свѣтло;
Блеститъ таинственно чело,
Слетаетъ съ нѣжныхъ плечъ покровъ,
Какъ передъ утромъ паръ съ луговъ.
Привѣтный Ангелъ обнажёнъ;
Какъ Божій рай прекрасенъ онъ.

Денница радости взошла;
Въ сердцахъ надежда разцвѣла,
И незабвенъ былъ вечеръ сей
Подъ кровомъ набожныхъ людей.
Гдѣ пиръ прекраснѣе бывалъ?
Здѣсь добрый Ангелъ пировалъ.

*

Чрезъ много зимъ, на мѣстѣ томъ
И я былъ въ ночь предъ Рождествомъ.
Еще стоялъ смиренный кровъ,
И жилъ тамъ правнукъ тѣхъ жильцовъ;
И онъ ужъ старъ былъ, ужъ сѣдѣлъ,
Но у того жъ стола сидѣлъ.

Такъ чудно было, такъ свѣтло!
Жена сидѣла близъ него,
И рядъ дѣтей ихъ окружалъ:
Молитвой воздухъ тамъ дышалъ;
И вѣрилось, обитель та
Какъ нѣкій храмъ была свята.

Горѣла свѣчка на столѣ:
(Одна лишь и была въ семьѣ!):
Тамъ бѣлый хлѣбъ и молоко;
Но ихъ не трогаетъ никто.
«Чье это мѣсто?» я спросилъ;»
«Тамъ» мнѣ сказали: «Ангелъ былъ».

Съ Шведскаго. **Я. ГРОТЪ.**

ГОНГО-СОККО ВЪ БРАЗИЛІИ.

Извлечено изъ писемъ Русскаго.

I.

Съ самаго пріѣзда моего въ Бразилію, я имѣлъ намѣреніе посѣтить примѣчательную область Минасъ Геракъ (Minas Geracs). Въ послѣдній годъ, я уже совсѣмъ было собрался привести его въ исполненіе: но въ это самое время принцъ Жуанвильскій пріѣхалъ въ Ріо; потомъ одинъ изъ друзей моихъ неотступно просилъ меня провести нѣсколько недѣль въ прелестныхъ горахъ Оргу (Orgues); далѣе встрѣтились разныя другія препятствія—и я долженъ былъ отложить это путешествіе. Чтобы совершить его сносным образомъ, надобно отправляться въ іюнѣ или августѣ, когда дороги, проложенныя одною природою,

еще не испортились отъ потоковъ и дождей. Но, бывъ обязанъ оставаться въ Ріо во время засѣданій Общаго Законодательнаго Собранія, я не могъ выѣхать ранѣе 7 числа ноября (1838). Регентъ и его министры дали мнѣ множество рекомендательныхъ писемъ къ мѣстнымъ начальствамъ и другимъ значительнымъ лицамъ Минасской области.

Въ Минасъ можно ѣхать двумя дорогами: по одной, дальнѣйшей и худшей, сухимъ путемъ, по другой, водою, заливомъ Ріо-Жанейрскимъ. Послѣднею ѣздятъ гораздо болѣе. Я поѣхалъ по первой вмѣстѣ съ г. Дювалемъ, директоромъ Англійской компаніи въ Гонго-Сокко, возвращавшимся въ Минасъ съ *трóпою* (tropa), отвозившею золото въ Ріо. Караванъ нашъ состоялъ изъ двадцати лошадей и вьючнаго скота съ нашею поклажею. Людей же, кромѣ г. Дюваля, жены его, однаго чиновника компаніи и меня, было: три горничныя, изъ которыхъ двѣ въ первый разъ отъ роду ѣхали верхомъ, и около двѣнадцати человѣкъ слугъ, Негровъ и *трóпейровъ* (tropeiros). Для путешествующихъ съ *трóпою* нужнѣе всего останавливаться въ мѣстахъ, гдѣ есть хорошія пажити для муловъ и довольно *капима* (трава, растущая по опушкѣ лѣса) для жеребцовъ, которыхъ нельзя пускать по волѣ на луга. Все, что касается до удобствъ жизни, здѣсь, въ полной мѣрѣ второстепенно — и отъ того надобно довольствоваться дурными ночлегами, спать часто

подъ раншо (rancho) *, и утолять голодъ пищею, которая по большей части состоитъ въ блюдѣ черныхъ Турецкихъ бобовъ, приправленныхъ *фариною* (маисовые толченые сухари).

Въ сопровожденіи трôпы трудно сдѣлать въ день болѣе шести Португальскихъ миль. Во время дождей дороги бываютъ ужасны. Вьючный скотъ погружается до колѣнъ въ тинистыя мѣста, и даже лошади и мулы, пріученные, чтобы на нихъ ѣздили верхомъ, съ величайшимъ трудомъ освобождаются изъ вязкой грязи. Однако жъ я совершилъ это продолжительное путешествіе безъ всякихъ приключеній, и мулъ мой достигъ Гонго почти въ такомъ же хорошемъ состояніи, въ какомъ былъ, оставляя Ріо. На этомъ пути досталось мнѣ испытать лишенія всякаго рода: не было ни хлѣба, ни мяса—одни цыплята и черные бобы. Вездѣ нечистота отвратительная. Я ложился спать, почти никогда не снимая ни платья, ни обуви, чтобъ избавиться отъ злыхъ, ужасныхъ и отвратительныхъ насѣкомыхъ, жадныхъ до нашей Европейской крови. Матрасомъ служила мнѣ тигровая кожа, а изголовьемъ подушка, надутая воздухомъ. Со дня выѣзда изъ Ріо мнѣ посчастливилось провести три ночи подъ *раншо*, гдѣ укрываются проводники му-

* Родъ навѣса.

овъ съ вещами путешественниковъ. Здѣсь задыхаешь-
я отъ дыма, клубящагося надъ огнемъ, на которомъ
Iегры варятъ обѣдъ свой на тотъ день и завтракъ
а слѣдующій. Однимъ словомъ, любезный другъ,
сякой, и самый неизнѣженный городскій житель,
отерялъ бы все терпѣніе, и вѣроятно возвратился
ы назадъ.

Видъ страны до того однообразенъ для людей,
е имѣющихъ обширныхъ познаній въ ботаникѣ и ми-
ералогіи, что, отъѣхавъ на два или три дня ѣзды
тъ морскаго берега, можно уже получить довольно
очное понятіе о внутренности Бразиліи. Величествен-
ые лѣса, необозримыя пастбища, взлелѣянныя одною
рородою, горы, которыхъ отлогости покрыты ко-
ейнымъ деревомъ, а вершины дѣвственными лѣсами,
оль же древними какъ міръ, встрѣчаются вездѣ въ
разиліи и наконецъ утомляютъ даже зрѣніе, кото-
е желало бы отдохнуть на памятникахъ образован-
ости, на предметахъ торговли и промышленности, или
произведеніяхъ успѣшнаго землепашества.

Послѣ четырехъ дней пути мы достигли рѣки
араибы, которая съ этой стороны отдѣляетъ область
о-Жанейро отъ Минаса. Она течетъ очень быстро
жду дикими скалами, возвышающимися надъ ея во-
ю. Мы переправились въ лодкѣ, въ которую сло-
ены были и всѣ вещи наши; мулы же и лошади
стились за нами вплавь. До Валенціи, городка до-

вольно красиваго, надобно ѣхать по высокимъ горамъ, которыя покрыты кофейнымъ деревомъ. Проѣхавъ пять или шесть миль далѣе, вы не встрѣтите болѣе лѣсу; самые кустарники становятся рѣдки, и глазамъ вашимъ открываются необозримыя равнины, представляющія роскошныя пажити для скота, главнѣйшаго богатства здѣшнихъ жителей. Съ сихъ-то равнинъ пригоняютъ безчисленныя стада быковъ для продовольствія столицы.

Проѣхавъ Квелузъ, маленькій городокъ, состоящій почти весь изъ развалинъ, вы усматриваете снова группы деревьевъ и высокія горы. Гора Уро-Бранко, въ шести миляхъ отъ Уро-Прето, такъ крута, что мы поднимались на нее три четверти часа. Съ-утра поѣхалъ я съ Дювалемъ впередъ, чтобы выиграть передъ *тропою* день, который мнѣ хотѣлось посвятить на осмотрѣніе города Уро-Прето. На пространствѣ нѣсколькихъ миль до Капао, красивой мызы полковника *Анаклето*, встрѣчаются рудники топазовъ. Большая часть изъ нихъ уже оставлена; въ тѣхъ же, которые лежатъ въ окрестностяхъ Капао, еще производятся работы, но весьма незначительныя. Отъ Капао до Уро-Прето дороги ужасны. По мѣрѣ приближенія къ главному городу области бѣдность и безплодіе увеличиваются. Видишь только жалкія хижины, разбросанныя далеко одна отъ другой и угрожающія паденіемъ; никакого признака земледѣлія; очень мало стадъ; вездѣ безплодная почва. Безпрестанно встрѣчаются вырытыя ямы

другіе слѣды тщательныхъ поисковъ золотопромышленниковъ. Теперь въ окрестностяхъ Уро-Прето промываніе золота совсѣмъ прекращено за недостаткомъ работниковъ, знанія и капиталовъ. Нельзя не чувствовать невольнаго удивленія при видѣ бѣдности, царствующей въ округахъ рудниковъ. Покинутыя деревни, развалившіеся домы, жители въ рубищахъ, однимъ словомъ, всѣ признаки разрушенія и нищеты. Первые поселенцы находили на днѣ источниковъ и рѣкъ богатства, накопившіяся въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, и труды ихъ вознаграждались обильно. Склонность къ расточительности усилилась вмѣстѣ съ легкостію пріобрѣтенія. Предметы безразсудной роскоши явились по всей странѣ. Огромныя суммы были издерживаемы въ обманчивой надеждѣ, что источникъ золота никогда не изсякнетъ. Когда срыли всю поверхность золотоносной почвы, а желаніе обогащаться оставалось въ прежней силѣ, надобно было рыть землю очень глубоко и отвращать теченіе потоковъ: это представило большія затрудненія и опасности работъ тягостныхъ и дорого стоящихъ. Не имѣя ни запасныхъ капиталовъ, ни работниковъ и не понимая дѣла, золотопромышленики истощили свои послѣднія средства и пришли въ разореніе. Богатству частныхъ владѣтелей золотыми рудниками послѣдній ударъ нанесенъ былъ (какъ справедливо сказалъ г. Дюваль въ остроумномъ небольшомъ сочиненіи своемъ о рудникахъ здѣшней области) пріѣздомъ Португальскаго двора въ Ріо. Всѣ тѣ, у кого оставалось еще какое-

либо состояніе , бросились въ столицу и издержали все , что имѣли — на чины и ордена. Слѣдствіемъ было то , что частныя лица уже не въ состояніи разработывать своихъ рудниковъ; большая часть изъ нихъ съ радостью продала ихъ Англійскимъ компаніямъ, а владѣющіе еще нѣкоторыми ожидаютъ только случая сдѣлать тоже. Одно соединеніе въ общины на будущее время можетъ доставить важную прибыль, потому-что для добыванія золота надобно всегда приготовиться на большія пожертвованія , часто не приносящія никакой непосредственной пользы: разработку рудниковъ и неувѣренность найти золото можно назвать синонимами. Я возвращусь къ этому предмету, когда буду говорить о заведеніяхъ въ этомъ родѣ Англичанъ , которыя намѣреваюсь осмотрѣть. Теперь же прибавлю только то, что разореніе золотыхъ промышлениковъ уже влечетъ за собою спасительное противодѣйствіе на образъ жизни народа, который начинаетъ обращать свою дѣятельность на землепашество, воздѣлываніе кофе и размноженіе скота. Эта область, гдѣ произрастаютъ всѣ прозябенія земнаго шара, требуетъ только усилій трудолюбивыхъ жителей, чтобы развить свои безчисленныя богатства. Климатъ ея здоровъ; соединяемые имъ влажность и жаръ приводятъ въ безпрестанное движеніе силу растительности, которая здѣсь , можно справедливо сказать , никогда не знаетъ отдыха. Но возвратимся къ моему путешествію.

Видъ Уро-Прето величественъ: городъ лежитъ на холмахъ, осѣненныхъ высокими горами, изъ которыхъ главнѣйшая, Итаколуми, на 5400 футовъ возвышается надъ поверхностью моря. Бразильскіе домики бѣлой краски, окаймленные красною полосой и окруженные неувядающею тропическою зеленью, прелестны на-видъ. Уро-Прето, въ 78 миляхъ отъРіо, назывался нѣкогда Villa Rica и обязанъ основаніемъ своимъ невѣроятному количеству золота, выносимаго волнами протекающаго здѣсь источника Riberao do Carmo, по черновато-красному руслу котораго струится теперь нѣсколько жилокъ воды, еще выносящей частички золота, едва достаточныя на содержаніе нѣсколькихъ несчастныхъ Негровъ. Этотъ городъ находится въ совершенномъ упадкѣ: никакой торговли, никакихъ фабрикъ. Онъ исчезнулъ бы совершенно, еслибъ не сосѣдство Англійскихъ рудокопень, и еслибъ онъ не былъ главнымъ городомъ областнаго управленія. По недостатку статистическихъ свѣдѣній невозможно съ точностію опредѣлить населенности Бразильскихъ городовъ. Меня увѣряли, что въ Уро-Прето, который при Вицекороляхъ имѣлъ болѣе 20,000 жителей, теперь не болѣе 7000 или 8000. Во время дождливой погоды, которая составляетъ Бразильскую зиму, на Уро-Прето почти каждый день льются цѣлые потоки, и жители его говорятъ, что съ появленіемъ каждой тучи на горизонтѣ можно навѣрное сказать, что она прольется надъ ихъ городомъ. Я былъ въ Intendencia, домѣ

казначейства, огромномъ зданіи, гдѣ хранятся всѣ общественныя денежныя суммы и гдѣ находятся различныя канцеляріи областнаго управленія. Сюда вносится поземельная подать за золото и драгоцѣнные каменья, добываемые здѣсь Англійскими компаніями и частными лицами. Однѣ компаніи очищаютъ этотъ долгъ; частныя лица не платятъ 5% со 100, требуемыхъ закономъ: они продаютъ свое золото купцамъ, которые вывозятъ его изъ провинціи, какъ контробанду. Я думалъ, что найду въ Intendencia слитки и мѣшки золота, а увидѣлъ только сундуки съ ассигнаціями. Въ подвалахъ хранится чрезвычайное множество мѣдной монеты, выведенной изъ обращенія: между-тѣмъ необходимость въ ней чувствуется въ области Минасской до такой степени, что за мѣдь платятъ 10% на 100. Посудите же, сколько терпитъ отъ того мелочная торговля!

Президентъ области, Бернардо Джасинто де-Вейга, братъ знаменитаго Эваристо, хотѣлъ назначить мнѣ квартиру въ Palacio, обширномъ зданіи не весьма изящной архитектуры, лежащемъ на одномъ изъ возвышеннѣйшихъ мѣстъ въ городѣ. Намѣреваясь провести въ Уро-Прето не болѣе нѣсколькихъ часовъ, я отклонилъ его обязательное предложеніе, но воспользуюсь имъ на возвратномъ пути. Я не могу нахвалиться пріемомъ, сдѣланнымъ мнѣ г-мъ Вейга. Это человѣкъ практически-умный и, по словамъ всѣхъ, особенно способный къ примиренію разныхъ партій. Онъ

много раказывалъ мнѣ о дѣлахъ общественныхъ. Голоса во время областнаго собранія почти всѣ были въ пользу нынѣшней администраціи: оппозиціи удалось назначить только однаго депутата въ число тридцати - шести кандидатовъ. Президентъ очень жаловался на затрудненія при сборѣ податей: жители отказываются платить областную десятину и чувствуютъ непреодолимое отвращеніе отъ военной службы. Онъ также говорилъ со мною о необходимости устроивать дороги: область заняла 400 контосовъ, чтобы сдѣлать дорогу отъ Уро-Прето въ Ріо-Жанейро, чрезъ Барбасену и Эстреллу. «Но, прибавилъ онъ, какъ трудно будетъ убѣдить Минейросовъ покориться требованімъ заставъ!» Вечеромъ президентъ отплатилъ мнѣ визитъ, сдѣланный ему утромъ, и за нѣсколько минутъ до отъѣзда прислалъ цѣлый пакетъ писемъ въ городъ Сабару, Villa do Principe и Діамантину.

Оставивъ Уро-Прето 21 Ноября, я долго ѣхалъ по крутымъ возвышенностямъ желѣзноватой почвы. Гора Антоніо Перейры, состоящая изъ твердой массы желѣзняку, имѣетъ такой крутой спускъ, что надобно сходить съ нея пѣшкомъ. По словамъ знатоковъ, здѣсь такъ много желѣза, что изо ста фунтовъ руды получается 80 фунтовъ чистаго металла. У подошвы горы находится опрятное селеніе, принадлежащее компаніи Гонго. Оно называется по имени прежняго владѣльца Антоніо Перейры. Неда-

леко отъ главнаго дома, подлѣ прекрасной известковой скалы, показываютъ мѣсто, гдѣ случилось происшествіе довольно трагическое и достойное расказа. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, владѣлецъ этаго мѣста, Антоніо Перейра, случайно открылъ богатую золотую жилу, обѣщавшую самый счастливый успѣхъ. Приставивъ тотчасъ къ этому сокровищу стражу изъ пятнадцати невольниковъ и довѣреннаго человѣка, онъ въ тотъ же вечеръ созвалъ на великолѣпный ужинъ друзей своихъ и объявилъ имъ объ открытіи, которое вѣроятно сдѣлаетъ его величайшимъ богачемъ въ Бразиліи. Онъ приглашалъ ихъ на другой день отправиться вмѣстѣ съ нимъ на мѣсто открытія съ музыкою и литаврами. Но какъ велика была досада будущаго Креза, когда, вмѣсто сокровища и людей, приставленныхъ къ нему, онъ увидѣлъ только скалы, взгроможденныя одна на другую. Страшный обвалъ поглотилъ въ одну ночь сокровища, невольниковъ и надежды на будущее счастіе. Бѣдный Антоніо вскорѣ потомъ умеръ отъ горя. Сынъ его, находящійся еще въ-живыхъ, продалъ владѣніе свое за 2000 ф. с. компаніи Гонго; но она еще не разработала этаго рудника: почва его противится постройкѣ глубокихъ галлерей. Сверхъ того огромные капиталы необходимы для обращенія въ другую сторону водъ, текущихъ въ узкой долинѣ. Богатые рудники Гонго привлекаютъ теперь все вниманіе компаніи. Когда они изсякнутъ, она по-необходимости употребитъ капиталы и безчисленныя средства свои на разработку зе-

или Перейры, надъ которою до сихъ поръ мало трудились.

На пространствѣ многихъ миль отъ Перейры мы ѣхали по странѣ, гдѣ не было ни малѣйшихъ слѣдовъ воздѣлыванія. Вездѣ желѣзноватая почва и *морны**, изрытыя во всѣхъ направленіяхъ руками первыхъ рудокоповъ. Деревни Inficionado и Catas Altas, нѣкогда цвѣтущія, представляютъ теперь, вмѣстѣ съ окружающею ихъ землею, картину пустоты и разрушенія. Въ Катасъ-Альтасѣ застигла насъ страшная буря. Спасаясь отъ грома, молніи и потоковъ дождя, мы почли себя счастливыми, что могли пріютиться въ деревнѣ Брумадо подъ гостепріимнымъ кровомъ отца Себастіана Джозе-де-Карвало Пенны. По стѣнамъ залы его висятъ гравюры, изображающія бѣдствія папы Пія VI въ 1797, и смерть его въ 1799 году. Показавъ мнѣ эстампъ, на которомъ Пій VI представленъ въ ту минуту, когда вручаетъ мечь начальствованія генералу Колли, для защиты Церковныхъ Областей, пастырь сказалъ, что папы суть посланники мира, и должны бы заниматься только дѣлами духовными, не вмѣшиваясь въ дѣла житейскія. Пенна слыветъ здѣсь человѣкомъ богатымъ, а гостепріимство его вошло въ пословицу въ здѣшней области. Онъ сказалъ мнѣ, что большая часть названій городовъ и селеній этой час-

* Американскія приморскія горы.

ти Минаса взята изъ языка первыхъ жителей земли. *Брумадо* значитъ *оконченный; Итагиру* — попугай на камнѣ; *Итабира* — острый камень, *Итавируссу* — большой камень, и проч. Мы разстались съ Пенной утромъ 23 числа, а послѣ обѣда того же дня достигли Гонго-Сокко. Это прекрасное селеніе заслуживаетъ особенное описаніе. Дурная погода и необходимость отдыха удержали меня нѣсколько дней въ комнатѣ. Послѣзавтра (29 нояб.) я располагаюсь осмотрѣть главный рудникъ и спуститься на 55 саженъ подъ землю.

II.

Шесть недѣль, проведенныхъ мною въ Гонго, подъ гостепріимнымъ кровомъ г. Дюваля, доставили мнѣ возможность собрать достовѣрныя свѣдѣнія объ основаніи, распространеніи, управленіи и будущности здѣшнихъ рудокопень, которыя однѣ стоятъ путешествія въ Минасъ Жеракъ. Въ нынѣшнемъ письмѣ моемъ вы найдете все, что имѣетъ только какое-либо отношеніе къ этому обширному заведенію, все, что видѣлъ я собственными глазами, и что могъ узнать изъ разговоровъ съ директоромъ и людьми, находящимися въ службѣ компаніи, которые вс[е] усердно старались удовлетворять моему любопытству и помогать мнѣ въ моихъ изысканіяхъ.

Время открытія руды въ Гонго-Сокко неизвѣстно въ точности. На языкѣ первыхъ обитателей *Гонго-Сокко* значитъ буквально *Пещера воровъ.* Есть преданіе, что назадъ тому сто лѣтъ многочисленныя шайки взбунтовавшихся Негровъ разоряли эту страну и складывали добычу свою въ пещеру, находящуюся въ саду Casa Grande, резиденціи директора компаніи. Отъ большихъ выгодъ, какія доставляла *Фескадорамъ** земля, орошаемая источникомъ *Соккоро*, это мѣсто прослыло очень богатымъ. До сихъ поръ на берегахъ источника видны слѣды прежнихъ работъ. При всемъ томъ мѣстечко Гонго-Сокко еще такъ мало извѣстно было въ концѣ послѣдняго столѣтія, что не означалось ни на одной изъ картъ области, къ которой принадлежало. Тогдашній владѣлецъ его, Камара, такъ незначительно цѣнилъ Гонго, что продалъ его Гварда-Моръ-Джераль-дасъ-Минасъ-Джозе-Альвецу да-Куна-Порто за 800 ф. с. Незадолго до смерти сего послѣдняго, два Негра, разработывая золотоносныя промоины по берегамъ источника Гонго, нашли въ 1817 году большой кусокъ золота, почти цѣльнаго, вѣсившій пять фунтовъ и окруженный аспиднымъ, слюдисто-желѣзноватымъ камнемъ. Джоао-Баптиста Ку-

* *Фескадорами* называютъ людей, которые на берегахъ, на днѣ ручьевъ или потоковъ отыскиваютъ вещества, заключающія въ себѣ частицы золота, и промываютъ ихъ. Этотъ родъ промышленности совсѣмъ невыгоденъ и рѣдко обогащаетъ занимающихся имъ. Faiscador происходитъ отъ слова *Faisca,* искра.

тинго, въ послѣдствіи баронъ Катасъ-Альтасъ*, имѣвшій въ супружествѣ, одну за другою, двухъ дочерей Гварда-Моръ-Джераль-Джозе-Альвеца, управлялъ имѣніемъ своего тестя, который въ тоже время былъ его зятемъ по второй женѣ, се-

* Исторія этаго барона имѣетъ много страннаго. Онъ былъ церковнымъ ключаремъ въ деревнѣ Катасъ-Альтасъ. Наслѣдовавъ одну часть рудниковъ Гонго и несправедливо завладѣвъ всѣми остальными, онъ сдѣлался несмѣтнымъ богачемъ. Счастіе обратило его въ чудака. Почитая рудники свои неисчерпаемыми, онъ расточалъ золото по мѣрѣ того, какъ доставалъ его изъ земли. Онъ страстно любилъ удивлять всѣхъ своими богатствами. На пирахъ и праздникахъ своихъ онъ почиталъ первымъ счастіемъ разбивать все, что могло быть разбито на столѣ его, чтобы на другой день представить гостямъ новые сервизы фарфоровые и хрустальные. Этотъ безумецъ приготовилъ въ одинъ день необыкновенный десертъ — родъ орѣховъ изъ цѣльнаго золота. Ихъ подавали всѣмъ многочисленнымъ гостямъ его. Кромѣ дома въ Гонго, онъ имѣлъ еще прекрасные домы въ Каэтѣ, Уро-Прето, Сабарѣ, Санта-Люціи, Брюмадо. Управляющіе его имѣли приказаніе держать эти домы открытыми для всѣхъ. Послѣ этаго, можно судить о счетахъ, которые представлялись барону по истеченіи года! Свита его во время путешествій простиралась до сорока человѣкъ. Онъ покрывалъ всѣ расходы ихъ. Во время перваго путешествія императора Педро I-го въ Минасъ онъ поднесъ Его Величеству сервизъ изъ цѣльнаго золота. Страсть къ расточительности не заглушила въ немъ однако жъ страсти къ почестямъ. Онъ заплатилъ много золота, чтобъ сдѣлаться знатнымъ человѣкомъ въ имперіи. Во время представленія его ко двору императоръ спросилъ объ его имени. Джоао Баптиста Ферейра да Суза Кутинго, отвѣчалъ богачь. «Mais cumprido o nome que a pessoa!» (имя длиннѣе человѣка!) сказалъ императоръ: искатель почестей былъ очень малъ ростомъ. Чтобъ утѣшить его послѣ этой шутки Донъ-Педро далъ ему титулъ *барона Катасъ-Альтаса* (возвышенная рытвина). Глубокая бездна денегъ была въ этомъ Катасъ-Альтасѣ. Деньги, выручен-

стрѣ барона. Онъ оставилъ въ-тайнѣ открытіе Негровъ и, полагая, что найденный кусокъ золота оторвался отъ верхней части горы, началъ различнымъ образомъ разыскивать и дошелъ до золотоносной поверхности настоящаго слоя Гонго. Джо-е-Альвецъ умеръ въ 1818 году, и баронъ Катасъ-Альтасъ, изъ управляющаго этими рудниками, сдѣлался владѣльцемъ и располагалъ по своей волѣ доходами, не отдавая никакаго отчета своимъ родственникамъ-сонаслѣдникамъ. Въ теченіе осьми лѣтъ онъ досталъ по Бразильской методѣ talho oberto* несмѣтныя суммы, простиравшіяся до нѣсколькихъ милліоновъ крузадовъ. Цѣлые два года онъ получалъ, полагая среднимъ числомъ, по 15 фунтовъ золота 670 ф. с.) въ день! Наконецъ барону Катасъ-Альта-

ыя имъ при продажѣ Гонго, были очень скоро издержаны. Но онъ еще имѣлъ счастіе, если позволено такъ назвать возможность дѣлать новыя глупости, поправить свое состояніе. Онъ купилъ за бездѣлицу за три контоса) богатый рудникъ *Макаубасъ*, откуда досталъ много золота, и потомъ продалъ его за большую сумму Англійской компаніи. Возобновившіяся странности довершили его разореніе. Онъ умеръ съ печали въ маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, въ бѣдности и преслѣдуемый заимодавцами. Единственный сынъ его живетъ близъ Каэты, на фермѣ, которая едва доставляетъ ему средства къ существованію. Исторія барона Катасъ-Альтаса можетъ въ тоже время назваться исторіей большей части владѣльцевъ рудниковъ въ области Минасской.

* Mineracao de talho oberto, работа подъ открытымъ небомъ, состоящая въ томъ, что морны прорѣзываются перпендикулярно къ почвѣ до тѣхъ поръ, пока покажется золото, заключающееся въ ихъ нѣдрѣ. Ничто не можетъ быть печальнѣе, какъ видъ этихъ морнъ, разсѣченныхъ во всѣхъ направленіяхъ прежними рудокопами.

су показалось, что рудникъ Гонго-Сокко истощился, и онъ продалъ его за 90,000 ф. с. Английской компаніи Imperial Brazilian Mining Association. Эта компанія составилась въ 1824 году, когда господствовала страсть къ спекуляціямъ на рудники. Капиталъ ея состоялъ изъ 350,000 ф. с. Каждая акція въ 35 ф. с.

Земля Гонго простирается на 3½ мили въ длину и на 4¾ въ ширину. Она лежитъ въ прекрасной долинѣ, орошаемой источникомъ Сокорро, котораго воды, постоянно мутныя и желтоватыя, свидѣтельствуютъ о работахъ рудокоповъ. Холмы, покрытые лѣсомъ и пажитями, представляютъ вдали какъ будто опушку этой глубокой долины. До покупки, компанія Imperial Brazilian Mining Association владѣла уже землями Антоніо-Перейры и Ката-Преты, близъ мѣстечка Инфичіонадо. Каждое изъ сихъ владѣній также велико какъ Гонго, и оба очень богаты. Но компанія начнетъ разработку этихъ рудниковъ только тогда, когда получитъ согласіе Общаго Законодательнаго Собранія на уменьшеніе процентовъ платимыхъ ею*.

* Только одна компанія Гонго-Сокко платитъ правительству 20% со 100 за произведеніе рудниковъ. Английскія компаніи Cocaes, Cata Bracna, Morro, das Almas, и Candango платятъ только 5%. Компанія Morro Velho — 10%. Гонго до прошедшаго года платила 25%. Предшественники Дюваля безуспѣшно старались о сбавкѣ: областное управленіе не удовлетворяло просьбѣ ихъ, потому ли, что въ просителяхъ не доставало искуства и духа соглашенія, или потому, что они оскорбили національную гордость, обративъ вопросъ чисто судебный въ дѣло политическое, съ которымъ грозили прибѣг-

и когда эти проценты уравнены будутъ съ тѣми, какіе платятъ другія компаніи. Разработка сія требуетъ большихъ издержекъ по свойству земли и потому-что вода течетъ въ глубокой и узкой долинѣ.

Съ 1826 года разработка рудниковъ началась въ глубину и вскорѣ исполнила надежды акціонеровъ. Въ короткій двенадцати-лѣтній срокъ этотъ необыкновенный рудникъ доставилъ болѣе 30,000 фунтовъ золота (около 1,200,000 ф. с.). Бразильское правительство получило изъ этой огромной суммы около 2000 контосовъ (250,000 ф. с.) за право владѣнія рудникомъ и 120 контосовъ (15,000 ф. с.) за право вывоза. Издержки компаніи въ провинціи Минасской не превышаютъ 2000 контосовъ. Акціонеры, платившіе по 20 ф. с. съ акціи, для покупки земли и на издер-

нуть къ посредничеству Британскаго правительства. И такъ нынѣшній директоръ долженъ былъ поступать совсѣмъ иначе: онъ началъ тѣмъ, что снискалъ благорасположеніе Провинціальнаго Собранія, и съ согласія его поѣхалъ въ 1837 году въ Ріо хлопотать въ Палатахъ о сбавкѣ до 15%. Палата Депутатовъ согласилась на это уменьшеніе, но Сенатъ отказалъ и сбавилъ только 5%. Компанія начала платить 20%. Неудовольствовавшись этимъ рѣшеніемъ, г-нъ Дюваль надѣялся, чтъ Сенатъ будетъ сговорчивѣе при второмъ благосклонномъ мнѣніи Палаты Депутатовъ. Однако жъ медленность въ дѣлахъ засѣданій 1838 года помѣшала Нижней Палатѣ заняться новою просьбою компаніи; только въ послѣдніе дни засѣданій Коммиссія обнародовала свое донесеніе. Оно въ полной мѣрѣ благопріятствуетъ выгодамъ компаніи, и надобно надѣяться, что во время засѣданій 1839 Законодательное Собраніе утвердитъ сбавку, согласную съ строгою справедливостію и съ истинными пользами акціонеровъ и провинціи.

жки, необходимыя при разработкѣ, не только возвратили деньги свои, но еще получили выгоды по 10 ф. с. съ каждой акціи. Сверхъ того компанія имѣетъ запасный капиталъ въ 50,000 ф. с. на непредвидимые случаи. Надобно также поставить въ счетъ каменныя строенія, машины, землю, скотъ и болѣе 400 невольниковъ, принадлежащихъ компаніи. Надобно сказать правду, что всѣ эти прекрасные результаты куплены дорогою цѣною: издержки разработки простираются каждый годъ до 45,000 ф. с., не считая тутъ 20 процентовъ, платимыхъ правительству. Число чиновниковъ, служащихъ здѣсь, очень велико, и надлежало назначить большія жалованья, чтобы люди знающіе рѣшились поселиться въ этихъ пустыняхъ. Обыкновенный рудокопъ получаетъ *восемь* ф. с. въ мѣсяцъ. Прибавьте, что дороговизна чрезвычайна въ такой землѣ, гдѣ перевозка съѣстныхъ припасовъ производится на мулахъ, и гдѣ, во время дождей, по дорогамъ почти невозможно проѣхать. Можно сказать безъ переувеличенія, что въ послѣднія десять лѣтъ дѣятельность почти удвоила цѣну Гонго. Съ другой стороны, для распространенія работъ въ рудникахъ на большую глубину *, единственное средство получить важныя выгоды, необходимо было потребленіе цѣлыхъ лѣсовъ. Какъ золотоносный слой Гонго

* Работы въ рудникѣ Гонго доходили до 55 саженей глубины, длина же его отъ востока на западъ простирается на 435 саженей. Слой его состоитъ изъ рыхлаго, слюдисто-аспиднаго желѣза, и называется на здѣшнемъ языкѣ Jacoting. Твердыя ве-

остоитъ изъ мягкихъ веществъ, то работа рудо-
оповъ идетъ очень скоро; но чтобъ не прерывать ея,
мъ непремѣнно нужно быть подъ защитою деревян-
ыхъ навѣсовъ. Эти навѣсы, не смотря на прочность
разильскихъ деревьевъ, должны быть возобновляемы
резъ каждые три года; такъ велика сырость въ гал-
реяхъ, гдѣ стоки воды. И по этой причинѣ большая

ства, содержащія въ себѣ золото, и часто въ большихъ кус-
къ, высылаются на поверхность земли въ ящикахъ подъ замкомъ;
инъ изъ ключей хранится у дежурнаго чиновника, другой у того,
му поручено смотрѣть за промываніемъ руды. Эти твердыя вещества,
вольниками раздробленныя въ мелкія части посредствомъ желѣзныхъ
бинокъ, раздаются промывальщицамъ, которыя, по крайней мѣрѣ
числѣ дюжины, сидятъ съ своими bateas (родъ чашекъ изъ кра-
го, душистаго дерева, называемаго cedro) подлѣ большихъ ло-
ей, наполненныхъ водою. По окончаніи промыванія, золото, ос-
шееся на днѣ чашекъ, выкладывается на мѣдныя блюда, сушит-
на огнѣ, и наконецъ, будучи взвѣшено, передается казначею, ко-
ый прячетъ его въ кожаные мѣшки. Эти мѣшки въ свою очередь
адываются въ крѣпкій желѣзный сундукъ, сохраняемый въ скрыт-
ъ мѣстѣ канцеляріи директора. Частицы Jacoting, менѣе драго-
ныя, достигаютъ поверхности въ боченкахъ, и отсылаются въ тележ-
ь на толчею, гдѣ превращаются въ порошокъ. Послѣ промыванія въ
рытыхъ и обитыхъ кожами жалобахъ, по которымъ льются потоки
ы, онѣ перемываются также и въ чашкахъ. Теперь начинаютъ вво-
ь способъ очищенія амальгамою съ помощію ртути, которая, смѣ-
шись въ нѣкоторомъ количествѣ съ золотоносными веществами,
нѣсколько часовъ отдѣляетъ золото отъ всѣхъ чуждыхъ ему ча-
цъ руды. Этотъ способъ дѣлаетъ совершенно излишнимъ промы-
е руды, и массы ея, раздробляемыя въ порошокъ толчеями, не бу-
ъ имѣть надобности проходить по жалобамъ и промываться въ
ікахъ, необходимо занимающихъ очень много рукъ.

часть лѣсовъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Гонго уже истреблена; компанія принуждена была поку- пать лѣса въ дальнемъ разстояніи отъ рудника, и са- мые эти лѣса уже початы, и вѣрно скоро принесутся въ жертву подземнымъ сводамъ и галлереямъ. Недо- статокъ лѣса чувствуется во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ осно- вались рудокопныя компаніи. До тѣхъ поръ только пока продолжается богатство рудниковъ Гонго, ком- панія можетъ успѣвать при этихъ тягостныхъ усло- віяхъ. Давно надлежало бы подумать дѣлать изъ кам- ня, по крайней мѣрѣ, сточныя галлереи. Ко всѣмъ этимъ непомѣрнымъ расходамъ надобно прибавить еще воровство, обыкновенное въ рудокопныхъ компа- ніяхъ. Никакая бдительность не можетъ совершен остановить этаго зла. При золотыхъ рудахъ, осо- бенно при Jacoting, надлежало бы тщательно осма- ривать каждаго рудокопа, выходящаго изъ рудника. Но этаго не дѣлается въ Гонго, и отъ того, во врем самаго цвѣтущаго состоянія рудника, множество ни шихъ чиновниковъ, служившихъ при немъ, сдѣлали богачами. Теперь, отъ того ли, что рудникъ уже так богатъ, или, что нравственность рудокоповъ улу шилась, или бдительность начальниковъ ихъ увели чилась, только воровство случается уже гораздо рѣже Однако жъ все еще можно купить золота изъ Гонг въ Ріо-Жанейро: это доказываетъ, что непозволенн средства богатѣть еще существуютъ тамъ.

Количество золота, добываемаго въ рудникѣ Гон-
о, чрезвычайно неровно и перемѣнчиво. Нынѣшній
иректоръ очень хорошо сказалъ объ этомъ: a blow of
ne pick may turn the way from poverty to wealth (одинъ
даръ заступа можетъ поворотить дорогу отъ бѣдно-
ти къ богатству). Рудникъ въ самомъ дѣлѣ не одинъ
азъ доставлялъ болѣе 100 фунтовъ золота въ день,
назавтра всѣми усиліями едва можно было полу-
ить три или четыре фунта. Я самъ былъ очевидцемъ
акой перемѣнчивости. Произведенія рудниковъ въ те-
еніе нынѣшняго ноября были довольно незначитель-
ы: золото, полученное изъ руды, и произведе-
іе толчей едва доходили до трехъ или четырехъ
унтовъ въ день. За то, во время моей подземельной
рогулки 30 ноября, я съ удивленіемъ видѣлъ, что
ъ продолженіе четырехъ часовъ достали 20 фунтовъ
олота. Спустя день потомъ, мнѣ сказывали, что жи-
а не оправдала поданныхъ ею надеждъ, и съ того
ремени добываніе продолжало быть незначительно.

Въ 1826 году Гонго-Сокко была жалкая де-
евушка; теперь это красивое селеніе Европей-
кое, заключающее въ себѣ болѣе тысячи чело-
ѣкъ жителей, находящихся въ службѣ компаніи.
Тамъ двѣ церкви, изъ которыхъ одна Католиче-
кая, а другая Протестантская. Протестанты до
сихъ поръ не могли хвалиться пастырями, при-
сылаемыми къ нимъ изъ Лондона. Особливо по-
слѣдній изъ нихъ, вмѣсто того, чтобъ быть слу-

жителемъ мира, внесъ раздоръ въ маленькую колонію. Онъ хотѣлъ непремѣнно проповѣдывать противъ католицизма, и только отрѣшеніемъ его отъ должности возвратили тишину Гонго. Не теологи и риторы нужны для селеній, брошенныхъ на чуждую землю, но почтенные сельскіе пастыри, которые своими добродѣтелями подавали бы хорошіе примѣры единовѣрцамъ, а умѣренными выраженіями и миролюбивымъ поведеніемъ заслуживали уваженіе людей, принадлежащихъ къ господствующей вѣрѣ. Система patronage, или права опредѣлять къ мѣстамъ, значительно дѣйствуетъ на выборы правительственнаго комитета въ Лондонѣ. Надлежало бы оставить эту вредную систему, особливо, когда она касается духовенства. Только поживъ въ Гонго, можно получить понятіе о тѣхъ безпорядкахъ и сплетняхъ, какія человѣкъ безпокойный и злонамѣренный можетъ произвести въ мирной колоніи. Трудно вести спорное дѣло съ духовнымъ лицемъ, когда, для избѣжанія гласности, не хотятъ прибѣгать къ посредничеству мѣстной полиціи *.

Всѣ домы въ Гонго каменные, и почти всѣ окружены красивыми садами. Госпиталь его обширное строеніе, хорошо расположенное, въ которомъ, по нуждѣ, можетъ помѣститься сто кроватей. Я не ви-

* Англійскія компаніи боятся нападеній журналистовъ и съ величайшимъ отвращеніемъ являются предъ судилищами. Чтобъ избѣжать гласности, онѣ предпочитаютъ миролюбивыя сдѣлки, хотя бы онѣ стоили имъ большихъ денежныхъ пожертвованій.

дѣлъ тамъ болѣе четырехъ или шести человѣкъ, больныхъ въ одно время, да и тѣ страдали только отъ ушибовъ. Это обстоятельство доказываетъ здоровый климатъ Гонго и человѣколюбивое обхожденіе съ невольниками и свободными работниками. Домъ директора великъ и удобенъ, но могъ бы имѣть лучшее мѣстоположеніе. Гостепріимство къ чужестранцамъ вошло въ пословицу въ провинціи. Система порядка и постоянной точности составляетъ вѣтви здѣшняго управленія. Нынѣшній директоръ отличается ревностію, способностями и дѣятельностію, превышающими всякую похвалу. Можно было бы ожидать еще лучшихъ послѣдствій отъ его распоряженій, если бы ему не нужно было ѣздить каждый годъ въ Ріо, чтобы во время засѣданій Законодательнаго Собранія хлопотать объ уменьшеніи процентовъ. Какъ ни хорошо заведете вы машину, но колеса ея почувствуютъ наконецъ отсутствіе главной побудительной силы, приводящей все въ движеніе. Каждый день начальники разныхъ департаментовъ приходятъ въ 9 часовъ въ канцелярію, которая помѣщена въ нижнемъ этажѣ Casa Grande. Они подаютъ директору свои рапорты, и принимаютъ отъ него приказанія. Все это дѣлается письменно, чтобы избѣжать малѣйшихъ сомнѣній въ истинныхъ намѣреніяхъ начальства. Всѣ предписанія, какія получаются изъ Лондона, и всѣ тѣ, какія директоръ находитъ нужнымъ объявлять подъ своею собственною отвѣтственностію, вносятся въ книгу. Каждый изъ служащихъ обязанъ узнать въ ней мѣс-

та, относящіяся къ тому департаменту, къ которому онъ принадлежитъ, и подписать на поляхъ свое имя. Другая книга назначена и всегда открыта для замѣчаній и вопросовъ, какія каждый чиновникъ почтетъ обязанностію сдѣлать. Директоръ непосредственно разсматриваетъ ихъ и даетъ письменныя рѣшенія, пріобрѣтающія тотчасъ силу закона. Каждые полгода, комитетъ директоровъ, имѣющій пребываніе въ Лондонѣ, печатаетъ о ходѣ дѣлъ и работъ рудника.

Я не могу лучше кончить этотъ очеркъ, какъ приведя слова однаго остроумца, долгое время жившаго въ Гонго. «It is a finely regulated piece of machinery, which has done its duty well and will tallo appearances long continue to do so and be a source of profit to the owners of this valuable property.» (Это прекрасно устроенная машина, которая всегда хорошо исполняла, и по всѣмъ вѣроятностямъ, будетъ еще долго исполнять свою обязанность и надолго останется источникомъ выгодъ для владѣтелей этой драгоцѣнной собственности).

С. Л.

РАЗБОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

Объ обязанностяхъ христіанина. Въ 8; 219 стран.

Книга начинается *Введеніемъ*, заключающимъ въ ебѣ — 1) Понятіе объ обязанностяхъ христіанина и аздѣленіе ихъ. 2) Отличительное свойство христіан-кихъ дѣйствій. Сочиненіе раздѣлено на шесть главъ. . Объ обязанностяхъ къ Богу. II. Объ обязанностяхъ ристіанина къ самому себѣ. III. Въ отношеніи къ лижнимъ. IV. Въ состояніи домашнемъ. V. Въ со-тояніи гражданскомъ. VI. Въ состояніи церковномъ. аждая глава, смотря по объему предмета, раздѣле-а на нѣсколько параграфовъ. Эта книга, во всѣхъ

отношеніяхъ, представляетъ цѣлое самое гармоническое. Авторъ ничего не пропустилъ, что существенно связывается съ предметомъ, имъ избраннымъ. Всѣ части его привелъ онъ въ твердую и легкую систему. Его изложеніе дышитъ сердечнымъ убѣжденіемъ въ истинѣ мыслей, ясностію и точностію языка въ каждомъ выраженіи.

2. Обѣдъ, какаго не бывало. *Сочин.* Ѳ. Глинки. *Въ* 12; 30 *стран.*

Не безъ намѣренія мы говоримъ объ этой книжкѣ въ слѣдъ за сочиненіемъ, разсмотрѣннымъ выше. Она должна быть перечитываема для укрѣпленія нравственныхъ началъ въ сердцѣ. Прошедшаго Октября, въ Москвѣ, открытъ домъ призрѣнія *Просящихъ милостыню.* Авторъ присутствовалъ во время перваго ихъ обѣда. И не поэтическая душа разогрѣлась бы отъ подобнаго зрѣлища. Кто знакомъ съ сочиненіями Ѳ. Н. Глинки (изъ дѣйствительно Русскихъ вѣрно всѣ читали ихъ); тотъ можетъ вообразить, какъ подѣйствовала на него умилительная картина милосердія. Онъ увлекательно высказался въ своихъ начертаніяхъ физіономій, въ своихъ филантропическихъ разсказахъ и предположеніяхъ.

3. **О возсоединеніи Уніатовъ** *съ православною церковію въ Россійской имперіи. Въ* 8; 28 *и* 29 *стран.*

Обнародованіе событія , изложеннаго въ этомъ сочиненіи, доставляетъ исторіи церкви одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ. Здѣсь содержится самое обстоятельное повѣствованіе о томъ, какъ получила свое начало, какъ развилась и достигнула исполненія мысль Уніатовъ о возсоединеніи церкви ихъ съ православною. Главному предмету предшествуетъ историческое обозрѣніе состóянія Уніатской церкви до нынѣшней эпохи. Въ заключеніе помѣщены всѣ акты, на которыхъ исторія утверждаетъ свои разсказы. Замѣчательно, что разсматриваемое нами сочиненіе, по редакціи своей , можетъ служить образцемъ дѣловой прозы: такъ все здѣсь изложено кратко , но ясно, сильно и въ тоже время спокойно.

4. *Торжество заложенія* **храма во имя Христа Спасителя** *въ Москвѣ* 1839 *года сентября* 10-*го дня. Въ* 8; 23 *стран.*

Благочестивѣйшій **Самодержецъ** Россіи, увѣковѣчивъ память Бородинской битвы , въ тоже время привелъ въ исполненіе святую мысль **Благословеннаго Александра** — воздвигнуть въ Москвѣ храмъ Спасителю. Торжество заложенія сего храма, какъ

событіе историческое, должно перейти въ самое отдаленное потомство. Въ книжкѣ, изданной по сему случаю, описаны не только всѣ любопытныя подробности празднества, но помѣщена и та прекрасная Рѣчь Московскаго Митрополита Филарета, которою онъ, по окончаніи торжества, привѣтствовалъ Государя Императора.

*

5. *Указатель* источниковъ исторіи и географіи Москвы, *съ древнимъ ея уѣздомъ, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ, по княженіямъ и царствованіямъ Россійскихъ Государей, съ включеніемъ царствованія Государя Императора* Николая Павловича. *Соч.* П. Хавскаго. *Въ* 8; *стран. XII и* 367.

Сочинитель предпринялъ показать въ хронологическомъ порядкѣ всѣ матеріалы, которыми историкъ и географъ можетъ воспользоваться, если приступитъ къ составленію частной исторіи или географіи Москвы и ея уѣзда. Трудъ его у насъ первый въ своемъ родѣ. Никто не усомнится, что въ немъ есть и пропуски и излишества. Но этотъ опытъ, самъ по себѣ такъ важенъ, такъ полезенъ и даже въ теперешнемъ видѣ такъ уже удовлетворителенъ, что невозможно отказать сочинителю въ благодарности любителей отечественной исторіи.

6. *Взглядъ на* Армянскую Область. *Изъ путевыхъ записокъ* Н. Нефедьева. *Въ* 8; 74 *стран. Съ картою Армянской области.*

7. *Всходъ на* Араратъ, *или вакаціальная прогулка отъ Тифлиса до вершинъ Арарата. К.* Спасскаго-Автономова. *Въ* 8; 101 *стран.*

8. *Лѣтняя прогулка по* Финляндіи и Швеціи *въ* 1838 *году*, Ѳаддея Булгарина. *Двѣ части. Въ* 8; *стран.* 274 и 391.

Заглавія приведенныхъ здѣсь книгъ свидѣтельствуютъ, что пограничныя земли обширнаго отечества нашего болѣе и болѣе становятся предметомъ вниманія любознательныхъ людей. Надобно и желать этаго для распространенія свѣдѣній о всѣхъ частяхъ государства, потому-что сочиненія, издаваемыя путешественниками, охотно читаются. Особенно можно радоваться такому умонаправленію, когда видишь въ книгѣ, какъ у г. Нефедьева, что умѣнье разсказывать соединено съ точностію и занимательностію самаго дѣла.

*

9. *Новыя повѣсти* Н. Ф. Павлова. Маскарадъ. Демонъ. Милліонъ. *Въ* 8; 116 *стран.*

Въ отдѣленіи романовъ, повѣстей и разсказовъ, напечатанныхъ въ послѣдніе три мѣсяца, мы не мо-

жемъ представить ничего замѣчательнѣе книги г. Павлова. Онъ писатель самый внимательный къ своему дѣлу, глубоко вникающій въ сущность предметовъ своихъ, изучающій всѣ подробности частной жизни, однимъ словомъ—онъ ни слова не говоритъ безотчетно. Читать его занимательно и даже поучительно, хотя не соглашаешься съ нимъ въ мысляхъ и чувствуешь утомленіе отъ его разсказовъ. Въ повѣстяхъ его надобно отличать достоинства *частей* отъ цѣнности *цѣлаго*. Каждая мысль его, сама по себѣ, замѣчательна, какъ свидѣтельство ума проницательнаго и дѣйствующаго. Каждое выраженіе у него запечатлѣно новостію и силой. Но всякое произведеніе изящнаго искуства оцѣнивается преимущественно по тому впечатлѣнію, которое сообщается душѣ созерцаніемъ цѣлаго. Главный характеръ созданія магически овладѣваетъ всѣмъ духовнымъ существомъ нашимъ и подчиняетъ насъ надъ всѣмъ господствующей красотѣ своей. Мы охотно остаемся въ состояніи этой усладительной неволи; потому-что въ области покорившей насъ красоты ощущаемъ одну изъ тѣхъ благотворныхъ стихій, которыя питаютъ нравственное бытіе наше. И такъ основа цѣлаго не должна зависѣть отъ прихоти художника: онъ творитъ ее въ живомъ сознаніи природы и человѣка; онъ проводитъ ее въ параллель съ тѣмъ, что общежитіе, мѣстность и эпоха создали передъ нимъ. Созданное художникомъ внѣ этой сферы не проникнетъ существа нашего и не сольется съ нимъ, потому-что оно ему чуждо. Въ

ассматриваемыхъ здѣсь повѣстяхъ моральныя задачи азрѣшены такъ своенравно, такъ несоотвѣтственно изни, что самое поразительное въ нихъ не потряетъ души, потому-что тутъ она себя не узнаетъ. тремленіе къ новости идей и чувствованій, увлекее сочинителя за предѣлы естественнаго, означилось же на общемъ характерѣ языка его. Авторъ, по идимому, напередъ отвергнулъ все, что есть для пиателей неизбѣжно-общаго въ выраженіяхъ. Онъ все ревратилъ въ тяжелой трудъ и для себя и для чителя.

Многіе изъ писателей нашихъ, которыхъ умъ вкусъ уже столько извѣстны публикѣ, которыхъ же характеръ твореній вполнѣ выразился предшевовавшими опытами, многіе изъ нихъ въ послѣдіе время снова украсили нашу литературу своими чиненіями. Приводимъ ихъ названія.

. Тоска по родинѣ. *Повѣсть. Сочиненіе* М. Н. Загоскина. *Двѣ части. Въ* 12; *стран.* 222 *и* 300.

. Повѣсти и Разсказы. *Сочиненіе* Александрова *(Дуровсй). Четыре части. Въ* 12; *стран.* 233, 176, 220 *и* 95.

. Искатель сильныхъ ощущеній. *Сочиненіе* Каменскаго. *Три части.* Въ 12; *стран.* 310, 256 *и* 262.

13. Креолка и Европеецъ. *Сочиненіе* Петра Корсакова. *Въ* 12; *стран.* V и 190.

14. Ганнуся. *Разсказъ* Грицка Основьяненка. *Въ* 16; 261 *стран.*

Всегда несравненно болѣе въ этомъ разрядѣ появляется сочиненій, неознаменованныхъ ни возникающимъ талантомъ, ни художническимъ мастерствомъ. Это плоды или *безотчетной* подражательности, или *расчетливой* бездарности. Для соображеній, мы читателей нашихъ не лишаемъ удовольствія взглянуть на лѣвую сторону издѣлій книгопечатанія.

15. Шапка Юродиваго, *или Трилиственникъ. Историческій романъ изъ временъ Елисаветы и Екатерины. Соч.* Р. Зотова. *Три части. Въ* 12; *стран.* 266, 298 *и* 256.

16. Иванъ Сусанинъ, *или смерть за Царя. Историческій романъ. Соч.* Мих. Дмитревскаго. *Двѣ части. Въ* 12; *стран.* 141 *и* 86.

17. Женщина-извергъ. *Быль, разсказанная другу. Въ трехъ частяхъ. Въ* 12; *стран.* 92, 76 *и* 141.

18. Прожектеръ, *или сумасшедшій отъ мечтательности. Повѣсть. Соч. М. . . . ла Т. . . ва. . Въ 12; 149 стран.*

19. Расказы асмодея. *Соч.* барона Вольфа. *Три части. Въ* 12*; стран.* 106, 84 *и* 106.

20. Какъ любятъ женщины? *Въ* 12; *стран.* 192, 250 *и* 166.

21. Повѣса, *или какъ ведутъ себя до женитьбы. Оригинальный Русскій романъ. Три части. Въ* 12; *стран.* 132, 156 *и* 171.

2. Судьба моей подруги. *Повѣсть. Сочиненіе* Клеопатры Полозовой. *Въ* 12; 136 *стран.*

3. Наказанное преступленіе. *Въ* 12; 46 *стран.*

*

О стихотвореніяхъ, изданныхъ въ послѣдніе ѣсяцы, можно бы, безъ значительнаго урона для иблiографіи, совсѣмъ не говорить, если бы не вылли въ это время

4. Стихотворенія Елизаветы Шаховой. *Въ* 12; *стран: IV и* 117.

Явленіе чрезвычайно любопытное, а еще болѣе увлекающее душу надеждами. Автору теперь только 17 лѣтъ. Первые опыты дѣвицы Шаховой еще за два года передъ симъ были напечатаны. Удивительно не то, что она такъ рано начала писать стихи, и даже не то, что ея сочиненія обратили на себя вниманіе Россійской Академіи; но кто сравнивалъ которые-нибудь изъ послѣднихъ опытовъ ея съ тѣмъ, что она писала за нѣсколько даже мѣсяцевъ, тотъ вѣрно пораженъ былъ ея успѣхами въ искуствѣ, требующемъ многосторонняго развитія духа. Почерпая содержаніе пьесъ преимущественно изъ собственныхъ чувствованій и обстоятельствъ своей жизни, она часто до такой доходитъ глубины истины, въ такой независимый и вѣрный образъ облекаетъ представленіе свое, что въ будущемъ предчувствуешь на ея созданіяхъ совершенства изумительныя. Теперь ей недостаетъ только ровности въ исполненіи цѣлаго, безъ чего нѣтъ истинно-художническихъ произведеній. Впрочемъ это и не такъ легко, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Иногда самому одушевленному поэту, оставившему по себѣ множество стихотвореній, во всю жизнь неудавалось произвести ни однаго изъ нихъ ровнаго, т. е. вездѣ одинаково выдержаннаго по идеямъ и ихъ изложенію. Оконченность во всѣхъ частяхъ доказываетъ не только поэтическое увлеченіе, но и совершенную зрѣлость таланта, до которой онъ часто совсѣмъ недостигаетъ. Если успѣхи дѣвицы Шаховой, столь замѣтные и равномѣрные, не будутъ остановлены ка-

ким-нибудь обстоятельствомъ, она нѣкогда, въ зрѣ-омъ возрастѣ своемъ, должна явиться поэтомъ со всѣми овершенствами художника — а такихъ поэтовъ, какъ насъ, такъ и во всѣхъ литературахъ, было очень емного.

Страницы журнала нашего и наши читатели ни-огда не будутъ обременены разборами стихотворе-ій, въ родѣ слѣдующихъ:

5. Вадемекумъ. *Стихотворенія* Н. Медвѣденко. *Въ* 12; 132 *стран.*

6. Кумъ-сватъ, *быль XVI вѣка, изъ временъ Іоанна IV, еще не Грознаго. Стихотворный разсказъ* А... Е... *Въ* 16; 89 *стран.*

7. Бородинскіе акростихи. *Въ* 12; 24 *стран.*

8. Гробница на Востокѣ. *Полуоткрытая тайна. Въ* 12; 24 *стран.*

*

Не болѣе достоинства какъ литературнаго, такъ драматическаго, въ двухъ сочиненіяхъ, написанныхъ я театра, а изданныхъ—неизвѣстно для кого. Вотъ и:

29. **Вдовецъ и его сынъ.** *Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе* В. Писчикова. *Въ* 12; 59 *стран.*

30. **Необыкновенный случай.** *Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Въ* 12; 45 *стран.*

Примѣчаніе. Изъ послѣдняго составленъ и особо напечатанъ издателемъ водевиля Второй музыкальный альбомъ всѣхъ его куплетовъ. *Въ* 4; 47 *стран.*

*

Разбирая произведенія литературы изящной, немного еще нашли мы дѣйствительно изящнаго. Но если бы и совершенно не встрѣтились съ нимъ, вполнѣ насъ можетъ вознаградить за такую неудачу

31. **Утренняя заря,** *альманахъ на* 1840 *годъ, изданный* В. Владиславлевымъ. *Второй годъ. Въ* 12; *стран.* 442 *и III.*

Вотъ истинная прелесть для читателей съ утонченнымъ вкусомъ, наслаждающихся книгою, какъ Петербургскіе жители упоеваются вдохновенными движеніями Тальйони въ новомъ балетѣ. Здѣсь все граціи: и стихи, и проза, и картинки, и самое изданіе. Къ сожалѣнію, не пробудившіеся во-время для встрѣчи

кой очаровательной *Зари* уже ея не увидятъ до нового ея появленія: перваго изданія альманаха нѣтъ въ продажѣ; второе еще печатается.

*

Въ числѣ учебныхъ пособій есть новость, которая доказываетъ, какъ расширяется у насъ любознательность.

2. Маньджурскій букварь, *сочиненный* С. Липовцовымъ. *Въ поллиста; 21 стран.*

Другія пособія не подвинули впередъ ни одной части своего цѣлаго. Они называются:

3. Русская грамматика *для первоначальнаго обученія* (для Русскихъ). *Въ пользу воспитанниковъ Земледѣльческой школы. Въ 8; 121 стран.*

4. Основанія Русской стилистики *по новой и простой системѣ. Въ 8; 50 стран.*

5. Историческій атласъ земнаго шара, *составленный* А. Вагнеромъ. *На одномъ листѣ.*

*

Для дѣтскаго чтенія напечатана книжка, написанная очень умно. Въ ней содержится девять небольшихъ повѣстей, приспособленныхъ къ понятіямъ дѣтей. Каждая повѣсть развиваетъ сужденіе о томъ, что занимательно и полезно для ребенка. Книжка называется

36. Нравоучительныя повѣсти *для юныхъ друзей моихъ. Въ* 8; 97 *стран.*

Никакъ не можетъ итти въ параллель съ нею другая, изданная безъ хорошаго выбору и бросающаяся въ глаза только ошибками противъ языка, несмотря на свое заманчивое названіе:

37. Галлерея умныхъ животныхъ, *или собраніе анекдотовъ, любопытныхъ замѣчаній, извлеченныхъ изъ лучшихъ авторовъ объ инстинктѣ, нравахъ и умственныхъ качествахъ животныхъ. Сочиненіе, назначенное для дѣтей, украшенное* 13-ю *искусно-литографированными картинками. Въ* 12; 56 *стран.*

*

38. О этимологіи Русскихъ глаголовъ. *Разсужденіе старшаго учителя Русскаго языка и литературы при Митавской губернской гимназіи.* Константина Александрова. *Въ* 4; 29 *стран.*

Сочинитель, избравши для разсужденія на торжественномъ актѣ предметъ довольно сухой и тѣмъ болѣе трудный, что для многихъ изъ его слушателей языкъ нашъ почти еще иностранный, умѣлъ возбудить и поддержать любопытство ясностью и простотою своего изложенія. Лучшее, что можно пока принять за основу въ преподаваніи Русскаго языка, онъ все изъ нашихъ грамматикъ свелъ въ систему—и такимъ образомъ указалъ прямую и пріятную дорогу ищущимъ свѣта на этомъ поприщѣ.

39. Разсужденіе о лажѣ. *Сочиненіе Д. С. С.* Н. Демидова. *Въ* 8; 13 *стран.*

40. *Карманная книжка* о цѣнности Россійской и иностранной монеты, *опредѣленной Высочайшимъ манифестомъ* 1 *Іюля* 1839 *года и Указомъ Правительствующаго Сената* 14 *Іюля* 1839 *года. Въ* 16; 15 *стран.*

41. *Таблицы* о цѣнности Россійской и иностранной монеты, *опредѣленной* и проч. (см. выше). *Соч.* П. Хавскаго. *Въ* 16; 15 *стран.*

42. Казначей и бухгалтеръ *для занимающихся домашнимъ хозяйствомъ, торговлею, фабриками,*

заводами и проч., служащій справочною книгою казначеямъ, бухгалтерамъ, управляющимъ и конторщикамъ при учетѣ приходовъ и расходовъ годовыхъ, мѣсячныхъ и дневныхъ, при выдачѣ жалованья, поденной платы за работу, платы за издѣліе, при опредѣленіи цѣны издѣліямъ, при покупкѣ и продажѣ товаровъ, при переложеніи ассигнацій на серебро, и обратно серебра на ассигнаціи, согласно установленному курсу единицы серебряной монеты въ 350 *копѣекъ ассигнаціями, и вообще при расчетахъ отъ* 1-*й коп. до* 10,000,000 *рублей. Сочиненіе* Ивана Буттера. *Въ* 8; 96 *стран.*

Въ первомъ сочиненіи разсматривается вопросъ о лажѣ по началамъ политической экономіи; послѣднія представляютъ только пособія на случай расчетовъ.

*

43. *Способъ къ распространенію* шелководства. Я. Юдицкаго. *Въ* 8; 34 *стран.*

44. *Секреты* красильнаго искуства. *Съ приложеніемъ образцевъ. Въ* 8; 19 *стран.*

Первая книга можетъ еще употреблена быть хотя для справокъ, а послѣдняя остается вѣр

а заглавію своему: ничего изъ нея не выпы-
наешь.

*

5. Городъ Старая Русса и его соляно-минеральные источники *въ медико-топографическомъ, физико-химическомъ и врачебномъ отношеніяхъ, съ приложеніемъ плана города. Сочиненіе медико-хирурга* Андрея Воскресенскаго. *Издано по Высочайшему повелѣнію. Въ* 8; 298 *стран.*

Явленіе, во всѣхъ отношеніяхъ отрадное. Поль-
а, этой книгою доставляемая, распространяется не
а одну медицину, но и на топографію и статисти-
у: каждый, ищущій положительныхъ и вѣрныхъ
вѣдѣній, приметъ ее какъ дорогой подарокъ для
воей библіотеки.

*

6. Архитектурный альбомъ для хозяевъ, *содержащій въ себѣ болѣе* 100 *архитектурныхъ чертежей, нужнѣйшихъ для сельскихъ строеній, какъ-то: сельскихъ домовъ, конныхъ и скотныхъ дворовъ, овиновъ, садовъ, колодцевъ, печей для ригъ и овиновъ, и многихъ другихъ рисунковъ, касающихся до сельскаго домостроительства. Соста-*

вленъ архитекторомъ А. Рудольскимъ. *Въ* 4; 25 *стран.*

Нельзя не пожелать, чтобы подобныя изданія распросртанялись у насъ въ провинціяхъ: время уже подумать о соединеніи полезнаго съ пріятнымъ.

47. *Похоронная пѣсня Іакинѳа Магла*нович*а. Слова* Пушкина, музыка *Лангера.*

Нечасто случается встрѣтить такое достойное соединеніе поэзіи съ музыкою, какое представляютъ стихи Пушкина и звуки Лангера. Это двѣ прекрасныя души, которымъ союзъ далъ новую, лучшую жизнь.

II.

Продолжаются слѣдующія сочиненія, получившія начало свое прежде:

48. Лексиконъ городскаго и сельскаго хозяйства, *составленный Д. С. С.* Иваномъ Двигубскимъ. *Томъ одиннадцатый. Въ* 8; 186 *стран. Съ рисунками.*

*

49. **Виды внутренняго судоходства въ Россіи,** *въ* 1838 *году*. **Второй годъ.** ***Въ*** 4; 311 *страницъ*.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

1. Исторія Европейской Литературы XV и XVI столѣтій. Генриха Галлама. *Переводъ съ Англійскаго, Ѳ. Чижова. Ч. I. Въ 8; стран. XVI и* 414.

2. Пѣснь объ ополченіи Игоря, *сына Святославова, внука Олегова. Переложеніе* Михайла де-Ла Рю. *Въ* 8; 78 *стран.*

3. Іаковъ Катсъ, *поэтъ, мыслитель и мужъ совѣта. Сочиненіе* П. Корсакова. *Въ* 8; 120 *стран.*

Изъ приведенныхъ книгъ каждая въ своемъ родѣ достойна вниманія и особеннаго изученія. Превосходный курсъ Галлама вводитъ насъ въ область литературы, еще не вполнѣ изслѣдóванной въ Россіи. Переводъ его достоинъ подлинника. Труды гг. де Ла Рю

и Корсакова свидѣтельствуютъ не только о тонкомъ ихъ критическомъ чувствѣ, но и о поэтическомъ талантѣ. Отдавая всю справедливость успѣху ихъ въ предпріятіи общеполезномъ и требовавшемъ долговременнаго предварительнаго изученія, мы съ удовольствіемъ обращаемъ на эти книги вниманіе молодыхъ особенно литераторовъ, для которыхъ умный новый взглядъ есть драгоцѣнное открытіе.

*

4. История государствованія императора Карла V, *съ описаніемъ устроенія гражданскихъ обществъ въ Европѣ, отъ разрушенія Римской имперіи до начала XVI столѣтія. Сочиненіе* Вильгельма Робертсона, *доктора богословія, ректора Эдинбургскаго университета, исторіографа Шотландіи. Переводъ съ Англійскаго, Ивана Барышова. Четыре части. Въ* 8; *стран. XXI и* 336, *XII и* 293, *XII и* 378, *XI и* 343.

5. Исторія жизни, путешествій, открытій и приключеній въ Новомъ Свѣтѣ. *Сочиненіе* Вашингтона Ирвинга. *Переводъ Дмитрія Паскевича. Двѣ части. Въ* 8; *стран.* 151 *и* 215.

6. Жизнеописаніе генерала Зейдлица. *Сочиненіе* Фарнгагена Фонъ-Энзе. *Переводъ съ Нѣмецкаго. Въ* 12; 251 *стран.*

Нѣтъ сомнѣнія, что исторія, каковы бы ни были объемъ ея и форма, прямѣе дѣйствуетъ на успѣхи разныхъ отраслей литературы, нежели прочія произведенія учености. Въ этомъ убѣжденіи, какъ ни разнородны приведенныя книги выше, мы считаемъ изданіе ихъ очень полезнымъ пріобрѣтеніемъ для нашей словесности, особенно потому, что всѣ онѣ переведены не только вѣрно и ясно, но и съ сохраненіемъ самаго характера подлинниковъ. Твореніе Робертсона, извѣстное въ Европѣ каждому человѣку, сколько-нибудь образованному, давно ожидало у насъ законнаго присвоенія. Ирвингъ, въ сочиненіи о Новомъ Свѣтѣ, предложилъ дополненія къ тому, что имъ написано о жизни Коломба и объ Америкѣ.

7. *Живописное путешествіе въ* Южную и Сѣверную Америку, *извлеченное изъ путешествій* (слѣдуетъ болѣе 40 именъ) *редакторами живописнаго путешествія вокругъ свѣта*, *подъ руководствомъ* г. Алкида д'Орбиньи. *Переводъ съ Французскаго. Часть первая. Изданіе* А. Плюшара. *Въ* 4; *стран. XXI и* 351. *Съ картою Южной Америки.*

Примѣчаніе. Двѣ части (въ 8; стран. XLVIII и 417, и 471, съ картою южной Америки) того же сочиненія. Издано г. Плюшаромъ особо. Сверхъ того на 74 листахъ отпечатаны (числомъ 140) виды и изобра-

женія замѣчательнѣйшихъ предметовъ въ странахъ, описанныхъ г. Алкидомъ д'Орбиньи.

Излишне было бы говорить о занимательности этой книги: она можетъ назваться продолженіемъ предшествовавшаго изданія Дюмон-д'Юрвиль.

*

8. Сынъ миллiонера. *Романъ* Поль де Кока. *Двѣ части. Въ* 12; *стран.* 56 *и* 65.

*

9. Дѣтская библiотека. *Сочиненіе дѣвицы* Тремадюръ. *Со втораго изданія переводъ съ Французскаго, Александры Зражевской. Два тома (въ каждомъ по двѣ части). Въ* 12; *стран.* 153 *и* 108, 115 *и* 118.

Эти книжки посвящены преимущественно развитію въ дѣтяхъ чувства изящнаго.

*

10. Альбомъ лошадиныхъ охотниковъ, *или собраніе изображеній лошадей всѣхъ странъ и породъ, древнихъ и новыхъ временъ, состоящее изъ* 88 *виньетовъ, литографированныхъ съ лучшихъ*

подлинниковъ, В. Адама *и другихъ извѣстныхъ Парижскихъ художниковъ.*

11. *О мѣрахъ отклоненія недостатка въ деревѣ и* лѣсоохраненія въ Германіи. *Съ Нѣмецкаго,* изъ Г. Ф. Краузе. *Перевелъ, по порученію Департамента корабельныхъ лѣсовъ, баронъ В. Врангель. Издано отъ того же Департамента. Въ* 8; 187 *стран.*

12. *Руководство подробное* къ разведенію и размноженію свекловицы *и къ выгоднѣйшему добыванію свекловичнаго сахару, съ присовокупленіемъ наставленій къ устроенію свекловично-сахарнаго завода и съ описаніемъ и изображеніемъ новоизобрѣтенныхъ машинъ, составленное* Блейемъ, *фабрикантомъ и членомъ многихъ ученыхъ обществъ, и содержащее въ себѣ простѣйшіе и дешевые способы добыванія сахара изъ свекловицы, изложенные* Домбалемъ. *Въ двухъ частяхъ, съ рисунками. Въ* 8; *стран.* 82 *и* 76.

*

13. О глистахъ, *водящихся въ живомъ человѣческомъ тѣлѣ, или руководство къ распознаванію и леченію глистныхъ болѣзней. Съ четырьмя литографированными рисунками. Сочиненіе доктора* Брем-

сера. *Переводъ съ Нѣмецкаго. Въ* 8; *стран. XX и* 384.

14. Собраніе рецептовъ Парижскихъ городскихъ больницъ, *или руководство къ предписыванію врачебныхъ средствъ и проч. Соч.* Ф. С. Ратье. *Съ Французскаго, съ 4 изданія. Въ* 8; *стран. XII,* 432, 38 *и* X.

15. *Полное изложеніе правилъ* весенняго леченія *болѣзней и проч. Соч. Доктора* К. Каспари. *Переводъ съ Нѣмецкаго, Н. П. Съ рецептами. Въ* 8; 222 *стран.*

16. О свойствѣ и леченіи чахотки легкихъ, *соч. Англ. доктора* Ромаджа, *и проч. Перевелъ съ Французскаго Михайло Яроцкій. Въ* 8; 160 *стран.*

17. Хирургія, *сочиненная* М. I. Хеліусомъ, *и проч. Часть первая. Перевелъ съ Нѣмецкаго Генрихъ Лей, съ 6-го изданія. Въ* 8; *стран. XXIX и* 236.

*

18. *Новѣйшее начертаніе* о шахматной игрѣ. А. К. де-ла Бурдонне. *Переводъ съ Французскаго, Н. К. Двѣ части. Въ* 12; *стран.* 228 *и* 212.

II.

19. Очерки съ произведеній живописи, гравированія, ваянія и зодчества. *Съ краткимъ описаніемъ и біографіями художниковъ. Изданіе* К. Тромонина.

*

20. Предпослѣднее странствованіе Семилассо по свѣту. *Сны и существенность, извлеченіе изъ бумагъ покойника. Сочиненіе* Князя Пюхлеръ Мускау. *Часть* третья. *Европа. Томъ* третій. *Въ* 12; *стран.* 215 *и* 11.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

1. О развитіи изящнаго въ искуствахъ *и особенно въ словесности. Сочиненіе* Михаила Розберга, *доктора философіи и проч. Изданіе* второе. *Въ* 12; *стран. XIV и* 65.

*

2. Латинская грамматика. *Съ примѣрами для чтенія и словаремъ. Изданная (по Бредеру)* Николаемъ Кошанскимъ. *Изданіе* девятое. *Въ* 8; 128 *стран.*

3. Начальныя основанія Нѣмецкаго языка, *приспособленныя къ легчайшему обученію Россійскаго юношества, изданныя* Даниломъ Ферманномъ. *Изданіе* второе *Въ* 8; 156 *стран.*

6*

4. Общая реторика Н. Кошанскаго. *Изданіе* шестое. *Въ* 8; 130 *стран.*

*

5. *Опера* Ѳома Кузнецъ. *Въ* 12; 28 *стран.*

6. Недоросль. *Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Изданіе А. Кузнецова. Въ* 16; 312 *стран.*

*

7. Другъ дѣтей, *книга для первоначальнаго чтенія. Изданіе* второе. *Въ* 8; *стран.* IV *и* 344.

8. Начальное чтеніе *для образующагося юношества. Отдѣленіе первое.* Третіе *изданіе. Въ* 8; 170 *стран.*

9. О сердцѣ и языкѣ человѣческомъ. *Въ* 12; 32 *стран.*

10. Христіанское увѣщаніе. *Въ* 12; 21 *стран.*

11. Постъ. *На одномъ листѣ.*

Примѣчаніе. Послѣднія три сочиненія, для назидательнаго чтенія людей всякаго возраста, пола и званія, перепечатаны изъ 2-го изданія Бесѣдъ Тихона

Епископа Воронежскаго и Елецкаго. Они, равно какъ и многія другія, отъ благотворительнаго частнаго общества продаются по самой ничтожной цѣнѣ въ лавкѣ Мейера, на Вознесенскомъ проспектѣ, противъ Офицерской улицы, въ домѣ Гавриловой.

*

12. Народный Русскій пѣсенникъ, *собранный В. Т. Изданіе* второе. *Въ* 16; *стран.* 76 *и III.*

13. *Лекарство отъ задумчивости и безсонницы, или собраніе настоящихъ* Русскихъ сказокъ, *и проч. Въ* 12; *стран.* 83, 30, 19, 33, 42 *и* 18.

14. *Дельфійскій оракулъ, или* забавный угадчикъ всего задуманнаго. *Въ* 12; 201 *стран.*

15. *Полное собраніе сочиненій* Ѳаддея Булгарина. Новое, *сжатое (компактное) изданіе, исправленное и умноженное. Томъ I.* Иванъ Выжигинъ. *Въ* 8; 245 *стран.*

16. Кривой бѣсъ. *Русская сказка. Соч.* А. Я—ва. *Изданіе* второе. *Въ* 16; 30 *стран.*

II.

17. ДѢЯНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО, *мудраго преобразователя Россіи, собранныя* И. И. Голиковымъ. *Томъ X., изданіе* ВТОРОЕ. *Въ* 8; *стран.* 458 *и* X.

18. ИЛІАДА ГОМЕРА, *переведенная* Н. Гнѣдичемъ. *Изданіе* ВТОРОЕ. *Въ* 16; *съ* 24 *картинками въ очеркахъ.*

*

ПРИБАВЛЕНІЕ. Съ 1840 года, редакція нравственныхъ сочиненій, прекратя на-время изданіе *часовъ благоговѣнія*, будетъ издавать книжками СЛОВАРЬ РУССКИХЪ СИНОНИМЪ. За двѣнадцать книжекъ платится пятнадцать руб. ас. (4 р. 30 к. серебромъ). За доставленіе прибавл. 5 р. ассигнаціями.

Подъ редакціею *П. А. Корсакова* и *С. А. Бурачка*, въ 1840-же году, будетъ изданъ МАЯКЪ *современнаго просвѣщенія и образованности*, труды ученыхъ и литераторовъ, Русскихъ и иностранныхъ. Изданіе книгопродавца В. Полякова. За четыре части платится 4 р. серебромъ; за доставленіе прибавляется 1 р. сер.

ОБРАЗЪ ВОЙНЫ ГВЕРИЛЬЯСОВЪ.

Изъ исторіи партизановъ Пиренейскаго полуострова.

I.

Дисциплина, утвержденная долговременной привычкой, и увѣренность солдата въ той силѣ, которую придаетъ ему правильное употребленіе оружія, производя взаимную довѣренность между начальниками и подчиненными, составляютъ двѣ нравственныя опоры регулярнаго войска, одинаково сильныя, какъ въ открытомъ полѣ, такъ и за стѣнами укрѣпленій. Толпы народныхъ партизановъ должны замѣнить эти двѣ опоры регулярнаго войска опорой вещественной, доставляемой природными или искуственными укрѣпленіями, и опорой нравственной, происходящей отъ увѣренности, что, въ случаѣ пораженія, онѣ найдутъ убѣжище отъ преслѣдующаго непріятеля.

Поиски Гверильясовъ и непріязненное расположеніе жителей принудили непріятеля раздробить свои силы. Это раздробленіе было двухъ родовъ: постоянное, для удержанія покоренныхъ областей въ повиновеніи, для прикрытія магазиновъ, гошпиталей, этаповъ, военныхъ почтъ; временное, для составленія конвоевъ обозамъ и курьерамъ, и для образованія подвижныхъ колоннъ, вообще имѣвшихъ три назначенія: сбирать подати для короля Іосифа, наказывать жителей за непокорность, и истреблять Гверильясовъ. Всѣ эти отдѣльныя войска должны были высылать значительное число людей для фуражировки, почти всегда на дальнее разстояніе. Начальники Гверильясовъ приняли за правило: нападать на непріятеля только въ двухъ случаяхъ — когда по его немногочисленности не было сомнѣнія въ побѣдѣ, или когда мѣстность позволяла убивать у него людей и лошадей, не подвергая себя опасности. Приняли за правило, выдерживать нападеніе не для удержанія какой-либо мѣстности, но единственно для того, чтобъ у непріятеля убить какъ можно больше людей и лошадей. Въ слѣдствіе такаго правила Французскіе конвои, колонны, фуражиры рѣдко встрѣчали Гверильясовъ на мѣстахъ открытыхъ. Но съ неровностію мѣстности начинались поиски Гверильясовъ; ихъ сопротивленіе увеличивалось по мѣрѣ умноженія вещественныхъ опоръ, и при углубленіи Французовъ въ горы, сопротивленіе являлось въ полной силѣ, такъ что фуражирамъ стоила крови каждая горсть овса, колоннѣ стоилъ крови каждый проходъ черезъ тѣснину.

У народныхъ партизановъ, внѣ горъ, есть только одно средство сражаться съ успѣхомъ; оно заключается въ войнѣ тиральеровъ, особливо, когда нѣтъ недостатка въ людяхъ, знакомыхъ съ употребленіемъ охотничьяго ружья, потому-что для хорошаго тиральера довольно вѣрнаго глаза, мужества и повиновенія. Вашингтоновы Американцы первые подали примѣръ войны этаго рода, разбивая съ охотничьими ружьями Англійскія и Нѣмецкія войска. Начальники Гверильясовъ приняли за правило: свои наступательныя и оборонительныя дѣйствія ограничивать войной тиральеровъ, прибѣгать къ холодному оружію только въ двухъ случаяхъ— при застиженіи непріятеля въ-расплохъ, и при нападеніи на фрунтъ, заслонявшій курьера, обозъ, или военноплѣнныхъ. Гверильясы, нестойкіе въ полѣ, готовы были за неровностями мѣстности сражаться въ-разсыпную до послѣдняго патрона, до послѣдней сигары, словомъ, пока кремень давалъ огня, и своимъ успѣшнымъ стараніемъ убивать офицеровъ напоминали Шекспировыхъ могильщиковъ, поднимающихъ изъ земли только такія мертвыя головы, которыя носили короны или діадемы феодальныхъ бароновъ. Старые Наполеоновы солдаты говаривали, что они подъ ружейнымъ огнемъ не безпокоились бы о своей жизни, если бъ непріятель цѣлилъ прямо въ нихъ, а не въ ихъ сосѣдей, потому-что слишкомъ часто непріятель, цѣлясь въ офицера, попадалъ въ стоявшаго близъ него солдата. Но подъ

выстрѣлами Гверильясовъ Наполеоновы солдаты перемѣнили свое мнѣніе; напрасно многіе изъ Французскихъ офицеровъ снимали съ себя эполеты: пуля Гверильяса находила офицера въ цѣпи стрѣлковъ и въ рядахъ колоннъ, какъ перстъ судьбы находитъ свою жертву въ толпѣ народной. Если бы Испанскіе генералы присоединили Гверильясовъ къ строевымъ войскамъ; то они, какъ отличные тиральеры, принесли бы ту же пользу, какую юношество сѣверной Германіи принесло строевымъ войскамъ въ 1813 и 1814 годахъ.

Наполеоновы солдаты, бывшіе въ Египтѣ, говорили, что если бы на нѣкоторыхъ страницахъ исторіи Египетскаго похода замѣнить Арабскія имена Испанскими, то эти страницы показались бы расказомъ о Гверильясахъ—такъ было велико сходство между дѣйствіями Гверильясовъ и Мамелюковъ, лучшей конницы въ мірѣ, по свидѣтельству Наполеона. Въ Испаніи и въ Египтѣ Французъ, отставшій отъ колонны, хотя на нѣсколько шаговъ, подвергался ранамъ или смерти. Подобно трагическимъ актёрамъ, которые, для того, чтобъ произвести сильнѣйшее впечатлѣніе на зрителей, принимаютъ важныя позы, усиливаютъ голосъ, Гверильясы и Мамелюки передъ нападеніемъ выпрямляли свои спины, размахивали саблями и ружьями, распахивали свои плащи, чтобы показать непріятелю рукоятки кинжаловъ, торчащихъ изъ-за пазухъ, и пояса, унизанные патронами, меж-

ду-тѣмъ, подобно героямъ Иліады, вызывали непріятеля тѣлодвиженіями и голосомъ. Съ радостными восклицаніями, столь же чистосердечными, какъ восклицанія на пиру, или съ крикомъ пронзительнымъ и протяжнымъ, но ничего не выражающимъ, Гверильясы и Мамелюки бросались на непріятеля, саблями звенѣли по штыкамъ и рубили приклады, вытянувшись надъ сѣдельными луками, протягивали руки, чтобъ ножами и кинжалами достать непріятеля. Поднявши на-дыбы пятившихся лошадей, поворачивали ихъ направо и налѣво и потомъ снова устремляли ихъ на непріятельскій фрунтъ; упадши съ лошадей, подпалзывали подъ штыки, чтобъ рѣзать и колоть ноги солдатамъ. Пришедши въ бѣшенство отъ тщетныхъ усилій разорвать фрунтъ и прежде времени потерявши надежду, кидали въ непріятеля свои сабли и кинжалы, худо послужившіе ихъ отчаянному мужеству, какъ будто сраженіе было послѣднимъ, и нерѣдко показывали тылъ въ то самое время, какъ побѣда начинала склоняться на ихъ сторону. Приходили въ уныніе отъ малѣйшей неудачи; кипѣли мужествомъ отъ перваго луча надежды. Мамелюки не уступали Гверильясамъ ни въ упорной защитѣ укрѣпленій, ни въ жестокомъ обращеніи съ плѣнными—и, подобно Гверильясамъ, уходили отъ преслѣдованія въ свои горы, возвышающіяся за песками Египта.

Гверильясы выбирали себѣ убѣжища въ мѣстахъ потаенныхъ, малодоступныхъ—то въ горной доли-

нѣ, обставленной со всѣхъ сторонъ стѣнами утесовъ, съ выходами такъ незамѣтными, что долина казалась такой тюрьмой, у которой небо служитъ кровлей; то въ приморскихъ рыбачьихъ хижинахъ, съ стѣнами столько же ненадежными, какъ тотъ клочекъ земли разрываемой волнами, на которомъ построены хижины; нерѣдко за чугунными рѣшетками грандова замка, подъ кровлей изъ свинцовыхъ плитъ, и случалось, что въ то время, какъ Гверильясы хоронились въ погребахъ и на чердакахъ замка, Французы разводили огни на дворѣ замка, Французскіе генералы расхаживали по его заламъ. Чаще всего Гверильясы выбирали себѣ убѣжища въ горныхъ пещерахъ, остаткахъ рудокопень Карѳагенскихъ и Римскихъ, или выкопанныхъ жителями древней Испаніи, искавшими подъ землей спасенія отъ непріятельскихъ нашествій.

Груды перинъ, пучки сигаръ, гитары въ углахъ и на стѣнахъ показывали, что Гверильясы въ своихъ убѣжищахъ хотѣли наслаждаться жизнію. Когда близъ убѣжища не было церкви, то къ дереву, надъ обломкомъ утеса, Гверильясы прикрѣпляли Распятіе; широкимъ кускомъ полотна съ концами, привязанными къ древеснымъ вѣтвямъ, застилали его и обломокъ утеса, на которомъ священникъ разставлялъ принадлежности богослуженія. Гверильясы не столько заботились укрѣпить свое убѣжище, сколько затруднить пути, ведущіе къ нему. Будучи преслѣдуемы, не отступали прямо къ убѣжищу, но старались отвлечь непріятеля въ

противную сторону. Сверхъ нравственной опоры, доставляемой убѣжищемъ, оно служило мѣстомъ складки военныхъ и съѣстныхъ припасовъ и добычи. Это были настоящіе музеумы разбоя, представлявшіе странную смѣсь галантерейныхъ вещей и произведеній кузнечнаго молота, обдающихъ духами дамскихъ нарядовъ и узелковъ съ добромъ маркитантши, еще пахнущимъ любимымъ напиткомъ ея посѣтителей. Каждый Гверильясъ какимъ-нибудь знакомъ обезпечивалъ свою добычу отъ чужихъ рукъ, какъ Улиссъ, у Гомера, хитрыми узлами веревки свой ящикъ съ сокровищемъ. Гверильясы охотнѣе бросались на конвой непріятельскаго обоза, зная, что есть мѣсто, въ которомъ могутъ обезопасить добычу; и нерѣдко сражались за нее лучше, нежели за Испанію. Въ южной Испаніи путешественникъ видитъ въ сторонѣ каменные края колодца, сворачиваетъ къ нему утолить жажду; но въ колодцѣ нѣтъ воды. Путешественникъ думаетъ, что это оставленная пещерка, но это масмара, тюрьма, вырытая Маврами. На востокѣ, еще во времена патріарховъ, путешественникъ, при видѣ краевъ масмары, также думалъ утолить жажду, нагибался почерпнуть воды; но къ нему со дна масмары доходили жалобные голоса людей, просящихъ воды: то были плѣнники или преступники, которыхъ удушали пары, выходившіе изъ земли; вѣтеръ посыпалъ листьями и прахомъ, не обдавая прохладой, и освѣщали одни холодные лучи звѣздъ. Масмары, заваленныя хворостомъ, чтобъ утаить ихъ отъ непріятеля, слу-

жили надежными кладовыми Гверильясамъ южной Испаніи.

Каждый кабесилья* составлялъ изъ опытнѣйшихъ Гверильясовъ родъ кадры, больше или меньше многочисленной, смотря по величинѣ своей партіи. Когда партія расходилась по городамъ и селеніямъ, спасаясь ли по одиначкѣ отъ преслѣдованія, или будучи распущена до благопріятнаго времени. Кадра слѣдовала за кабесильей, удалялся ли онъ въ убѣжище своей партіи, или избиралъ для своего пребыванія городъ, селеніе. Такъ во времена феодальныя, когда бароны съ своими вазалами получали позволеніе оставить королевскій станъ, при королѣ оставались немногіе сержанты и копѣйщики, нанятые охранять королевскую особу. Если для совершенія какаго-нибудь поиска не нужно было большое число людей, то кабесилья выходилъ на поискъ съ одной своей кадрой; въ противномъ же случаѣ сбиралъ, смотря по обстоятельствамъ, часть своей партіи или всю партію: на концѣ деревни, занятой непріятелемъ, пастухъ трубилъ въ свой рогъ; звуки, извлекаемые пастухомъ, не были знакомы его стаду; то были звуки, сзывающіе Гверильясовъ; двое Испанцевъ, шедши по городу, занятому непріятелемъ, останавливались то передъ однимъ, то передъ другимъ домомъ, и толстыми палками крѣпко стучали объ мостовую; на во-

* Cabecillo — называютъ Испанцы каждаго начальника разбойниковъ, контробандистовъ и Гверильясовъ.

просы непріятеля отвѣчали, что они принадлежатъ къ братству, давшему обѣтъ въ извѣстное время ходить по городу, стукомъ палокъ объ мостовую спрашивали, нѣтъ ли въ домѣ больнаго, чтобъ отнести его въ больницу, нѣтъ ли въ домѣ покойника, чтобъ отнести его въ церковь. Непріятель вѣрилъ, а междутѣмъ стукъ палокъ объ мостовую вызывалъ Гверильясовъ изъ города. Ночью огни вспыхивали на горахъ, ракеты подымались надъ лѣсомъ; свистокъ раздавался близъ цѣпи Французскихъ часовыхъ и повторялся другими свистками; какъ Друзъ, взошедшій на Ливанъ, чтобы прокричать: «на войну, на войну! благородный шеикъ уже сѣлъ на коня!» Гверильясъ съ горной вершины крикомъ сзывалъ товарищей; множество голосовъ, вблизи, вдали, повторяли призывъ, и, въ ночную тишину, они, усиленные горнымъ эхомъ, приводили въ трепетъ путника, и выгоняли звѣря изъ логовища. Въ деревняхъ, не занятыхъ Французами, раздавался набатъ, выдуманный въ годину общественныхъ бѣдствій или народныхъ смутъ, чтобъ помочь слабости человѣческаго голоса. Рѣдкій Гверильясъ осмѣливался неявиться на сборное мѣсто; даже въ селеніяхъ, городахъ, занятыхъ непріятелемъ, мѣстное начальство было обязано строго наблюдать за этимъ, и если не смерть, то жестокое наказаніе ожидало ослушника. Недаромъ монахи и священники учили въ своихъ проповѣдяхъ, что Гверильясъ, отдыхая дома, долженъ быть готовъ къ походу, какъ Израильтяне, вкушавшіе пасхальнаго агнца стоя, опершись

на страннические посохи; что Гверильясъ, работая въ полѣ, долженъ быть готовъ къ сраженію какъ Еврей, временъ Нееміи, державшій въ одной рукѣ орудіе для построенія стѣны, а въ другой мечь для обороны. Непріятель изъ шалашей бивака, изъ оконъ квартиръ видитъ женщинъ, идущихъ съ корзинками, въ которыхъ обыкновенно носятъ съѣстные припасы на рынокъ, видитъ ѣдущія телеги съ навозомъ, съ домашнею рухлядью: въ корзинкахъ несется порохъ, въ телегахъ везется оружіе на сборное мѣсто Гверильясовъ. Непріятеля на походѣ обгоняетъ священникъ съ Распятіемъ въ рукахъ, спѣшащій къ умирающему; крестьянинъ съ земледѣльческимъ орудіемъ, спѣшащій на работу: это Гверильясы, пробирающіеся на сборное мѣсто, чтобъ вдругъ появиться тамъ, гдѣ Французы вовсе не ожидаютъ ихъ.

II.

Французы, шедши мѣстами открытыми, видятъ головы Испанцевъ, приподнявшихся изъ-за высокой травы, высунувшихся изъ опушки лѣса, и остаются въ недоумѣніи, принадлежатъ ли эти головы мирнымъ жителямъ, смотрѣвшимъ изъ любопытства, или Гверильясамъ, наблюдающимъ за движеніями своего непріятеля. На привалѣ какой-то Испанецъ съ простодушіемъ дикаря, впервые увидѣвшаго Европейское войско, разсматриваетъ и лица и штыки Французовъ; даже вслушивается въ звуки ихъ голоса; вздрогнув-

ши при звукахъ барабана, подавшаго знакъ къ походу, со вниманіемъ вглядывается въ тѣлодвиженія солдатъ, берущихъ оружіе и становящихся въ ряды. Это не шпіонъ: одна изъ тѣхъ гордыхъ думъ, отъ которыхъ поднимается голова, вспыхнула въ его глазахъ, смотрящихъ въ-слѣдъ за удаляющимися Французами. Это Гверильясъ, еще не видавшій Французовъ, не слыхавшій ихъ барабана, пришелъ къ нимъ на привалъ, чтобъ короче познакомиться съ видомъ и оружіемъ такихъ непріятелей, которыхъ свойства, способы нападенія и обороны ему неизвѣстны. Въ-сторонѣ надъ лѣсомъ вьется дымъ, на холмѣ что-то блеститъ отъ солнца: «это они!» говорятъ другъ другу Французы; безъ команды ряды стѣсняются, обозы стягиваются. По сторонамъ дороги начинаются овраги и плетни, показываются утесы; Французы усиливаютъ боевые патрули, осматриваютъ кремни у своихъ ружей. Близъ дороги важный гидалгосъ съ натуральной тростью, прогуливаясь, осматриваетъ, хорошо ли вспахано его поле; за плетнемъ или за оврагомъ путешественники, держа лошадей за поводья, сидятъ кругомъ огня и сушатъ свое платье, мокрое отъ росы; крестьяне и крестьянки сбиваютъ палками плоды съ оливковыхъ деревьевъ; жнецы и жницы, кончившіе работу, зажгли ненужную солому; съ крикомъ и хохотомъ пляшутъ и скачутъ, взявшись за руки и разметывая ногами пыль и пепелъ, которые, мѣшаясь съ клубами дыма, переносятся черезъ Французовъ. Впереди на придорожномъ утесѣ показывает-

ся всадникъ: широкой плащъ закрываетъ его лицо, можетъ-быть слишкомъ знакомое Французамъ; вѣтеръ, играя полами плаща, придаетъ всаднику что-то фантастическое; конь отъ нетерпѣнія бьетъ копытами объ утесъ, и отбитые куски падаютъ на дорогу. Всадникъ какъ-будто случайно повертываетъ голову къ приближающимся Французамъ. Этотъ гидалгосъ, эти путешественники и крестьяне — Гверильясы, а всадникъ на утесѣ — кабесилья. Онъ счелъ Французскіе ряды и рѣшитъ думу, приподнять ли ему свою правую руку? Вѣстовой выстрѣлъ изъ карабина отвѣтитъ на поднятіе его правой руки, Гверильясы изъ-за плетня, изъ-подъ куста поднимутъ свое оружіе и вскрикнутъ: «muerto gavacho—смерть собакамъ!»

Никогда Гверильясы не выходили съ такой отвагой на поискъ, какъ извѣстясь, что одинъ изъ Французскихъ генераловъ отправилъ за Пиренеи обозъ съ добычей, награбленной въ Испаніи. Они бродили кругомъ крѣпости, осажденной Англичанами, и при свѣтѣ Конгревовыхъ ракетъ, казавшихся огненными змѣями, приступающими къ крѣпости, смотрѣли, не пробирается ли гдѣ къ осажденнымъ обозъ, обманувшій бдительность Англійскихъ разъѣздовъ. Какъ морской разбойникъ вьется около купеческаго флота, провожаемаго военными кораблями, Гверильясы вились кругомъ обоза съ сильнымъ прикрытіемъ; они ложными нападеніями старались утомить бдительность прикрытія, довести его до безпечности, и

ночью, безъ шороха какъ птицы, поднимались изъ глубины придорожнаго оврага, брали за поводья обозныхъ муловъ и направляли ихъ въ оврагъ. Они перекапывали рвами дорогу, шедшую черезъ лѣсъ или болото, наполняли рвы бревнами, прикрывали ихъ землею и вынимали бревна, какъ скоро обозъ въѣзжалъ на эту дорогу, отъ чего онъ, при нападеніи Гверильясовъ, не могъ двинутся ни назадъ, ни впередъ. Среди поля, подскакавши къ обозу, Гверильясы давали залпъ, отскакивали на ружейный выстрѣлъ, заряжали карабины и подскакивали съ новымъ залпомъ, оказывая такое проворство и присутствіе духа, какъ-будто этотъ способъ нападенія служилъ для нихъ только забавой. Между-тѣмъ погонщики изъ Испанцевъ сворачивали съ дороги и, провожаемые пулями прикрытія, уѣзжали къ Гверильясамъ. Лекаря, чиновники, бывшіе въ обозѣ, хватались, кто за ружье, кто за шпагу, кто за пистолетъ, кто вдругъ за все, и не умѣя владѣть ни однимъ изъ нихъ, только увеличивали смятеніе прикрытія. Оканчивалось смятеніемъ, неизбѣжнымъ въ такомъ случаѣ, когда люди должны сражаться только потому, что не могутъ избавиться отъ сраженія. Откуда у Гверильясовъ лошади съ тавромъ изъ императорской короны и буквы N? Откуда у крестьянки въ ушахъ, вмѣсто серегъ, пестрѣются Американскія птички-мухи? Гверильясы захватили лошадей, посланныхъ Наполеономъ королю Іосифу; въ отбитой фурѣ нашли подарки короля Іосифа Гортензіи, королевѣ Голландской. Отъ

чего побѣлѣла рѣка? и волъ и заяцъ, въ незнойной день, съ жадностью глотаютъ ея воду? Кто посѣялъ овесъ по крутому хребту этой горы, съ которой однѣмъ сернамъ можно собрать посѣянное? Гверильясы ссыпали въ рѣку Французской обозъ съ мукой; бросили съ горной вершины Французскій обозъ съ овсомъ. Слыхали ли вы о картинѣ генерала Лежена, представляющей взятіе обоза Гверильясами? О ней много говорили въ Парижѣ во время художественной выставки 1828 года. «Прикрытіе сражается еще, но съ повозокъ уже сдернуто то полотно, подъ которымъ издали казались онѣ судами, идущими на парусахъ. Дѣвочка, лѣтъ четырехъ, гренадеръ съ деревянной ногой, наклоня головы отъ свиста пуль, торопятся вылѣсть изъ повозки. На выброшенныя перины падаютъ пыжи — и перины начинаютъ дымиться. Въ отворенныхъ дверцахъ кареты стоитъ на колѣнахъ плачущая женщина и протягиваетъ руки къ Гверильясу, который, держа въ рукахъ ремень каретной рессоры, думаетъ, что ему сдѣлать себѣ изъ этаго ремня. Первыя пули, можетъ быть, застали въ огнѣ кареты женскую головку и молодыхъ офицеровъ, подъѣхавшихъ къ окну съ водевильными куплетами — и не мозгомъ ли одного изъ этихъ офицеровъ забрызгало колесо кареты? Полковой ящикъ расколотъ топорами; въ ящикѣ мѣшки съ деньгами, изъ которыхъ каждый принадлежитъ успѣвшему схватить его. Французы и Гверильясы такъ заторопились протянуть руки къ мѣшкамъ, что кругомъ этаго ящика наступилъ

родъ перемирія. Французская маркитанша въ обшитой клеенкою шляпкѣ, всплеснувши руками, смотритъ, какъ изъ ея боченка, пробитаго пулей, льется на землю водка, и думаетъ, какое сокровище пропадаетъ даромъ! Въ-сторонѣ, между грудами дамскихъ картонокъ и офицерскихъ вьюковъ, старый Гверильясъ и непріятелю и товарищамъ грозитъ ножемъ въ поднятой рукѣ, а другою обхватилъ прекрасную женщину, лежащую въ обморокѣ и прижимаетъ губы къ ея открытой груди, какъ Аріостовъ дряхлый чародѣй, усыпившій Ангелику, для того, чтобъ тайныя прелести красавицы осквернить любовными поцалуями старика. Отъ смѣшенія съѣстныхъ припасовъ и солдатскаго добра съ трупами и обломками оружія, мѣсто, на которомъ взятъ обозъ, представляетъ зрѣлище отвратительное, какихъ не представляютъ поля обыкновенныхъ сраженій, и много дней спустя по взятіи обоза, обрывокъ флеровой косынки, закинутый вѣтромъ на дерево, качался надъ шапкой, снятой пулями съ гренадера, крестикъ почетнаго легіона блестѣлъ на женскомъ башмакѣ, и куски хлѣба плеснѣвѣли возлѣ членовъ, отрубленныхъ у человѣка.»

Отрядъ, провожающій плѣнныхъ, при нападеніи Гверильясовъ, приказывалъ плѣннымъ, какъ Итальянскіе разбойники путешественникамъ, лечь на землю лицемъ внизъ; отъ этаго освобождались Англичане, давшіе честное слово въ томъ, что они во время сраженія не перебѣгутъ къ Гверильясамъ. Честному сло-

ву плѣнныхъ Испанцевъ Французы не вѣрили. Между-тѣмъ, какъ одна часть отряда отражала Гверильясовъ, другая стояла съ ружьями, наведенными на лежащихъ плѣнниковъ, грозя застрѣлить осмѣлившагося приподнять голову. Когда Гверильясы не надѣялись отбить плѣнныхъ, то на возвышеніи, въ двухъ-трехъ ружейныхъ выстрѣлахъ отъ дороги, ставили шестъ съ крестомъ или Испанскимъ гербомъ: плѣнные знали, что значитъ этотъ шестъ. То одинъ, то другой изъ нихъ, жалуясь на усталость, на боль въ ногахъ, ложился на краю дороги, и примѣтя, что Французы не наблюдаютъ за нимъ, падалъ въ придорожный ровъ, отпалзывалъ на ружейный выстрѣлъ отъ дороги, вскакивалъ и бросался со всѣхъ ногъ къ тому возвышенію, на которомъ стоялъ шестъ съ крестомъ или Испанскимъ гербомъ. Французовъ, погнавшихся за бѣглецомъ, встрѣчали пули Гверильясовъ, притаившихся за неровностями мѣста. Догадавшись, для чего поставленъ этотъ шестъ, Французы приставляли ружейное дуло къ груди плѣннаго, упавшаго съ жалобами на усталость, приказывали ему встать, и нерѣдко, въ случаѣ неповиновенія, разсерженные уходомъ многихъ плѣнныхъ, опускали курокъ. Жители городовъ и селеній выходили въ большомъ числѣ на-встрѣчу отряду, провожающему плѣнныхъ, и стараясь развлечь вниманіе Французовъ, оставляли отворенными двери своихъ домовъ и знаками давали знать плѣннымъ, въ которой изъ домовъ имъ безопаснѣе уйти. Такимъ образомъ, при переходѣ черезъ

городъ или селеніе, многіе изъ плѣнныхъ непримѣтно исчезали въ толпахъ жителей, или уходили въ отворенныя двери.

Курьеровъ, офицеровъ съ депешами такъ много попадалось Гверильясамъ, что Испанскимъ и Англійскимъ генераламъ, во все продолженіе войны, извѣстна была переписка Французскихъ генераловъ, рѣдко бравшихъ предосторожность писать цифрами. Французскіе корпуса часто по нѣскольку дней оставались безъ сообщенія между собой, тогда-какъ въ одинъ часъ можетъ случиться столько неожиданнаго, что новыя повелѣнія главнокомандующаго необходимы, и потому Французскія войска претерпѣли много такихъ бѣдствій, которыхъ они легко могли избѣгнуть, если бы въ свое время доходили до нихъ повелѣнія высшихъ начальниковъ. Съ каждымъ годомъ войны Французы должны были усиливать прикрытія курьеровъ и офицеровъ, посланныхъ съ депешами. Обыкновенное прикрытіе офицера, посланнаго на небольшое разстояніе, состояло изъ двухъ сотъ кавалеристовъ, а прикрытіе курьера, ѣхавшаго во Францію или изъ Франціи, составляли 1400 человѣкъ пѣхоты и конницы съ нѣсколькими пушками. Часто случалось, что для доставленія приказанія одному баталіону, находившемуся въ нѣсколькихъ миляхъ, посылали другой баталіонъ. Видали курьеровъ, бросавшихся на колѣни и цаловавшихъ землю по переѣздѣ на Французскій берегъ Бидасои. Въ Баіонѣ однимъ разомъ было

предано суду пятеро курьеровъ за то, что отказались ѣхать въ Испанію. Курьеръ, ѣхавшій во Францію или изъ Франціи, всегда везъ множество частныхъ писемъ. Только тотъ, кто прожилъ много лѣтъ на бивакахъ, ставя шалаши далече отъ родины, можетъ оцѣнить радость воина при полученіи письма съ благословеніемъ отца и матери, съ обѣтомъ покинутой, но незабытой; можетъ оцѣнить заботу воина, чтобъ попало въ курьерскій чемоданъ письмо, въ которомъ написано отцу и матери: «помню ваши уроки»; а ей: «жди меня!» При оборонѣ чемодановъ съ частными письмами мужество прикрытія доходило до отчаяннаго сопротивленія, бывшаго слѣдствіемъ желанія получить извѣстіе изъ дома, или передать домой извѣстіе о себѣ, желанія, усиленнаго многолѣтней разлукой и увѣренностію, что война кончится не-скоро. На обвертку патроновъ, на разведеніе бивачныхъ огней пошли письма, выброшенныя изъ курьерскаго чемодана; остальныя, запятнанныя кровью и грязью, бѣлѣлись на трупахъ прикрытія. Подковами изорвано письмо матери о дѣтяхъ къ ихъ отцу — а перо матери представило бы воображенію отца черты дѣтей живѣе, нежели кисть живописца; цигара раскурена тѣми строками, которыя, дошедши по надписи, были бы выучены наизусть, увлажены поцалуями, спрятаны туда, гдѣ слышно, какъ бьется сердце, и, при взглядѣ на нихъ, уже потускнѣвшихъ отъ времени, тускнѣли бы глаза отъ воспоминаній. Товарищъ написалъ для безграмотнаго солда-

та письмо на родину; онъ запечаталъ его пуговицей съ номеромъ своего полка; вскорѣ на землѣ ничего не осталось отъ солдата, кромѣ его имени въ полковыхъ спискахъ съ отмѣткою «убитъ» и полковаго номера, вытиснутаго имъ на кружкѣ изъ сургуча. Испанка вырѣзала этотъ кружокъ на забаву маленькимъ дѣтямъ; но по сю сторону Пиренейскихъ горъ слезы взрослыхъ дѣтей падали бы на этотъ кружокъ — горькія, какъ тѣ слезы, которыя падали бы на могилу солдата, если бъ онъ умеръ на родинѣ.

По данному знаку Гверильясы разсыпались, падали на землю и въ глубокой тишинѣ ползли къ дорогѣ, по которой приближалась непріятельская колонна. Шагахъ въ пятидесяти отъ дороги каждый Гверильясъ искалъ для себя такаго мѣста, откуда могъ стрѣлять съ большею безопасностію; онъ выбиралъ плетень, пригорокъ, оврагъ, часто развалины съ Пуническою или Римскою надписью, упавшую арку Мавританскаго замка. Держа въ одной рукѣ карабинъ и опираясь на локоть другой руки, Гверильясъ скорчивался какъ хищный звѣрь, выжидающій случая броситься на добычу, или ложился на стѣну, протянувшись какъ змѣя, которая, завидя добычу, притворяется спящею. Между-тѣмъ боковые патрули Французовъ идутъ мимо, не замѣчая Гверильясовъ, прикасаются къ нимъ, не чувствуя ихъ; въ рядахъ колонны кипятъ расказы о побѣдѣ надъ Англичанами, только-что одержанной; офицеры торопятъ колонну,

чтобъ настичь отступающаго Веллингтона... Рѣзкіе звуки свистка покрыли говоръ солдатъ и вмѣшались въ повелительные крики офицеровъ. Каждый Гверильясъ, чтобы прицѣлиться, приподнялъ голову съ осторожностію зайца, испуганнаго гуломъ отдаленной охоты— и Французы должны были много разъ осмотрѣться прежде, нежели по клочку дыма, показавшагося между деревьями, по концу ружья, мелькнувшаго надъ краемъ оврага, дознались, откуда идутъ выстрѣлы. Конные Гверильясы подскакивали къ Французамъ на ружейный выстрѣлъ, слѣзали съ лошадей, каждый становился на колѣна у заднихъ ногъ своей лошади, пріученной стоять не шевелясь; продѣвалъ свой карабинъ сквозь стремя и прицѣливался. Если колонна, дорожа временемъ, продолжала свое движеніе, то Гверильясы раздѣлялись на двѣ равныя части: между-тѣмъ какъ первая производила пальбу, вторая забѣгала впередъ и, разсыпавшись вдоль дороги, ожидала непріятеля; потомъ первая сталпливалась и въ свою очередь забѣгала впередъ. Такимъ образомъ Гверильясы продолжали тревожить непріятеля до тѣхъ поръ, пока мѣстность позволяла имъ убивать у него людей, не подвергая себя опасности, и какъ въ этомъ случаѣ мѣсто сраженія оставалось за Гверильясами, то они величали себя побѣдителями, и тѣмъ съ бо́льшимъ правомъ, что имъ въ этомъ никто не противорѣчилъ. Чѣмъ темнѣе была ночь, застигшая Французовъ на походѣ, тѣмъ смѣлѣе дѣйствовали Гверильясы. По сторонамъ колонны, отъ

вспышекъ пороха на полкахъ, безпрестанно мелькали въ-потьмахъ лица Гверильясовъ, а лошади Французовъ останавливались, чувствуя, что ихъ всадники падали съ сѣделъ. Смѣлѣйшіе Гверильясы съ ножами подползали къ колоннѣ; приподнявшись на пол-аршина отъ земли, облокачивались на лѣвыя руки, и Французы, шедшіе въ середнихъ рядахъ, слышали глухой звукъ, производимый холоднымъ оружіемъ, когда его съ напряженіемъ силы вонзаютъ въ человѣческое тѣло. Что картечная пытка передъ такимъ ночнымъ переходомъ, когда солдатъ на каждомъ шагу ждетъ непріятеля, не имѣя средства ни предупредить, ни отразить нападенія; падаетъ отъ раны, не видя того, кто поразилъ его; проситъ помощи, но тутъ же ноги товарищей прижимаютъ его къ землѣ?...

И послѣ усиленнаго перехода, совершеннаго Гверильясами, когда отдыхъ казался необходимымъ, и послѣ претерпѣннаго ими пораженія, когда непріятель думалъ, что Гверильясы еще спасаются бѣгствомъ, они подражали голоднымъ волкамъ, которые, при видѣ собакъ, для того удаляются отъ стада, чтобъ подойти къ нему съ безопасной стороны. Французы, прибѣжавшіе на вопль своего часоваго, находили его зарѣзаннымъ, и даже изуродованнымъ, если Гверильясъ имѣлъ время повторить ножевые удары. Человѣческая голова, брошенная съ вершины утеса, кружилась и лепетала на Французскомъ бивакѣ, а Гверильясы на вершинѣ утеса спрашивали съ хохо-

томъ, чья эта голова? Ночная темнота умножала опасности для непріятеля, но уменьшала ихъ для Гверильясовъ, хорошо знавшихъ мѣстность. Подкравшись ночью къ Французскому биваку, они изъ-за плечь Французовъ, сидящихъ кругомъ огней, обѣгали глазами бивакъ; каждый, выбравши жертву для своего карабина, мѣтилъ ей въ лице, свѣтившееся отъ огня въ темнотѣ; пуля уже была во лбу, а табачный дымъ еще вылеталъ изо рта; ложка съ супомъ проливалась на рану, данную въ грудь; трупы, упадшіе на костры, тушили ихъ своей кровью, и завязывалась одна изъ тѣхъ перепалокъ, когда обѣ стороны такъ смѣшиваются, что другъ у друга берутъ патроны изъ сумокъ, и голодный солдатъ, рѣшившійся подъ пулями дохлебать свою кашицу, не знаетъ, чьи пули летаютъ надъ нимъ: свои, или непріятельскія. Если Гверильясы надѣялись одолѣть, то вступали въ ручную схватку, въ которой щеки чувствуютъ горячее дыханіе противника, въ которой побѣда принадлежитъ тому, кто первый станетъ обоими колѣнами на непріятельскую грудь; стонъ, едва раздавшійся, унятъ желѣзомъ; голова, едва приподнявшаяся, встрѣчена прикладомъ; сражающіеся, обхвативши другъ друга, падаютъ и катаются, являясь попеременно одинъ на другомъ, такъ-что нельзя отличить нападающихъ отъ обороняющихся. Бѣшенство доходитъ до того, что и убиваютъ молча, и умираютъ молча. Побѣдители, воткнувши въ ружейное дуло свѣчу, и заслонивши ее руками отъ вѣтра, при ея свѣтѣ, убійствами довер-

шаютъ побѣду—и некому во мракѣ ночи ужаснуться отъ предсмертнаго вопля побѣжденныхъ, и некому трепетать отъ глубокой тишины, наступившей послѣ этаго вопля.

Темно и пусто на кривыхъ и узкихъ улицахъ Испанскаго города, настоящихъ улицахъ среднихъ вѣковъ. Вездѣ заперты двери тяжелыя, обитыя желѣзомъ, какъ-будто онѣ, какъ двери феодальныхъ временъ, должны защищать отъ нечаянныхъ нападенiй враждебнаго сосѣда. Кое-гдѣ лампады Мадоннъ бросаютъ на улицу блѣдныя полосы свѣта и закапываютъ масломъ спину молящагося грѣшника, простертаго на мостовой. Собака перестала отвѣчать на протяжный переклнкъ часовыхъ, повторявшихъ: «sentinelle, prenez garde à vous! часовые берегитесь!» Вотъ время влюбчивой Испанкѣ привязать шелковую лѣстницу къ периламъ балкона! Но какiе-то люди вышли изъ-за угла, оглянулись на всѣ стороны и потянулись вдоль улицы, одинъ за другимъ, молча и прижимаясь къ заборамъ и домамъ, какъ-будто для безопасности этихъ людей не довольно ночнаго мрака: это не контробандисты, обманувшiе таможенную стражу: ихъ спины не сгорблены кипами товаровъ; это не слуги инквизицiи, идущiе схватить еретика: Французы взяли у Доминикановъ ключи отъ подземныхъ залъ инквизицiи. На концѣ улицы показались штыки Французскаго патруля. Таинственные люди исчезли какъ злой духъ при видѣ талисмана. Патруль про-

шелъ. Они снова потянулись вдоль улицы, и вотъ то въ одно, то въ другое окно стукнули, какъ можно тише, и за окнами вдругъ стихла однообразная пѣсня матери, убаюкивающей ребенка, какъ-будто ребенокъ заснулъ отъ этаго стука, вдругъ смолкла гитара, какъ-будто на ней лопнула струна отъ этаго стука, огни задвигались въ домахъ.... Подъ чьими-то скорыми шагами прозвучали мраморныя ступени собора. Взошедшій на нихъ не былъ кающійся грѣшникъ, поднятый съ постели муками совѣсти и спѣшащій въ исповѣдную.... Большой соборной колоколъ протяжно и звучно раздался надъ всѣмъ городомъ, и часовые въ послѣдній разъ прокричали: sentinelle, prenez garde à vous! Французъ, пробужденный ружейными выстрѣлами, нашелъ всѣ двери запертыми, пика приняла его бросившагося въ окно. Французъ, бѣжавшій по улицѣ, наткнулся въ-потьмахъ на конецъ подставленнаго ему ножа. Французскій отрядъ, спѣшившій на сборное мѣсто, встрѣченъ изъ-за угла ружейнымъ залпомъ; женская рука высунулась въ окно съ горящимъ факеломъ, который, свѣтивъ сражающимся, осыпалъ искрами ихъ головы; на лужу крови пролилось масло изъ Маданиной лампады, разбитой заблудившимися пулями.... Утромъ Гверильясы на городской площади заставляли своихъ лошадей топтать непріятельскіе трупы, какъ Норманы послѣ Гастингскаго сраженія; или—усталые отряды Французовъ возвращались въ городъ изъ погони, ведя плѣнныхъ Гверильясовъ, и военный судъ, подписывалъ смертный

приговоръ многимъ изъ городскихъ жителей за то, что въ домахъ своихъ скрыли Гверильясовъ, или за то, что помогали имъ во время ночнаго нападенія.

Залпы Гверильясовъ изъ засадъ, убійство часовыхъ и отставшихъ на походѣ, нападенія Гверильясовъ на биваки и на квартиры сильно дѣйствовали на нравственность Французскихъ войскъ, доказывая имъ, что для нихъ въ Испаніи нѣтъ безопасности, какъ только подъ тѣнью штыковъ. Привыкнувъ оканчивать войну великими побѣдами въ нѣсколько мѣсяцевъ, они неспособны были къ постоянному напряженію вниманія противъ такаго непріятеля, котораго видѣли всюду, но которой не представлялъ имъ ни однаго пункта для нападенія. Они, храбро сразившись, думали, что исполнили всю обязанность солдатъ; были не бдительны на часахъ, не умѣли достать языка, и часто недостатку мужества своихъ генераловъ приписывали предосторожности, необходимыя въ войнѣ съ народными партизанами, въ войнѣ, не прекращавшейся отъ побѣдъ надъ регулярными войсками. Въ этомъ отношеніи Гверильясы походятъ на стражей очарованнаго замка Итальянскихъ романистовъ: сперва великанъ заслоняетъ дорогу странствующему рыцарю, который далъ обѣтъ разрушить очарованіе замка; великанъ издыхаетъ отъ ударовъ меча; намѣсто великана являются толпы пигмеевъ, столь многочисленныя и предпріимчивыя, что странствующій рыцарь не успѣваетъ отмахиваться

мечемъ, и больше утомляется отъ неотвязчивости пигмеевъ, нежели отъ титанической силы великана.

Чтобъ обезопасить свои колонны на походѣ отъ выстрѣловъ изъ засадъ, Французы вырубали деревья и кустарники на двѣсти туазовъ по обѣимъ сторонамъ военныхъ дорогъ; даже сожигали поля съ жатвой, не смотря на то, что этимъ сами себя лишали продовольствія; рубили въ куски двери и ворота у придорожныхъ домовъ и вырывали желѣзныя рѣшетки у оконъ. Они тщательно обходили морской берегъ, предавая огню рыбачьи хижины и подъ страхомъ смертной казни заказывая рыболовамъ строиться близъ моря, потому-что эти хижины, какъ сказано въ Монитёрѣ, служили вѣрнымъ убѣжищемъ разбойникамъ и Англійскимъ агентамъ. Ночные патрули, одинъ многочисленнѣе другаго, безпрерывно обходили, объѣзжали города, занятые Французами. Стоя на бивакахъ, они съ наступленіемъ ночи удвоивали, утроивали число часовыхъ; по нѣскольку разъ въ одну ночь часовые перемѣняли свои мѣста, обертывали сукномъ темнаго цвѣта стволы своихъ ружей, марали углемъ яркіе цвѣта своихъ воротниковъ, чтобъ Гверильясы не могли ихъ изъ-дали увидѣть. Каждый Испанецъ, съ оружіемъ или безъ оружія пойманный бродящимъ около цѣпи часовыхъ, былъ немедленно разстрѣливаемъ.

Французы отъ Бидасои до Кадикса покрыли Испанію укрѣпленіями, больше или меньше значительными, смотря по важности мѣста въ военномъ отношеніи, или по числу войска, нужнаго для защиты укрѣпленія. Эти укрѣпленія были необходимы, чтобъ обезопасить отъ Гверильясовъ какъ сообщенія съ Франціей, такъ и между отдѣльными корпусами, завоеванными крѣпостями; чтобы прикрыть отъ Гверильясовъ депо съ военными и съѣстными припасами, отряды, оставленные для удержанія въ повиновеніи завоеванныхъ областей. Словомъ, Французы не смѣли оставить безъ укрѣпленія ни однаго этапа, ни однаго дома, занятаго военной почтой, ни одной горной тѣснины, черезъ которую шла военная дорога. Отряды, оставленные въ городахъ или деревняхъ, укрѣпляли монастырь, домъ, находящійся на возвышенномъ мѣстѣ, или нѣсколько домовъ, почти всегда крайнихъ. Предпочтительно укрѣпляли домы, имѣвщіе на кровляхъ галлереи, называемые mirador, въ которыхъ Испанцы сбираются подышать вечерней прохладой. Эти галлереи такъ устроены, что идущимъ мимо невидно находящихся на галлереи, между-тѣмъ какъ они могутъ видѣть всю окрестность. Обыкновенно, для этапа, для военной почты, укрѣпляли замокъ, церковь съ ея оградой; въ противномъ же случаѣ, для часовыхъ, не смѣвшихъ показываться внѣ укрѣпленій, устроивали на кровляхъ площадки, или строили каланчи.

Каждое укрѣпленіе было недоступно Гверильясамъ, не имѣвшимъ ни артиллеріи, ни понятія о тѣхъ машинахъ, которыми древніе замѣняли артиллерію. Много разъ случалось, что Французы, засѣвшіе на колокольнѣ, успѣвали отразить упорныя нападенія Гверильясовъ. Такъ пятеро солдатъ, оставленныхъ для наблюденія на колокольнѣ близъ Торо, были окружены Гверильясами; дымъ зазженной лѣстницы заставилъ солдатъ взлѣсть на выходящіе углы колокольни, откуда они отстрѣливались въ продолженіе десяти часовъ. Обыкновенно Гверильясы прикатывали къ укрѣпленному строенію бочки съ хлѣбнымъ виномъ, наваливали кругомъ бочекъ груды соломы и зажигали ихъ. Средствомъ болѣе успѣшнымъ служили Гверильясамъ стручья краснаго перца, растущаго въ великомъ множествѣ во всей Испаніи. Дымъ этихъ стручьевъ такъ нестерпимъ, что если вѣтеръ дулъ на Французовъ, то они въ короткое время бывали принуждены выбѣгать изъ строенія, чтобъ пробиться, или чтобъ отдаться въ плѣнъ. Если время не позволяло Гверильясамъ прибѣгнуть къ этимъ двумъ средствамъ, то они рѣшались брать укрѣпленіе приступомъ въ двухъ случаяхъ: когда спасался въ укрѣпленіе обозъ, въ фурахъ котораго они надѣялись найти золото или курьеръ, который, судя по числу его прикрытія, везъ важныя депеши. Иногда Гверильясы, упрошенные монахами, которыхъ Французы выгнали изъ монастыря, рѣшались взять его приступомъ. Но приступы почти

никогда не удавались Гверильясамъ, и потому они довольствовались одной блокадой тѣхъ укрѣпленій, которыми не могли завладѣть ни посредствомъ пожара, ни посредствомъ дыма стручковъ краснаго перца. Толпясь кругомъ укрѣпленнаго строенія, они находили великое удовольствіе въ томъ, что встрѣчали по крайней мѣрѣ десяткомъ пуль каждую голову, показывавшуюся изъ окна, чтобъ подышать чистымъ воздухомъ; но когда непріятель не доставлялъ имъ такаго удовольствія, они для препровожденія времени облѣпливали пулями стѣны и двери укрѣпленій, и, такимъ образомъ, безъ всякой пользы тратили лучшій порохъ, доставляемый имъ Англіей съ большими издержками. Между-тѣмъ кричали Французамъ, что ихъ императоръ Напа*ладронъ** — и, подобно Испанскимъ мальчикамъ, думавшимъ, что они наносятъ Шарренью великое огорченіе, браня при немъ Омара, Гверильясы увѣряли Французовъ, что св. Наполеонъ несравненно меньше значитъ св. Фердинанда. Французы въ монастырѣ, оставленномъ монахами, жили другими монахами отъ нечего-дѣлать звонили въ колокола; тяжелый маятникъ монастырскихъ часовъ печально измѣрялъ время, однообразное какъ звуки маятника. Весьма часто Гверильясы держали укрѣпленіе въ такой строгой и продолжительной блокадѣ, что Французы, не зная, что дѣлать съ своими умершими, выбрасывали ихъ изъ оконъ или изъ воротъ укрѣпленія.

* Ladron— воръ.

III.

Обыкновенное средство противъ народныхъ партизановъ заключается въ подвижныхъ колоннахъ, пробѣгающихъ непріятельскія области по всѣмъ направленіямъ. Слово colonna имѣло на языкѣ Испанцевъ одинаковое значеніе съ словомъ *Французы*. Въ прежнихъ Наполеоновыхъ войнахъ все нужное для его войскъ доставлялось почти съ такою же точностію, какъ и въ мирное время, и потому на офицерахъ, даже на генералахъ, лежали только двѣ обязанности: сохранять дисциплину и подавать примѣры мужества. Но въ Испаніи обязанность главнокомандующаго лежала на каждомъ начальникѣ подвижной команды: подъ его начальствомъ находились войска всѣхъ родовъ; онъ долженъ былъ изучать мѣстность, пробѣгаемую его колонной, находить шпіоновъ и проводниковъ, заботиться о съѣстныхъ припасахъ и фуражѣ, прекращать безпорядки, возникавшіе то отъ изобилія, то отъ лишеній — между-тѣмъ безпрерывно нападать или выдерживать нападенія; на переходахъ и на ночлегахъ принимать мѣры противъ казней, какія только могутъ выдумать народная ненависть и религіозный фанатизмъ, и наконецъ видѣть себя въ безпрестанной необходимости уклоняться отъ данныхъ ему предписаній. При томъ терпѣніе въ высшей степени и крѣпкое здоровье были для него столько же необходимы, какъ мужество и опытность въ военномъ дѣлѣ. Французскіе полководцы въ Испаніи

почитали крѣпкое здоровье столь необходимымъ для начальника подвижной колонны, что это порученіе обыкновенно давали молодымъ людямъ.

Начальникъ подвижной колонны, независимо отъ партизанской войны Гверильясовъ, долженъ былъ бороться съ препятствіями почти неодолимыми, съ препятствіями, которыхъ онъ не могъ ни предвидѣть, ни отвратить, произходившими отъ недостатка хорошихъ ландкартъ, отъ трудности находить шпіоновъ и проводниковъ, и даже отъ свойствъ Французскихъ солдатъ, храбрыхъ, но довѣрчивыхъ.

Отъ временъ Страбона, когда фигуру Испаніи сравнивали съ кожей, снятой съ быка, до Наполеонова нашествія, немногимъ-чѣмъ улучшились географическія свѣдѣнія объ Испаніи; у однаго Малтебрёна находилось нѣсколько вѣрныхъ указаній. Путешественники, бывшіе въ Испаніи, много говорили о разбойникахъ, литературѣ, бычачьей травлѣ и вентахъ съ голыми стѣнами; но молчали о топографіи и статистикѣ. Испанское правительство даже не имѣло порядочной карты окрестностей Мадрита. Парижскіе и Лондонскіе географы на своихъ картахъ Испаніи застилали равнинами Сіерры, передвигали Сіерры на равнины, заставляли рѣки змѣиться, какъ попало, и смѣло подписывали на такихъ картахъ *исправленныя и дополненныя.* По этимъ картамъ начальникъ подвижной колонны долженъ былъ распоряжаться

своими дѣйствіями противъ народныхъ партизановъ, слѣдственно вести такую войну, въ которой знаніе мѣстности необходимѣе, нежели въ большихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Весьма часто, повѣря своимъ картамъ, онъ сбивался съ настоящей дороги и дѣлалъ нѣсколько лишнихъ переходовъ; тамъ не находилъ и колодца, гдѣ сбирался переправиться черезъ рѣку; тамъ встрѣчалъ стѣну изъ утесовъ, гдѣ думалъ найти большую дорогу; даже весьма часто, по неимѣнію проводниковъ, долженъ былъ по такой невѣрной картѣ отыскивать мѣста своего назначенія, и, на мѣстности, позволявшей маневрировать противъ Гверильясовъ, онъ испытывалъ только ея неудобство, не имѣя средствъ оцѣнить ея выгодъ.

Военные писатели избѣгаютъ подробностей касательно употребленія шпіоновъ, не излагаютъ всѣхъ средствъ, которыя полководецъ истощаетъ для полученія извѣстій о непріятелѣ. Шпіоны вообще не имѣли возможности слѣдить за Гверильясами. Правда, начальники подвижныхъ колоннъ находились въ положеніи полководцевъ тринадцати-лѣтней войны, замѣнявшихъ извѣстія показаніями плѣнныхъ, потому-что арміи того времени были такъ малочисленны, такъ сжаты, что каждый плѣнникъ легко могъ знать многое, касающееся до его арміи; между-тѣмъ какъ въ наше время отъ плѣннаго можно уз-

нать однѣ частныя обстоятельства, и показанія плѣнныхъ, взятыя вмѣстѣ, могутъ служить только для повѣрки, для поясненія извѣстій, доставленныхъ шпіонами. Но множество примѣровъ отучили Французовъ вѣрить показаніямъ у плѣнныхъ Гверильясовъ, вынужденными обѣщаніями или угрозами. Французы даже не принимали дезертировъ, боясь, что это подосланные шпіоны, и начальникъ подвижной колонны, не щадившій денегъ, терпѣлъ такой недостатокъ въ шпіонахъ, что только по радостнымъ лицамъ жителей догадывался о близости непріятеля, по ихъ дерзкому обращенію съ солдатами о намѣреніи непріятеля вступить въ сраженіе, и почти безпрерывно находился въ той неизвѣстности о движеніяхъ Гверильясовъ, отъ которой, говоритъ маршалъ Журданъ, такъ трудно полководцамъ распоряжать войсками, а военнымъ писателямъ, для которыхъ нѣтъ этой неизвѣстности, такъ легко обсуживать распоряженія полководцевъ.

Начальникъ подвижной колонны то принужденъ былъ силой брать въ проводники такихъ людей, которыхъ каждый взглядъ искалъ жертвы, каждое слово было предательствомъ; то находилъ людей, охотно бравшихся служить проводниками: но это были люди, умѣвшіе подъ простодушіемъ глупаго крестьянина скрыть опытность хитраго шпіона; онъ кончивши свою роль обманомъ Французовъ, ускользалъ отъ

нихъ. «Мы разстрѣляемъ тебя на мѣстѣ, если не выведешь насъ на прямую дорогу!» кричали въ Алпухарахскихъ горахъ Французы, обманувшему ихъ проводнику. — «Меня не возмутъ ваши пули, спокойно отвѣчалъ проводникъ; я, обтеръ все мое тѣло кускомъ холста, потертымъ о гробъ св. Фердинанда. — Близъ Пампелуны, мальчикъ лѣтъ десяти взятой Французами въ проводники, завелъ ихъ въ засаду, и, вскочивши на утесъ, подъ пулями раздраженныхъ Французовъ, вскричалъ: «да здравствуетъ король Фердинандъ VII!» Часто подвижная колонна, не нашедши проводника, приходила въ деревню, которой незнали имени и не было у кого спросить объ немъ. Нѣсколько мальчиковъ, игравшихъ на улицѣ, отвѣчали на распросы Французовъ «не знаемъ, не видали, не слыхали». Колонна продолжала свой маршъ, браня *маленькихъ разбойниковъ* *, а они спѣшили сообщить притаившимся Гверильясамъ свои замѣчанія о непріятелѣ, замѣчанія, сдѣланныя съ тою разборчивостью, которую отъ продолжительной народной войны пріобрѣтаютъ не только взрослые люди, неимѣющіе понятія о военномъ искуствѣ, но даже самыя дѣти: вообще Гверильясы всегда полагались на извѣстія о непріятелѣ, сообщенныя имъ дѣтьми.

Такимъ образомъ подвижная колонна, отыскивая Гверильясовъ, походила на людей, пустившихся

* Монитеръ и Наполеоновы солдаты называли Гверильясовъ разбойниками.

на лодкѣ по теченію рѣки, не зная, куда теченіе принесетъ ихъ, и гдѣ могутъ они встрѣтить подводные камни.

Вступая въ округъ, больше другихъ ознаменованный поисками Гверильясовъ, подвижная колонна слышала вдали и вблизи звуки набата, но находила жителей покорными королю Іосифу, занятыми домашнею или полевой работой. Только въ нѣкоторыхъ домахъ было что-то съ половицъ соскребено и смыто, позади домовъ мѣстами былъ виденъ прозженный дернъ, пепелъ, нѣсколько костей, такъ обгорѣвшихъ, что трудно было опредѣлить, принадлежатъ ли эти кости животнымъ или людямъ. Каменья и хворостъ были навалены на томъ мѣстѣ, гдѣ, если память не обманывала Французовъ, бывшихъ въ этихъ мѣстахъ, находился глубокій колодезь; на каменьяхъ и хворостѣ гнили двѣ–три мертвыя собаки, брошенныя тутъ для того, чтобы смрадъ отъ труповъ, гнившихъ въ колодцѣ, казался смрадомъ отъ этихъ собакъ. На вопросъ Французовъ, для чего жители били въ набатъ, завидя колонну, алкадъ спѣшилъ отвѣчать, что это сдѣлано по его приказанію для того, чтобъ жители успѣли приготовить квартиры для войска императора Наполеона. На требованіе фуража и съѣстныхъ припасовъ былъ одинъ отвѣтъ, что все расхищено Гверильясами, что приходится продать послѣднія рубашки, чтобъ выплатить подати королю Іосифу.

Французы для нападенія строились въ сжатую колонну; средина и хвостъ не позволяли головѣ остановиться; между-тѣмъ передніе ряды, тѣснимые задними, бросались на непріятеля, и его ряды были разорваны, если онъ въ массѣ, не такъ плотной, какъ Французская колонна, принималъ ея ударъ. Но Гверильясы, при первомъ наступательномъ движеніи непріятеля въ превосходныхъ силахъ, удалялись какъ стая птицъ при шорохѣ прохожаго. Отступленіе Гверильясовъ походило на бѣгство не по безпорядку, но по быстротѣ. Они останавливались, какъ скоро мѣстность позволяла устроить засаду или только хорошо прицѣлиться, не подвергаясь опасности. За живымъ плетнемъ, тянувшимся на такое разстояніе, что Французамъ не возможно было обойти его, Гверильясы сражались какъ за крѣпостной стѣной; они заставляли Французовъ брать плетень приступомъ, рубить и вырывать его подъ градомъ мѣткихъ пуль. Они притаивались въ садахъ грандова замка, пересѣченныхъ множествомъ алей и потоковъ — и пуля прострѣливала руку Француза, поднявшуюся сорвать лимонъ; ножъ усыплялъ Француза, прилегшаго подышать прохладой потока; а Гверильясы смѣло завязывали сраженіе, потому-что, хорошо зная положеніе сада, могли по произволу показаться и схорониться, напасть и отступить. Въ сухое время они оставляли подъ снопами жатвы множество сумокъ съ патронами и куски зазженнаго трута. Внезапные взрывы сумокъ приводили въ смятеніе преслѣдующаго непріятеля, а Гверильясы оборачива-

лись съ ружейнымъ залпомъ; ноги, обозженныя порохомъ, не сдерживали раненыхъ; съ пронзительными криками ворочались они, обхваченные горящей соломой..... Въ ея пеплѣ осталось что-то не имѣющее имени, что-то скорченное, съ кусками висящей кожи, мѣстами ставшее углемъ и произносившее невнятные вопли. Въ деревнѣ заперты двери, затворены окна; ни дыма надъ кровлей, ни души на улицѣ; въ отворенной церкви слышенъ трескъ теплящихся лампадъ— тихій звукъ, такъ соотвѣтствующій гробамъ. Французскій авангардъ разошелся по улицѣ, думая объ отдыхѣ и добычѣ.... То одно окно, то другое растворились безъ шума, и не больше, какъ на вершокъ, концы карабиновъ показались изъ этихъ отверстій, и Французы очутились подъ перекрестнымъ огнемъ. Устилая улицу убитыми и ранеными, они выбѣжали изъ деревни, дождались подкрѣпленія, и съ угрозой отмстить вбѣжали въ деревню; но окна не растворились. Французы выломали двери, ищутъ Гверильясовъ на чердакахъ, даже въ комодахъ, заглядываютъ подъ постели, поднимаютъ половицы. Только на кровляхъ крайнихъ домовъ еще медлятъ Гверильясы; застрѣливши первыхъ, подбѣжавшихъ къ нимъ Французовъ, перескакиваютъ съ кровли на кровлю и за деревней пропадаютъ въ глубинѣ оврага.

Вообще регулярнымъ войскамъ невозможно сравниться быстротой движеній съ войскомъ, незнающимъ обоза, носящимъ одни ружья, нѣсколько луковицъ съ

кускомъ хлѣба для себя и два-три гарнца овса для своей лошади. Притомъ дурныя дороги такъ замедляли движенія подвижной колонны, что ея получасоваго привала было довольно для того, чтобъ Гверильясы ускользнули отъ ея авангарда и возвратили своимъ дѣйствіямъ свободу, отнятую преслѣдованіемъ. Въ сумеркахъ вечера Гверильясы смѣло выходили навстрѣчу ищущему ихъ непріятелю; завязавши перестрѣлку, отступали на такую позицію, на которой надѣялись удержаться до темной ночи; защищали каждый утесъ (на которомъ было довольно мѣста, чтобъ опустить ногу), каждое дерево, которое по своей толщинѣ могло заслонить спину — и съ наступленіемъ темной ночи расходились на ночлеги, чтобъ утромъ явиться на условленное мѣсто сбора.

Для успѣшной войны въ горахъ, гдѣ каждая тропинка служитъ стратегической линіей дѣйствій, Французы должны были съ значительными только силами проникать въ горы, чтобъ захватить какъ можно бо́льшее пространство, чтобъ сильными отрядами обезопасить свои сообщенія. Гверильясы уносили, истребляли съѣстные припасы и фуражъ, даже не оставляли кухонной посуды; фуражировать было невозможно, потому-что слабые отряды неминуемо попадались въ руки Гверильясовъ; сильные отряды, ослабляя войско, замедляли наступательныя дѣйствія. Только на спинахъ муловъ Французы могли везти съ собой съѣстные припасы и фуражъ, и то въ неболь-

шомъ количествѣ, потому-что не было возможности оборонить длинный обозъ отъ Гверильясовъ, обыкновенно выбиравшихъ для нападенія на обозъ такое мѣсто, на которомъ прикрытіе съ трудомъ могло оборонить само себя. Отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и фуражѣ, отъ невозможности помочь этому недостатку, значительныя силы Французовъ не могли удержаться въ горахъ столько времени, сколько было нужно для усмиренія цѣлаго народонаселенія горцевъ. При томъ самое превосходство въ силахъ было безполезно Французамъ на такой мѣстности, которая часто не позволяла ввести въ дѣло нужнаго числа войскъ, и на которой резервы не всегда могли двинуться на помощь угрожаемому пункту.

Подвижныя колонны проникали въ горы почти всегда для однаго преслѣдованія; но это значило подвергать войска безплодному изнуренію. Даже при обстоятельствахъ, замедлявшихъ отступленіе Гверильясовъ, они, настигнутые подвижной колонной, вездѣ находили мѣстность, удобную для обороны. Побѣда, дорого купленная, доставляла Французамъ одну безплодную честь, заключавшуюся въ томъ, что они выбили Гверильясовъ изъ такой позиціи, которой занятіе не приносило ни малѣйшей пользы побѣдителю; потому-что Гверильясы въ одной верстѣ или въ двухъ отъ этой позиціи находили другую, столь же крѣпкую, какъ потерянная ими. Между-тѣмъ каждая Французская ко-

лонна, въ какую бы сторону она ни двинулась, сколько бы ни усиливала быстроту своихъ движеній, не могла вытти изъ четыреугольника, обозначеннаго ножами и карабинами Гверильясовъ, и только тотъ Французъ, которому голова казалась слишкомъ тажелою для того, чтобъ долѣе носить ее, осмѣливался отстать отъ своей колонны или вытти изъ ея рядовъ.

Какъ хищная птица, смотрящая съ воздушной высоты, куда упасть ей на добычу, кабесилья съ горной вершины, превышавшей сосѣднія горы, обѣгалъ глазами извилины дорогъ, на которыхъ Французскія колонны, при солнцѣ пробиравшіяся въ горы, казались лентами темнаго цвѣта со множествомъ безпорядочно набросанныхъ блестокъ. Съ безпокойствомъ мореходца, не знающаго, вспрыснутъ ли дождемъ, или ударятъ бурею сбирающіяся облака, Французы смотрѣли на верхи горъ, не зная, туманъ ли встаетъ надъ горами, или вьется дымъ непріятельскаго бивака. Нагнувшись надъ пропастью, вперяли въ нее глаза, чтобъ дознаться, пики ли Гверильясовъ, или иглы утесовъ торчатъ во мглѣ пропасти, приникали ухомъ къ шуму потока, ворочавшаго каменья по дну пропасти, и ждали, не смѣшаются ли голоса Гверильясовъ съ шумомъ потока. Часто мѣстность не позволяла высылать боковыхъ патрулей; тогда, при каждомъ шумѣ упадшихъ листьевъ, при каждомъ трескѣ сухихъ вѣтвей, раздававшемся то вправѣ, то влѣвѣ, нѣсколько голосовъ вскрикивало: кто идетъ! но отвѣта не было. Множество голо-

совъ повторяло: Гверильясы! Колонна останавливалась, наводила ружья. Но упавшіе листья шумѣли отъ зайца, мѣрившаго прыжками землю; сухія вѣтви трещали, ломаясь подъ качавшейся бѣлкой. «Слышите ли? раненый вопитъ, тамъ, подъ этими соснами.» Всѣ вслушивались, и многимъ казалось, что въ вопляхъ раненаго узнаютъ знакомый голосъ. Но это былъ горный вѣтеръ, пробѣжавшій между соснами.... «Слышите ли лошадиный топотъ, тамъ, за этимъ утесомъ?» «Стой!» прокричали офицеры; солдаты осматривали свои ружья; но это шумѣлъ горный потокъ, падавшій съ утеса. Часто дорога такъ суживалась, что можно было итти только по два въ рядъ; шедшіе впереди почти при каждомъ шагѣ передавали предостереженія слѣдующимъ за ними; голова авангарда безпрестанно теряла дорогу, едва обозначенную копытами муловъ, отыскивала ее въ травѣ почти ощупью, и послѣ долгаго и тщетнаго исканія иногда рѣшалась итти наугадъ. Столбы мостовъ, подпиленные Гверильясами, падали подъ Французами. Кирпичная стѣна, поддерживавшая край глубокаго оврага, была разобрана Гверильясами, и дорога обрушивалась въ оврагъ. Не было возможности сохранить порядка въ рядахъ; конница не могла управить лошадьми, принужденными то спускаться на заднихъ ногахъ, то взбираться по такой крутизнѣ, на которой и мулъ съ трудомъ находитъ мѣсто, гдѣ бы поставить свою ногу; между-тѣмъ утомленный пѣхотинецъ хватался за хвостъ лошади, лошадь теряла равновѣсіе; всадникъ

и пѣхотинецъ скатывались въ пропасть съ каменьями, сдвинутыми ихъ паденьемъ, при трескѣ кустарника, растущаго по ея бокамъ; послѣдній крикъ несчастныхъ потворялся стукомъ каменьевъ, ударившихся о дно пропасти, чьимъ-то хохотомъ за ближней горой и крикомъ товарищей, выразившимъ изумленіе, смѣшанное съ ужасомъ; надолго стихалъ говоръ солдатъ и невольно замедлялись ихъ шаги. При сгустившемся туманѣ, Французамъ безпрестанно казалось, что они находятся на краю пропасти. Принимая за непріятеля деревья, шевелившіяся отъ вѣтра, уже послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ узнавали свою ошибку; робкимъ шопотомъ передавали другъ другу приказанія начальниковъ, не зная, кѣмъ разведены огни, мелькавшіе не вдалекѣ. Иногда колонна не больше мили переходила въ сутки, подаваясь впередъ съ осторожностію слѣпца, потерявшаго свой посохъ на незнакомой дорогѣ, останавливаясь съ боязливыми взорами путника, который ночью, оглянувшись на шорохъ, силится отличить походку добраго человѣка отъ походки разбойника. Аріергаръ не успѣвалъ подбирать отстававшихъ. Лошади вздрагивали и грызли удила отъ нетерпѣнія. Начальники не рѣшались грохотомъ барабановъ и звуками трубъ придать бодрости людямъ и лошадямъ. Такой походъ въ горахъ походилъ на сновидѣніе, въ которомъ видится спящему, что онъ идетъ, идетъ, но не можетъ дойти. Отъ непривычки ходить въ горахъ, отъ воздушныхъ перемѣнъ и недостатка въ пищѣ, Французы такъ много теряли людей, что Гве-

рильясы справедливо почитали днемъ побѣды каждый день, проведенный Французами на такомъ переходѣ, съ привалами подъ палящимъ солнцемъ, съ ночлегомъ безъ защиты отъ пронзительнаго холода.

Гверильясы не нуждались ни въ дорогахъ, ни въ тропинкахъ; не заботились, свѣтятъ ли имъ солнечные лучи, или однѣ молніи; замѣняли проводниковъ знакомыми вершинами горъ; конные, пѣшіе, то оступаясь въ лисьи норы, пробиралися по дну пропасти, въ которой отъ-вѣка холодъ и мгла колодца; то, попирая орлиныя гнѣзда, перескакивали съ утесовъ на утесы, треснувшіе отъ солнца и походившіе цвѣтомъ на лица мулатовъ. Гверильясы гурьбой переносились черезъ долину, поодиначкѣ тянулись черезъ горное ущелье, какъ волчья стая ночью вдоль опушки лѣса, какъ дикари по узкой тропинкѣ сѣверо-Американскаго лѣса. Это слѣдованіе по-одиначкѣ называли они *переборомъ четокъ*. Горная лошадь небольшаго роста, но крѣпкая и какъ мулы твердая на-ногу, несла Гверильяса, склоня голову, чтобъ обнюхивать дорогу; въ опасномъ мѣстѣ храпомъ подавала всаднику знакъ осторожности; вымѣрявши пропасть глазами, въ которыхъ появлялось что-то похожее на умъ, она или пятилась отъ пропасти, или, вытянувши шею, скачкомъ переносилась черезъ нее, показывая въ одно время вѣрность своего глазомѣра, силу и проворство своихъ членовъ.

Французская колонна, растянутая по горной дорогѣ всегда узкой, была не способна ни къ нападенію, ни къ оборонѣ; голова колонны не могла повернуться на помощь хвосту, который въ свою очередь не могъ двинуться на помощь головѣ, а Гверильясы въ одинъ разъ показывались на нѣсколькихъ мѣстахъ, чтобъ этимъ скрыть свое настоящее намѣреніе отъ непріятельскаго генерала и отъ его шпіоновъ. Туманъ вечерній или утренній, застилая, наполняя промежутки въ рядахъ Гверильясовъ, раздѣленныхъ, гдѣ утесомъ, гдѣ деревьями, увеличивалъ въ глазахъ непріятеля число Гверильясовъ. Раненые Французы валились на своихъ товарищей, бывшихъ не въ состояніи ни защитить себя, ни отмстить за нихъ, потому-что Гверильясы держались на такомъ разстояніи отъ колонны, что при ея первомъ наступательномъ движеніи успѣвали ускользнуть въ горное ущелье, вскарабкаться на утесъ, доступный сернѣ, да горцу — и поверхъ тумана, одѣвшаго утесы, при вѣтрѣ, развѣвавшемъ плащи, казались крылатыми духами, повисшими надъ безднoю. Грудой каменьевъ завалили дорогу, сжатую съ обѣихъ сторонъ горами, и прежде-нежели Французы перебрались черезъ эту груду, передъ нею поднялась другая груда изъ Французскихъ труповъ. Французы везли на мулахъ свою артиллерію: двѣ легкія пушки привязывались къ бокамъ мула; другой мулъ несъ на спинѣ лафеты и колеса, а третій ящикъ съ зарядами. Эти мулы обыкновено шли въ срединѣ колонны; но прежде-нежели войска, шедшія позади

и впереди муловъ, прибѣгали къ нимъ на помощь, малочисленная партія Гверильясовъ, выскочившая изъ засады, успѣвала сбросить въ придорожный оврагъ и пушки и зарядные ящики, и зарѣзанными мулами загородить дорогу. По дорогамъ, неизвѣстнымъ непріятелю, Гверильясы провозили на волахъ свои пушки; въ трудныхъ мѣстахъ перетаскивали ихъ на себѣ; на веревкахъ поднимали ихъ съ одними передками на крутизны придорожныхъ горъ — и картечь, падая отвѣсно, поднимала на дорогѣ пыль, какъ поднимаютъ ее капли крупнаго дождя. При укрѣпленіи горной деревни, Гверильясы употребляли всѣ средства, какія только можетъ внушить инстинктъ людямъ, чуждымъ военнаго искуства: разбрасывали по улицѣ множество гвоздей и засыпали ихъ пескомъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ на полсажени отъ земли протягивали чрезъ улицу толстыя веревки, которыхъ концы привязывали къ столбамъ воротъ, и привѣшивали къ этимъ веревкамъ множество бревенъ и каменьевъ; перинами и подушками затыкали окна, ненужныя для стрѣльбы; комоды, поставленные въ дверяхъ, служили брустверами; на кровляхъ, всегда плоскихъ, устраивали родъ укрѣпленій изъ мѣшковъ, насыпанныхъ землей, изъ столовъ и стульевъ. Женщины приносили на кровлю свою brasero *, чтобъ вскипятить оливковое масло. Подъ перекрестнымъ огнемъ Французы то пятились отъ гвоздей, проникавшихъ сквозь подошвы, то прорывались черезъ натя-

* Brasero — жаровня.

нутыя веревки; подъ кипяткомъ оливковаго масла ломились въ двери и окна; что дверь, то снова ножи скрещивались со штыками; отъ угла комнаты, отнятаго Французами, груда труповъ отдѣляла уголъ, еще обороняемый Гверильясами. Французы ввели въ дѣло свои резервы, рѣшились, во что бы ни стало, отнять деревню, и нашли ее оставленною Гверильясами, хотѣвшими не защищать деревню, но только услать улицу, наполнить комнаты Французскими трупами.

Слышите ли, Французы: надъ вашими головами толпа горцевъ грозитъ вамъ крикомъ, заступы роютъ землю, молоты разшибаютъ утесы! Видите ли, Французы: надъ вашими головами толпа горцевъ грозитъ вамъ тѣлодвиженіями, огромные камни шевелятся, приподнимаются..... Спросите своихъ товарищей, сражавшихся въ Тиролѣ: они очень хорошо помнятъ тѣснину близъ Инспруга, темную ночь, и голосъ Гоффера надъ тѣсниной. Только одно слово сказалъ Гофферъ *бросай!*..... Уже не время спрашивать!.... Огромные камни спрыгнули съ горы, взяли съ собой въ глубину оврага людей и лошадей, втиснули ихъ въ землю и могильными камнями легли на переломанныя кости. Другіе камни, отпрыгивая отъ встрѣтившихся утесовъ, берутъ то вправо, то влѣво, гдѣ раздробляютъ грудь, гдѣ стискиваютъ полковой ящикъ; на дерево брызнулъ мозгъ схоронившагося за нимъ.... Какъ скорчиваются, сжимаются Французы, спасаясь бѣгствомъ! съ ногъ сшибаютъ другъ-друга!

Французы! приближается буря. Если вы не блѣднѣете, стало-быть, не знаете, что такое буря въ горахъ! Съ ея первыми завываніями смѣшиваются голоса поющихъ Гверильясовъ. Они знаютъ по преданіямъ, какъ непріятельскія войска гибли въ горахъ отъ бури; они поютъ старинную пѣсню, любимую горными разбойниками и контробандистами. Этою пѣснію горецъ призываетъ бурю на помощь ножу и карабину. Французы, передъ бурею, преклонили свои знамена ниже, нежели передъ императоромъ; вихорь срываетъ ружья съ плечъ, ставитъ лошадей на колѣна, вырваннымъ деревомъ стучитъ по головамъ; потокъ отъ ливня сталъ рѣкой, вырвался изъ горъ на дорогу, и помчалъ въ ближнюю долину кивера и плащи утопшихъ. Французы, сгорбясь отъ ливня, шатаясь отъ вихря, сжимая глаза отъ налетающихъ листьевъ и сучьевъ, пятятся отъ падающихъ товарищей и, уже по уходѣ бури, узнаютъ, которой изъ нихъ убитъ громомъ, прошибенъ деревомъ, зарѣзанъ подкравшимся Гверильясомъ.

Война Гверильясовъ внѣ горъ походитъ на Шотландскую балладу; война Гверильясовъ въ горахъ — эпопея!

IV.

Начальники подвижныхъ колоннъ, просили ли подкрѣпленія, оправдывались ли въ своихъ неудачахъ,

всего чаще ссылались на проворство, съ которымъ Гверильясы, настигнутые, или уже разбитые, разбѣгались въ разныя стороны и пропадали за неровностями мѣстности. Въ этомъ проворствѣ заключается верхъ совершенства народныхъ партизановъ, безъ котораго ихъ дѣйствія не могутъ быть ни успѣшны, ни продолжительны — верхъ совершенства, недоступный партизанамъ изъ регулярныхъ войскъ, потому-что для этаго, кромѣ помощи отъ жителей, подробнаго знанія мѣстности, надо, чтобъ войска были одѣты одинаково съ жителями. Опустя отъ удивленія сабли и ружья, Французы смотрятъ во всѣ стороны: отъ военной бури ничего не осталось, кромѣ облака пыли вблизи и конскаго топота вдали. Карабинъ, найденный подъ кустомъ, еще теплый отъ выстрѣловъ; волкъ слизывающій кровь съ дерна; свѣжая могила, не покрытая ни камнемъ, ни дерномъ, показывали Французамъ, куда побѣжали Гверильясы..... Вдругъ пуля упала къ ногамъ погони; вторая, третья уже не упали къ ногамъ; Французы въ недоумѣніи смотрятъ во всѣ стороны: кругомъ широкая равнина; только одно дерево стоитъ на равнинѣ; ни на немъ, ни подъ нимъ никого нѣтъ; но раненый четвертой пулей указалъ на дерево. Подъ ударами ружейныхъ прикладовъ, Гверильясъ, схоронившійся въ дуплѣ, уронилъ пистолетъ съ пятой пулей и вскрикнулъ *muero pro Madonna* «умираю за Мадонну!» Проломленная голова повисла изъ дупла; весь скорчился отъ штыка, пронзающаго шею, и шепталъ muero pro Madonna!

Французы думаютъ, что Гверильясы близко; ускоряютъ шаги и прибавляютъ хода лошадямъ.... Въ сумракѣ вечера огонекъ теплится близъ дороги, отличая кровавыя пятна на лицѣ смертельно-раненаго Гверильяса и бросая свѣтъ на мракъ смерти, подернувшій его глаза. Товарищи подложили ему подъ-головы свернутую шинель, прямо противъ его глазъ къ ближнему дереву прикрѣпили Распятіе и всунули въ руку зазженную свѣчу, взятую отъ образа ближней часовни; свѣча тряслась отъ судорогъ умирающаго, воскъ накапался на грудь. Французы думаютъ, что Гверильясы близко; ускоряютъ шаги и прибавляютъ хода лошадямъ; но Гверильясы давнымъ-давно схоронили оружіе, стерли съ платья кровавыя пятна, умыли руки и лица, замаранныя порохомъ, и, среди бѣлаго дня, съ обыкновеннымъ привѣтствіемъ Испанцевъ *«да будетъ прославленъ Іисусъ Христосъ и его святая Матерь»* прошли мимо погони, какъ мирные жители, идущіе по своей надобности. Въ окрестностяхъ Туделы, Французы, утомленные преслѣдованіемъ, расположились ночевать въ церкви; засвѣтили лампады предъ образами, чтобъ свѣтлѣе было ужинать, и увидѣвъ въ углу церкви Гверильяса, схватились за оружіе; но Гверильясъ, тяжело раненый, уже исходилъ кровью. Едва передвигая ноги, онъ приблизился къ алтарю, на ступеняхъ котораго усѣлся одинъ изъ Французовъ. «Не мѣшайте Испанцу; онъ хочетъ умереть, прижавшись къ алтарю,» говорили Французы. Гверильясъ поднялся на ступени, оборотился назадъ и въ спину

Француза, сидящаго на ступеняхъ, воткнулъ ножъ, вынутый изъ-за пазухи. «Такая собака смѣетъ сидѣть спиной къ алтарю!» были послѣднія слова Гверильяса.

Гверильясамъ, убѣжавшимъ въ селеніе или въ городъ, было довольно одной четверти часа, чтобъ схоронить оружіе, разсѣдлать и разставить по конюшнямъ лошадей. Алкады съ толпой жителей выходили навстрѣчу Французамъ какъ среди глубокаго мира. Старшій алгвазилъ въ напудренномъ парикѣ, въ черной мантіи и съ длинной палкой въ рукѣ—знакомъ своего достоинства—отвѣчалъ Французамъ на распросы о Гверильясахъ привѣтственною рѣчью, которой Французы не понимали, но по веселымъ лицамъ жителей догадывались, что Гверильясы спаслись; а Гверильясы, еще не остывшіе отъ сраженія, вмѣшивались въ ряды Французовъ, предлагали свои сигарки, брались указать лучшія квартиры, и если Французы хотѣли слушать, то жители не истощались въ самыхъ горькихъ жалобахъ на притѣсненія, на грабительства Гверильясовъ, ушедшихъ за часъ, за полчаса до прихода колонны, и до того простершихъ свое неистовство, что угрозами, побоями припудили жителей, вѣрныхъ королю Іосифу, присягнуть незаконному королю Фердинанду. Послѣ такаго сознанія убѣдительно звали Французовъ въ церковь быть свидѣтелями новой присяги королю Іосифу. Но Французы едва вышли изъ селенія или города, Гве-

рильясы брались за схороненное оружіе, осѣдлывали лошадей и являлись позади Французовъ, какъ тѣ странныя птицы, которыя, погрузясь въ море впереди корабля, къ удивленію мореходцевъ появляются позади его. Преслѣдуемые Гверильясами зарывали въ землю свои пушки, и хотя непріятель, узнавши объ этомъ, производилъ строгія изысканія, даже схватывалъ жителей, помогавшихъ Гверильясамъ зарыть пушки, но ему рѣдко удавалось открыть ихъ. Схваченные жители обыкновенно показывали, что Гверильясы привели ихъ съ завязанными глазами на мѣсто, назначенное для зарытія пушекъ, и по окончаніи работы снова завязали глаза и отвели на далекое разстояніе отъ этаго мѣста.

Гнаться за Гверильясами значило гнаться за вѣтромъ. Хотѣть окружить Гверильясовъ значило черпать воду изъ сита.

Но много разъ случалось, что Гверильясы, преслѣдуемые по пятамъ, не имѣли времени умыть лица и рукъ, замаранныхъ порохомъ, сбросить съ себя окровавленныя платья, и потому не могли смѣшаться съ жителями, тщетно выносившими Французамъ лучшія кушанья и вина, чтобъ угощеніемъ замедлить преслѣдованіе. Наученные опытомъ, Французы останавливали всѣхъ Испанцевъ, встрѣчавшихся съ ними, осматривая ихъ съ ногъ до головы, искали кровавыхъ пятенъ на платьѣ, снимали съ Испанцевъ шляпы, чтобъ посмот-

рѣть, не обозжены ли волосы вспышками карабиновъ; нюхали у Испанцевъ руки, чтобъ дознаться, не пахнутъ ли онѣ порохомъ. Подвижная колонна, сворачивая съ дороги, разрывала свои ряды, чтобы пробраться лѣсомъ, спуститься въ глубину оврага по слѣдамъ стаи волковъ, какъ неизмѣннаго арріергарда Гверильясовъ, не допускавшаго ни одной собаки къ остаткамъ ихъ обѣда, ни однаго ворона къ ихъ трупамъ. Гверильясы, отрѣзанные отъ убѣжища, окруженные со всѣхъ сторонъ, привязывали каменья къ умершимъ товарищамъ и бросали ихъ въ воду; завязывали рты раненымъ, боясь, что они невольными воплями привлекутъ непріятеля; прежде-нежели рѣшались перейти въ-бродъ рѣку, долго шли водой вдоль берега, чтобъ непріятель не могъ отыскать ихъ слѣдовъ. По веревкамъ, привязаннымъ къ деревьямъ, спускались на дно такой пропасти, въ которой еще ни одна лисица не искала спасенія. Перейдя черезъ дорогу, сглаживали съ нея свои слѣды такъ тщательно, какъ дикари, вышедши на песчаный берегъ Оренока и боясь, что враждебное племя узнаетъ по оставленнымъ ими слѣдамъ о ихъ переходѣ черезъ Ореноко. Томимые голодомъ, они спѣшили зажарить овцу, не снявши съ нея кожи; завидя Французовъ, разрубали овцу въ куски и, разхватавши ихъ, набѣгу рвали зубами мясо съ жилами, еще трепетавшими отъ остатка жизни. Услыша благовѣстъ, падали на колѣна и вдыхали въ себя вѣтерокъ, приносившій святые звуки; наклоня

голову до земли, начинали молитву, но при первомъ шорохѣ вскакивали и на-бѣгу дошептывали молитву, прерванную страхомъ. Обезсиленная мать покидала ребенка въ часовнѣ предъ Мадонной, чтобъ онъ, знавшій въ мірѣ одно только наслажденіе — грудь матери, узналъ только одну муку — смерть отъ голода. Кусокъ холста, потертый объ статую Мадонны и приложенный къ ранѣ, обыкновенно замѣнялъ всѣ пособія медицины — и легкая рана становилась смертельной; многіе Гверильясы были покрыты зловонными струпьями, слѣдствіемъ пренебреженныхъ ранъ или худаго пользованія. Утомленные и обороной и бѣгствомъ, походили на ворона, привязаннаго къ дереву, который хочетъ истребить носомъ привязь, сшибить крыльями сукъ, къ которому она прикрѣплена; выбившись изъ силъ, опускаетъ голову, и глазами, недавно выражавшими гордость, проситъ пощады у человѣка, поднявшаго палку надъ его головой. Лишенія и опасности, сопряженныя съ жизнію Гверильясовъ, оставляли такое впечатлѣніе, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ мирной жизни Гверильясъ ночью вскакивалъ съ постели и, неподвижный, похолодѣвшій отъ страха, по именамъ кликалъ прежнихъ товарищей на помощь противъ Французовъ, и пришедши въ себя, долго думалъ, какое несчастіе предвѣщаетъ ему страшный сонъ, представившій одну изъ мучительныхъ минутъ бѣгства, въ которую руки не поднимались отъ усталости и голода, а конецъ Французскаго штыка прикасался къ спинѣ.

Видите ли эту гоэлету, узкую, но длинную, съ высокими мачтами, безпрестанно пропадающую изъ глазъ, какъ будто она поглощается каждымъ набѣжавшимъ на нее валомъ; на ней тѣснятся люди, запятнанные солнцемъ и порохомъ, по цвѣту и по чертамъ лицъ принадлежащіе къ разнымъ поколѣніямъ. Гоэлета для выхода изъ пристани не ждала ни хорошей погоды, ни попутнаго вѣтра; въ темную ночь, при начинающейся бурѣ, она обманула бдительность крейсеровъ, прокралась мимо линѣйнаго корабля, который могъ однимъ залпомъ послать ее на морское дно. Обманувши, прокравшись, бросилась на всѣхъ парусахъ въ открытое море. Она для морскихъ волнъ и для вѣтра тоже, что ломкая раковина. Но людямъ, тѣснящимся на гоэлетѣ, не до волнъ, ни до вѣтра: они не спускаютъ глазъ съ горизонта, на которомъ долженъ показаться купеческій корабль.... Идутъ къ нему на-встрѣчу съ дружескимъ флагомъ, съ призывными сигналами, приближаются на пистолетный выстрѣлъ—и выкидываютъ флагъ чернаго цвѣта, флагъ морскаго разбойника: то за купеческимъ кораблемъ, не давшимся въ обманъ, гонятся съ настойчивостію Бедуиновъ, преслѣдующихъ караванъ; то бѣгутъ отъ военнаго корабля со всѣми усиліями отчаянія.

Вотъ вѣрное подобіе войны Гверильясовъ.

Ни въ одну изъ своихъ войнъ Французы не устроивали столько засадъ, какъ въ войну Испанскую; но

рѣдкая засада удавалась: такъ тщательно жители наблюдали за ихъ движеніями. За то скрытыми, усиленными переходами часто настигали Гверильясовъ, и если мѣстность позволяла маневрировать, то Гверильясы всегда были разбиты. Тщетно сражались они, какъ люди, у которыхъ, кромѣ поля сраженія, нѣтъ другаго убѣжища, какъ разбойники, знающіе, что ихъ за мѣстомъ сраженія ждетъ палачь. Растрѣлявши всѣ патроны и уже чувствуя концы непріятельскихъ штыковъ, Гверильясы еще искали патроновъ въ своихъ пустыхъ сумкахъ; умирали съ бѣшенствомъ хищнаго звѣря, не имѣющаго силы ни укусить, не убѣжать. Въ старой Кастиліи, одинъ изъ замковъ герцога Донъ-Карлоса служилъ убѣжищемъ Гверильясамъ. Подкравшіеся Французы зажгли замокъ снизу и сверху. Гверильясы, когда свирѣпствовалъ пожаръ подъ ногами и надъ головами, встрѣтили залпами Французовъ, приступавшихъ къ воротамъ. Пожаръ пробился сквозь кровлю и поднялъ надъ замкомъ свое красное знамя. По временамъ вопли обхваченныхъ огнемъ мѣшались съ трескомъ стеколъ и балокъ. Гверильясы высовывали изъ оконъ свои головы, чтобъ освѣжиться, и спѣшили ножами встрѣтить Французовъ, ломившихся въ двери. Полъ обрушился, потолокъ повисъ, взрывы патронныхъ сумокъ облѣпили пулями внутреннія стѣны. Французы съ отвращеніемъ удалились отъ замка, пожиравшаго въ одно время защитниковъ и непріятелей, живыхъ и мертвыхъ. Немногіе изъ Гверильясовъ выбѣжали изъ замка, чтобъ, катаясь по зе-

млѣ, потушить свое загорѣвшееся платье. Въ одной изъ Каталонскихъ деревень, Французы зажгли сарай, обороняемый Гверильясами, которые продолжали стрѣлять сквозь пожарный дымъ. Пожаръ усилился; стрѣльба прекратилась. Французы, бросившіеся потушить пожаръ, нашли Гверильясовъ, задохшихся въ огромной кучѣ хлѣбныхъ зеренъ, въ которую они отъ нестерпимаго жара всунули свои головы. Близъ Лагроны Гверильясы, потерявшіе надежду отразить непріятеля и спастись бѣгствомъ, напрягли послѣднія усилія отчаянія, чтобъ только пробиться къ статуѣ святаго, стоящей близъ мѣста сраженія, и пробившись побросали къ ея подножію свое оружіе, говоря, что оружіе, посвященное на защиту отечества и государя, можетъ быть отдано только Богу, или его святому; потомъ упали на колѣна, и сложа руки, склоня головы, запѣли католическій похоронный гимнъ. Непріятель остановился отъ удивленія при видѣ людей, полныхъ жизни, поющихъ гимнъ своихъ собственныхъ похоронъ. Одинъ изъ путешественниковъ расказываетъ, что нѣсколько Гверильясовъ спасалось отъ непріятеля на вершинѣ горы. По неимѣнію съѣстныхъ припасовъ имъ оставалось или пробиться, или отдаться въ плѣнъ, но пробиться они не могли, сдаться въ плѣнъ не хотѣли—и непріятель нашелъ ихъ на вершинѣ горы умершими отъ ранъ и отъ голоду.

«Худо бы намъ было, говорили Французы, если бы Гверильясы такъ умѣли маневрировать, какъ они умѣютъ умирать.

Первою мѣрой, принятой Французскими генералами противъ возставшаго народа, было повелѣніе, чтобъ Испанцы подъ страхомъ смертной казни выдали свое оружіе Французскимъ коммисарамъ. Во многихъ городахъ и селеніяхъ, въ первое утро послѣ этаго повелѣнія, улицы были забросаны ружьями, саблями, пистолетами; потому-что Испанцы лучше хотѣли выбросить свое оружіе на улицу, нежели отнести его къ Французскимъ коммисарамъ. Почти вездѣ Испанцы отдавали только худое оружіе, а лучшее прятали. Узнавши объ этомъ, Французы производили строгіе обыски, и не нашедши оружія въ домахъ, находили его въ церквахъ, даже въ могилахъ. Встрѣчались цѣлыя кладбища, взрытыя Французами; кости бѣлѣлись на своихъ надгробныхъ камняхъ; дождевая вода накапливалась въ могильныхъ ямахъ; на цвѣтахъ, срѣзанныхъ заступомъ, копошились черви изъ расколотаго гроба. Какъ будто буря Французскаго переворота встала надъ Испаніей и какъ будто на кладбищѣ какой-нибудь деревни, потерянной въ горахъ, покоилось поколѣніе аристократовъ! Испанецъ медлилъ въ воротахъ кладбища, не зная, какъ пройти къ могилѣ роднаго, чтобъ ногами не переломать костей, силился не плакать, чтобъ слезы не мѣшали ему разглядѣть, что сдѣлалось съ костями роднаго. Жители одной изъ деревень старой Кастиліи, похоронивши въ другой разъ своихъ покойниковъ, нашли лоскутъ савана, переброшенный вѣтромъ за ограду кладбища, подняли лоскутъ какъ святыню и при молитвахъ свя-

щенника зарыли въ уголкѣ кладбища, почитая грѣхомъ оставить на землѣ то, что было съ умершимъ положено въ землю.

Въ началѣ войны, начальники Французскихъ войскъ приняли-было за правило разстрѣливать Гверильясовъ, взятыхъ въ плѣнъ, и жителей, уличенныхъ въ помощи Гверильясамъ; принимали за Гверильясовъ каждую толпу Испанцевъ, застигнутыхъ въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ, хотя бы у толпы не было оружія; не рѣдко дѣти, лѣтъ десяти, двенадцати, подвергались одному наказанію съ своими отцами и матерями. Но вскорѣ увидѣли они, что, держась этаго правила, должны будутъ, во многихъ Испанскихъ округахъ, разстрѣлять все народонаселеніе; притомъ Гверильясы, какъ мы увидимъ ниже, не упускали случая пользоваться правомъ возмездія. По этимъ причинамъ начальники Французскихъ войскъ ограничились наказаніемъ жителей часто цѣлыхъ селеній, уличенныхъ въ явныхъ постоянныхъ убійствахъ Французовъ. Скрытымъ ночнымъ переходомъ подвижная колонна окружала провинившееся селеніе. Ограбить двухъ или трехъ часовыхъ полагалось легкимъ наказаніемъ. По данному барабаномъ знаку солдаты бросались въ дома. Они не были обязаны, какъ солдаты XVII столѣтія, сносить въ одно мѣсто награбленное для дѣлежа съ товарищами и начальниками; каждый солдатъ оставлялъ у себя все, что только посчастливилось ему захватить, пока не услышалъ сбора, прекращавшаго грабежъ. Но

часто барабанъ подавалъ знакъ къ грабежу уже после другаго, больше жестокаго наказанія: между-тѣмъ какъ одна часть Французскихъ войскъ окружала селеніе, другая выталкивала, вытаскивала изъ домовъ жителей обоего пола; прикладами гнала ихъ по улицамъ на площадь, однихъ, дрожавшихъ отъ страха, другихъ, задыхавшихся отъ безплоднаго бѣшенства; связавъ веревками, волокла упорныхъ, принимала на штыки пытавшихся убѣжать. На площади, четвероугольникъ, обозначенный концами Французскихъ штыковъ, обхватывалъ толпу согнанныхъ жителей: одинъ, сложа руки, спокойно курилъ сигару, но клокъ волосъ на лбу былъ поднятъ мыслію о насильственной смерти; другой, натыкаясь грудью на штыки, силился заплевать лица Французовъ; остальные, скованные ужасомъ, не шевелились ни однимъ членомъ, какъ хищный звѣрь, притворившійся мертвымъ подъ поднятой на него дубиной. «Матушка, я не хочу, чтобъ ты умерла!» кричалъ ребенокъ, всѣмъ тѣломъ прижавшись къ матери. Французскій офицеръ, поднявши руку и протянувши указательный палецъ, начиналъ считать жителей отъ однаго рѣдко до пяти, почти всегда до десяти, не пропуская ни молодой дѣвушки, ни дряхлаго старика; на пятомъ или на десятомъ останавливалъ свой указательной палецъ; шедшій позади унтеръ-офицеръ проводилъ кускомъ мѣла черту на груди пятаго или десятаго. Офицеръ начиналъ снова свой счетъ, а унтеръ-офицеръ попрежнему шелъ позади, ожидая роковаго числа; между-

тѣмъ кровь изъ двенадцати ранъ смывала каждую черту, проведенную кускомъ мѣла. А тѣ, которыхъ миновалъ этотъ кусокъ, не миновали брызга братниной, женниной крови!.... Они вздрагивали отъ этихъ брызговъ, какъ вздрагиваетъ мертвецъ отъ гальваническаго прута, дающаго ему ужасающее подобіе жизни!..... «Матушка встань!» говорилъ ребенокъ трупу матери.

Н. Невѣдомскій.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

О СЛОБОДСКИХЪ ПОЛКАХЪ.

Земля, составляющая нынѣ Харьковскую губернію, въ прежнія времена принадлежала къ Великому Княжеству Кіевскому и служила древними границами южной Россіи отъ Половцевъ, Казаръ и Печенѣговъ. Безъ всякаго сомнѣнія, она была населена уже въ первые вѣки по Р. Х., если не ранѣе. Доказательствомъ сему: 1) старинныя, безыменныя городища, разсѣянныя во многихъ мѣстахъ (валы нѣкоторыхъ изъ нихъ поросли огромнѣйшими дубами); 2) монеты съ изображеніемъ Кесарей первыхъ вѣковъ, нерѣдко во множествѣ находимыя въ землѣ.

Сія страна въ первой половинѣ XIII столѣтія опустошена Татарами, подъ предводительствомъ

Туши-Хана, сына Чингисъ-Ханова, и потомъ Бату-Салина, меньшаго внука, котораго наши лѣтописи именуютъ Батыемъ. Жители ея или лучше сказать несчастные ихъ остатки, лишившiся своихъ правителей, удалилися за Днѣпръ и тамъ состояли, съ-начала, подъ владѣніемъ князей Литовскихъ, а въ 1340 году присоединены къ Польшѣ, и при свободномъ исповѣданіи Греко-Россійской религіи, сравнены во всѣхъ правахъ и преимуществахъ съ Польскимъ шляхетствомъ. Но сіе постановленіе вскорѣ нарушено Поляками: политика ихъ всемѣрно искала преклонить Русскихъ къ принятію религіи государства ихъ, т. е. Римско-Католической. Послѣ многихъ покушеній, Брестскій соборъ, въ 1593 году, подалъ поводъ къ явному возстанію, возобновившемуся потомъ и въ 1637 году. Поляки, для усмиренія раздраженнаго народа, въ томъ же году, при р. Днѣпрѣ заложили крѣпость Кодакъ и употребили самыя жестокія мѣры принудить Русскихъ соединиться съ ними, какъ со стороны вѣроисповѣданія, такъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Границы Россіи, въ то время, простирались отъ запада къ востоку по чертѣ, которой часть, между Путивлемъ и Хотмыжскимъ острогомъ, составляла границы съ Польшею; а остальная, отъ Хотмыжска до Коротояка, граничила съ Нагайскими пустынями, кои, не составляя собственности сихъ Татаръ, служили только временно и попеременно мѣстами для ихъ кочевья скотоводства. Ахтырка на Ворсклѣ и Гузунъ-

курганъ на Донцѣ, родъ укрѣпленныхъ хуторовъ, для защищенія скота въ случаѣ наѣздовъ Россійскихъ, были единственными, постоянными селеніями Татаръ на границѣ. Первое изъ нихъ, значущее изъ слова въ слово «бѣлый боръ,» опустѣвъ, занято было Поляками, которые владѣніе свое, впрочемъ неважное и мнимое, простирали, до 1645 года, по рѣку Мерло; но въ семъ году съ опустѣвшимъ Ахтырскимъ острогомъ, все уступили Россіи, на обмѣнъ другихъ, подобныхъ же пустынь.

Угнетаемые жестокостію Польскаго владычества въ свободномъ отправленіи вѣры и исполненіи ея обрядовъ, Малороссіяне имѣли уже намѣреніе прибѣгнуть къ Русскому Царю и просить объ исторгнутіи ихъ отъ чуждаго ига и принятіи въ прежнее подданство. Когда мысль сія въ націи еще зрѣла, нѣкоторые жители городовъ: Черкасъ, Зембора, Корсуня, Чигирина и другихъ разоренныхъ и болѣе угнетаемыхъ повѣтовъ, въ 1646-мъ году, двинулися изъ-за Днѣпра въ полуденныя земли Россійскаго государства. Они начали селиться на пустыхъ земляхъ по Бѣлогородской чертѣ. Черта сія устроена была Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, по возобновленіи Бѣлгорода, отъ р. Ворсклы, до р. Дона, на 300 верстъ, по которой въ царствованіе Алексія Михаиловича состояли или вновь построены города, или лучше редуты: Болховецъ, Корновъ, Хотмыжскъ, Вольный, Алешня, Карачевъ, Ахтырка, Яблоновъ и другія, нынѣ малоизвѣст-

ныя селенія въ Курской и Воронежской губерніяхъ. Еще Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ устроенъ на Донцѣ Чугуевъ (что нынѣ корпусный городъ 1 резервнаго кавалерійскаго корпуса), а Царемъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ на Осколѣ городъ Царе-Борисовъ (что нынѣ слобода въ Изюмскомъ уѣздѣ). Впрочемъ подъ именемъ городовъ не должно здѣсь разумѣть того, что мы теперь разумѣемъ: это были небольшія крѣпости или редуты, изъ толстаго частоколу, въ которые отряжаемо было по нѣскольку стрѣльцовъ и дворянъ низшей степени, такъ называемыхъ «боярскихъ-дѣтей», для охраненія границъ, или лучше сказать, для наблюденія за непріятельскими движеніями.

Земли вокругъ тѣхъ городовъ пожалованы въ помѣстья дворянамъ, дьякамъ, дѣтямъ-боярскимъ и прежнихъ службъ служилымъ людямъ. Такимъ-то образомъ многія Великороссійскія селенія, будучи прежде заведены, остались, и нынѣ находятся во внутренности Слободскихъ селеній, наиболѣе около рѣкъ Ворсклы и Донца, подъ именемъ «земель четвертныхъ» отъ того, что въ то время помѣстья жалованы были числомъ четвертей, подобно какъ нынѣ опредѣленнымъ числомъ десятинъ.

Извѣстность о пространствѣ, удобствѣ и прочихъ выгодахъ новонаселяемаго края вскорѣ привлекла множество поселенцевъ, кои и распространили свои владѣнія отъ вершины рѣки Сулы по рѣкамъ Вирѣ,

Пслѣ, Ворсклѣ, Мерлѣ, Удахъ, Лопани, Харьковѣ, Мжѣ, Коломакѣ, Донцѣ, Осколѣ, Торцѣ и по другимъ рѣчкамъ и урочищамъ.

Свободное поселеніе и занятіе земли по произволу, обыкновенно на Малороссійскомъ нарѣчіи выражаемое *поселиться слободно* (свободно), дало сему поселенію наименованіе «слободъ»; по народу же, приходящему бо̀льшею частью изъ Украйны и поселяющемуся «на украйнѣ», на границѣ, «Украинскихъ слободъ»; что означаетъ: «свободное, нестѣсненное, привольное поселеніе на границѣ.«

Новые сіи поселенцы и при начальномъ заведеніи жилищъ своихъ были подвержены нападеніямъ отъ Крымскихъ Татаръ. Необходимость и свойственный народу воинственный духъ были причиною образованія поселенцовъ сперва въ отряды, а по мѣрѣ умноженія жителей — въ цѣлые полки.

Слободы: Харьковъ, Сумы (такъ названныя по рѣчкамъ, при коихъ онѣ поселены) и Ахтырка (въ то время опустѣвшій острогъ и заселенный сими пришельцами) по мѣстностямъ своимъ сдѣлалися полковыми и начали именоваться городами, а отъ нихъ сіи полки назвались: «Харьковскій, Сумскій и Ахтырскій.«

Составъ полковъ.

Харьковскій.

Полковой городъ Харьковъ, между рѣками Харьковомъ и Лопанью, коихъ вершины въ Бѣлогородскомъ уѣздѣ, внѣ границъ Слободскихъ полковъ. Обѣ сіи рѣчки, вливаются въ рѣку Уды, впадающую въ Донецъ.

Селенія того полка:

Липцы, при рѣчкѣ Липцѣ, вливающейся въ р. Харьковъ.

Деркачи, при р. Лопани.

Ольшаное, при рѣчкѣ Ольшаной, вливающейся въ р. Уды.

Валки, въ вершинѣ р. Мжи.

Мерефа, при рѣчкѣ Мерефѣ, вливающейся въ р. Мжу.

Соколовъ, при р. Мжѣ.

Хотомля, при р. Донцѣ.

Мартовое, при р. Донцѣ.

Волчьи воды, при рѣчкѣ Волчей, вливающейся въ р. Донецъ.

Печенѣги, } при р. Донцѣ.
Мохначь, }

Зміевъ, между рр. Мжи и Донца.

Лиманъ, при озерѣ Лиманѣ.

Андреевка, при протокѣ изъ озера Лимана въ рѣчку Балаклейку.

Балаклея, при р. Балаклéйкѣ.

Сàвинцы, при р. Донцѣ.

Сéньковъ, при р. Осколѣ.

Спѣваковка при р. Спѣваковкѣ, вливающейся въ р. Донецъ.

Купянка, при р. Осколѣ.

Цареборисово (за опустѣніемъ крѣпости занято новыми поселенцами) при Осколѣ.

Торъ, при рѣкѣ Торцѣ, вливающейся въ р. Донецъ.

Сумской.

Полковой городъ Сумы, при р. Пслѣ.

Селенія того полка:

Недригайловъ, при вершинѣ р. Сулы.

Бѣлополье, при рѣчкахъ Вырѣ и Крыгѣ.

Лебединъ, при р. Омшанкѣ и озерѣ, назыв. Лебедино.

Пѣна, при рѣчкѣ Пѣнѣ.

Мирополье,
Краснополье,
Межиречь,
Ворожба,
Суджа. } при малыхъ рѣчкахъ.

Ахтырскій.

Полковой городъ Ахтырка, не далече отъ р. Ворсклы.

Селенія того полка:

Мурафа, при рѣчкѣ Мерчикѣ.

Богодуховъ, при р. Мерлѣ.

Калантаевъ, тоже.

Красный-Кутъ, } тоже при р. Мерлѣ, вливающ. въ
Рублёвка, } р. Ворсклу.

Котельва, при р. Котельвѣ, тоже вливающ. въ р. Ворсклу.

Коломакъ, въ вершинѣ рѣчки Коломака, вливающ. въ р. Ворсклу.

Прочія въ сихъ полкахъ мѣстечка, села и деревни за многочисленностью не включаются.

Поселяне сихъ полковъ — изъ Украинцовъ, настоящихъ Поляковъ и даже чужеземныхъ народовъ — приняли названіе казаковъ; а какъ первые изъ нихъ были выходцы изъ повѣта «Черкасскаго», староства Чигиринскаго, во владѣніи Польскомъ, то вообще всѣ жители сихъ Слободскихъ полковъ начали именоваться, для отличія отъ Малороссіянъ, Поляковъ и др., «Черкасами», составляя какъ-бы особый народъ. Названіе «Черкасъ», ими присвоенное, упоминается въ грамотахъ, по времени симъ полкамъ дарованныхъ, и потомъ въ государственныхъ узаконеніяхъ.

Управленіе Слободскихъ полковъ.

Въ сихъ полкахъ съ самаго устройства введена была служба конная, поче-

му они именовались казаками (конники, кавалеристы): несвойственно было пѣшаго воина именовать казакомъ. *

Штатъ въ каждомъ полку былъ слѣдующій.

Полковникъ избираемъ былъ общимъ избраніемъ всѣхъ чиновниковъ въ полку. Званіе сіе давало ему власть жаловать по достоинству въ полковые старшины и сотники; по заслугамъ подчиненныхъ своихъ раздавать порожнія земли и другія угодья универсалами за своимъ подписомъ и печатью, утверждая въ потомственное владѣніе — и таковыя жъ земли занимать въ свое владѣніе. Приговоръ въ наказаніи преступниковъ былъ имъ утверждаемъ.

Полковой Обозный, по Полковникѣ первый. Въ вѣдомствѣ его была полковая артиллерія и снаряды къ ней принадлежащіе, равно и нижніе ея чины. Въ небытность при полку Полковника онъ только командовалъ полкомъ, но полной Полковничей власти не имѣлъ.

Полковой Судья присутствовалъ въ полковой ратушѣ, производя дѣла судебныя, которыхъ утвержденіе всегда зависѣло отъ Полковника.

* Нельзя ли предполагать, что слово «казакъ» на какомъ-нибудь изъ Татарскихъ нарѣчій означалъ «конника»? Въ простомъ народѣ еще есть прежнія насмѣшки надъ опѣшившимся казакомъ; на прим. «Не козакова́ты Мыко́ли, не добуде въ нёго коня нико́лы (не быть Николѣ казакомъ, потому-что не обзаведется никогда лошадью) и т. под.

Полковой Эсаулъ приводилъ въ исполненіе отдаваемые Полковникомъ приказы по воинской части.

Полковой Хорунжій, въ походѣ, имѣлъ въ своемъ охраненіи полковое знамя.

Полковой Писарь исправлялъ въ полк. ратушѣ должность, соотвѣтствующую секретарской.

На полковыхъ знаменахъ изображены были лики Спаса, Божіей Матери и св. Угодниковъ. Печать же полковничьяго герба была и полковою. Полковники, командуя собраннымъ полкомъ, имѣли въ рукахъ знакъ своего достоинства «Шестоперъ» или «Перначь», сдѣланный изъ металла и украшенный каменьями по желанію и волѣ Полковника.

Сотники, каждый въ своей сотнѣ, исполняли по резолюціи Полковника дѣла важныя, а прочія сами собою.

Въ каждой сотнѣ были: сотенные Атаманы, Эсаулы, Хорунжіе и Писари. Опредѣленіе ихъ изъ почетныхъ казаковъ и обращеніе въ рядовые по-прежнему предоставлено было волѣ и власти Сотничей. Эсаулы и Хорунжіе считались по военной службѣ, Атаманы же и Писари производили дѣла спорныя и уголовныя въ сотенныхъ ратушахъ. Сотенные значки, въ походѣ, были въ охраненіи своихъ хорунжихъ;

на нихъ изображены были св. Кресты и надписи, какаго полка и сотни.

Оружія полковниковъ, вообще полковыхъ старшихъ и сотниковъ были сабли и пистолеты; прочихъ же сотенныхъ званій и рядовыхъ казаковъ — сабли, ружья, пистолеты и копья.

Въ каждомъ полковомъ городѣ и мѣстечкѣ были пушки, и какъ къ городовымъ, такъ и походнымъ пушкамъ были особые «пушкари». Все сіе было сдѣлано вообще отъ полковниковъ, полковыхъ старшинъ и сотниковъ изъ ихъ собственности.

Въ каждомъ полку жители раздѣлены были на три состоянія: 1-е) Семейства, изъ коихъ всѣ способные поступали, на убылыя мѣста, въ рядовые казаки. 2-е) Семейства «компанейцовъ» или «подпомощниковъ» должны были казакамъ, состоящимъ въ дѣйствительной службѣ, вспомоществовать во всемъ, къ службѣ относящемся, а въ походъ выступающихъ снабжать провіантомъ. 3-е) Семейства, невошедшія въ первые разряды. Они остались на жительствѣ земель, поступившихъ во владѣніе полковниковъ и старшинъ и названы «владѣльческими подданными«. Въ послѣдствіи времени званіе сихъ послѣднихъ не перемѣнилось.

Полковники не зависѣли одинъ отъ другаго; но разныя причины и по времени мѣстность дали первенство предъ прочими Харьковскому.

Приведя такимъ образомъ всѣ части въ устройство и видя себя въ поселеніи обезпеченными, полковники сихъ «Слободскихъ Украинскихъ казачьихъ полковъ« объявили пограничнымъ Великороссійскимъ боярамъ и воеводамъ о приходѣ и о поселеніи своемъ и съ ними разныхъ народовъ для поступленія въ подданство и службу Его Царскаго Величества, съ обязанностію защищать Великороссійскія области и города отъ нападенія непріятелей; на что воеводы по донесеніи Его Величеству получили повелѣніе не препятствовать ни въ чемъ поселившимся и не дѣлать никакихъ затрудненій въ расположеніи и устройствѣ ихъ поселеній, равно и внутренняго распорядка; а новымъ полкамъ симъ объявлена милость Царскаго Величества съ обнадеженіемъ, что и впредь они будутъ жалованы Царскою милостью.

Въ слѣдствіе чего жители сей новой области Россійской начали пользоваться свободно всѣми промыслами, удобными по мѣстности: винокуреніемъ и продажею вина въ шинкахъ своихъ, какъ въ тоже время Бѣлогородскій разрядъ, причисливъ сіи полки въ свое завѣдываніе, наложилъ на куреніе и продажу вина, также и на другія заведенія оброчную пошлину въ казну, сообразно Бѣлогородскому окладу на Великороссійскіе города въ томъ краѣ. Слободскіе

полки, въ продолженіе двадцати трехъ лѣтъ, повиновалися безотговорочно сему постановленію, потомучто какъ на право пользоваться имъ сими промыслами не было имъ выдано особыхъ грамотъ, то за перемѣною начальствующихъ лицъ, объявившихъ имъ о Царской милости, они не смѣли уже никуда обратиться съ просьбами о перемѣнѣ ихъ обязанностей.

Поселенцы сіи, выдерживая безпрестанныя нападенія Крымскихъ Татаръ и отражая ихъ мужественно, никогда не уклонялися отъ цѣли своей: защищали границы новаго своего отечества, возвратившаго имъ счастіе пользоваться свободою въ отправленіи религіи и сохраненіи собственности — и съ большимъ самоотверженіемъ, съ потерею своихъ собратій, съ единодушіемъ удержали избранный ими край за собою и отняли у Крымскихъ Татаръ надежду располагаться въ семъ краѣ, какъ въ собственномъ, и утвердили оный навсегда за Россійскою Державою.

Всегдашняя вѣрность къ Престолу.

«Слобожане», счастливые подъ отеческимъ правленіемъ Россіи, нимало не заботились о судьбѣ прежней своей родины, Малороссіи, и при всѣхъ бывшихъ тогда въ ней переворотахъ не принимали никакаго участія, имѣя единственною цѣлію пребыть вѣрными благодѣтельствующему имъ правленію. Никакія обстоятельства не могли ихъ отвратить отъ сего: ни безпокойства и опасности отъ Татаръ, ни убѣжденія соплеменниковъ, по вступленіи въ подданство Россіи

часто колебавшихся въ сохраненіи присяги во всей чистотѣ. Такъ Гетманъ Иванъ Брюховецкій, измѣнивъ Россійскому Престолу, прислалъ въ Слободскіе полки своихъ соучастниковъ пригласить и убѣдить ихъ къ таковой же измѣнѣ; но сіи новые подданные Русскаго Царя ни малѣйше не поколебались въ вѣрности къ Его Величеству, и, не внимая никакимъ обольстительнымъ убѣжденіямъ, отвергли всѣ сіи предложенія съ презрѣніемъ и выслали подсыльныхъ изъ своихъ селеній обратно къ Брюховецкому, объявивъ, что они не могутъ быть ни въ какомъ случаѣ измѣнниками.

Брюховецкій, въ отмщеніе за презрѣніе его предложеній, послалъ свои войска, призвавъ къ тому Крымскихъ и Нагайскихъ Татаръ, чтобы силою принудить Слободскіе полки къ отторженію отъ Россіи; но вѣрные сіи казаки, перенося разореніе и опустошеніе селъ своихъ и ужасныя крайности въ осажденныхъ городахъ: Лебединѣ и Недригайловѣ, внимая совѣтамъ и убѣжденіямъ наиболѣе Харьковскаго полковника и старшинъ, не приступили къ измѣнѣ, но, мужественно отражая своихъ же единоплеменниковъ, успѣли хотя и съ большими потерями освободить край отъ злонамѣренныхъ непріятелей.

Милости Царей къ Слободскимъ полкамъ.

Царь Алексій Михаиловичь, узнавъ о таковой непоколебимой вѣрности сихъ новыхъ подданныхъ своихъ и о всѣхъ

бѣдствіяхъ и раззореніяхъ, претерпѣнныхъ ими отъ измѣнника Брюховецкаго, пожаловалъ каждому полку состоявшіяся въ 19 день Февраля 1668 года похвальныя грамоты, и въ томъ же году, въ изъявленіе своего къ симъ тремъ полкамъ Высочайшаго благоволенія, особымъ Имяннымъ указомъ, повелѣлъ быть симъ полкамъ подъ вѣдѣніемъ Посольскаго въ Москвѣ приказа *. Когда же полковники сихъ полковъ съ старшиною всеподданнѣйше испрашивали объ отставленіи оброчныхъ денегъ, наложенныхъ на промыслы ихъ; «Государь Царь и Великій Князь Алексій Михайловичь, за ихъ къ нему Великому Государю прежнія и нынѣщнія службы, за кровь, за раны, за осадное сидѣніе и за раззореніе, учиненное отъ измѣнниковъ Запорожцевъ, отъ Крымскихъ и Нагайскихъ Татаръ, повелѣлъ: оброчныя оныя деньги имъ отдать, и впредь пожаловалъ промыслами въ городахъ сихъ трехъ полковъ промышлять безоброчно и безпошлинно.« О чемъ въ каждый полкъ указалъ выдать жалованныя грамоты за государственною печатью, кои и выданы 23 Апрѣля 1669 года.

Первый Харьковскій полковникъ, Григорій Іерофеичь Донецъ, обновивъ новымъ поселеніемъ опустѣлый редутъ «Гузунъ-курганъ», уже называемый Изюмъ«, просилъ Царскаго Величества указа позволить ему жить въ томъ городѣ. На сіе прошеніе

* Что послѣ Коллегія иностранныхъ дѣлъ.

прислана ему изъ Московскаго разряда грамота слѣдующаго содержанія.

»Отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексіевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержпа Харьковскому полковнику Григорію Донцу. По указу Великаго Государя и по челобитью твоему велѣно тебѣ полковнику жить въ новопостроенномъ городѣ Изюмѣ и писаться по-прежнему Харьковскимъ; и въ тотъ городъ, въ урочища, которыя къ тому городу смежны, въ Спѣваковку и на Пришибъ, призывать на вѣчное житье Бѣлогородскаго разряда изъ Черкасскихъ Харьковскаго, Сумскаго и Ахтырскаго полковъ и городовъ, неслужилыхъ Черкасъ; и въ Спѣваковкѣ и на Пришибѣ тѣмъ Черкасамъ города строить, и селиться въ тѣхъ городахъ собою, и пашенныя земли пахать, и всякими угодьи владѣть, по отводу генерала и воеводы Григорія Косогова, по ихъ казачьимъ обыкностямъ, и льготы имъ давать во всякихъ податяхъ, по разсмотрѣнію, лѣтъ на десять и на пятнадцать, смотря по имуществу людей, и льготные года въ тѣхъ городахъ торговать имъ Черкасамъ всякими товарами безпошлинно, и держать шинки по своимъ прежнимъ обыкностямъ безоброчно, и дальнія полковыя службы не служить же, и податей и оброковъ никакихъ не платить, кромѣ того, что строить имъ города и селиться дворами, и пашенныя свои земли распахивать, и оберегать отъ Крымскія и Нагайскія стороны отъ приходу воинскихъ людей; а

послѣ тѣхъ льготныхъ лѣтъ, старшинѣ, и которые казаки начнутъ служить полковую службу, винокурни и шинки держать безоброчно по-прежнему, и во всемъ пришлыхъ Черкасъ обнадеживать. Дана изъ Московскаго разряда Февраля 17 дня 7190 (1688) года.»

Въ царствованіе Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексіевича, Петра Алексіевича и Царевны Софіи Алексіевны пожалованы въ Слободскіе Харьковскій, Сумскій и Ахтырскій полки, въ подтвержденіе жалованной отъ Царя Алексія Михаиловича грамоты, о безоброчномъ владѣніи землями, мельницами, и всякими промыслы промышлять, вино курить и продавать безпошлинно.

По обширности поселеній Харьковскаго полка отдѣлены отъ него нѣкоторыя селенія въ составъ 4-го Слободскаго полка, Изюмскаго, а именно:

Полковой городъ Изюмъ, при рѣкѣ Донцѣ съ правой стороны, а форштатъ между Донцомъ и рѣчкою Изюмцемъ.

Отъ Харьковскаго причислены къ сему полку селенія: Печенѣги, Мохначь, Зміевъ, Лиманъ, Андреевка, Балаклея, Савинцы, Сеньковъ, Спѣваковка, Купянка, Цареборисово и Торъ.

Изюмскій полкъ управлялся какъ и прочіе и пользовался тѣми же привиллегіями.

Въ 1697 году по указу Государя Царя Петра Алексіевича повелѣно: «Слободскихъ Харьковскаго, Сумскаго, Ахтырскаго и Изюмскаго полковъ, изъ казачьихъ подпомощниковъ (компанейцовъ), брать съ человѣка по рублю въ Царскую казну.

Полковники съ старшиною, изложивъ, что отъ сего оклада на компанейцовъ дѣйствительно-служащіе казаки не могутъ быть исправны на службѣ Его Величества, всеподданнѣйше испрашивали объ отмѣнѣ оклада. На это послѣдовало Высочайшее рѣшеніе слѣдующаго содержанія.

«Мы Наше Царское Величество пожаловали Слободскихъ Черкасскихъ полковъ Харьковскаго, Сумскаго, Ахтырскаго, Изюмскаго и Острогожскаго полковниковъ, старшинъ и казаковъ, за вѣрныя ихъ и безпорочныя службы, промыслами своими, какіе въ нихъ есть въ городахъ, мельницами и рыбными ловлями и всякими землями владѣть и угодьями промышлять, и шинки держать безоброчно, вино курить безпошлинно по ихъ Черкасскому обыкновенію, и податей съ нихъ никакихъ не брать по прежнимъ нашимъ Великаго Государя указамъ и жалованнымъ грамотамъ, каковы имъ даны изъ разряда и приказа Великія Россіи напредъ сего; а для лучшаго въ войскѣ порядка, во

всѣхъ пяти Слободскихъ Черкасскихъ полкахъ, написать рядовыхъ казаковъ три тысячи пятьсотъ человѣкъ, а достальныхъ тѣхъ полковъ казакамъ, на которыхъ были положены деньги, помогать въ службѣ тѣмъ выборнымъ казакамъ, а положить на нихъ подпомоги изверстая и смотря по человѣку, по ихъ Черкасскому обыкновенію самимъ, чтобъ тѣ выборные казаки тою ихъ подпомогою были конны, вооружены, и въ походахъ запасами удовольствованы, а скудости бы имъ никакой не было; а денегъ изъ нихъ, что были положены въ 205 году по рублю на человѣка, неимать, и кромѣ той валовóй службы никуда въ годовую службу не посылать, и иныхъ тягостей и подводъ у нихъ, безъ Нашего Великаго Государя Нашего Царскаго Величества указа, и безъ грамотъ изъ разряда, никому не имать, и въ которыхъ городахъ построены таможни на оброкѣ и отданы имъ на откупъ безъ перекупки, то во оныхъ вѣрнымъ головамъ и цѣловальникамъ Русскимъ не быть, а отданныя таможни, и мосты, и перевозы старшинѣ и казакамъ и имъ брать таможенную пошлину со всѣхъ пріѣзжихъ купцовъ Русскихъ и изъ Черкасъ съ продажныхъ товаровъ по уставной грамотѣ, а пошлинныя и откупныя деньги платить въ Бѣлгородъ; и во оныхъ полкахъ нынѣ состоящихъ полковниковъ въ службѣ утверждаемъ въ ихъ чинахъ навсегда, и быть имъ безъ перемѣны, и о томъ имъ полковникамъ, старшинамъ и казакамъ наши Великаго Государя Нашего Царскаго Величества грамоты, за нашею, Го-

сударственною печатью, дать повелѣваемъ съ тѣмъ, что, будучи имъ Полковникамъ въ тѣхъ полкахъ, и полковой старшинѣ и поспольству, которые нынѣ и впредь въ тѣхъ полкахъ жить будутъ, видя къ себѣ нашу Великаго Государя Нашего Царскаго Величества милость и жалованье, Намъ Великому Государю Нашему Царскому Величеству служили вѣрно и надъ непріятельскими людями происки чинили съ великимъ усердіемъ и радѣніемъ, въ полки и города и Боярамъ Нашимъ и Воеводамъ, про непріятельскіе замыслы и приходы, развѣдавъ подлинно, всякія жъ вѣдомости чинили, и во всемъ Намъ Великому Государю Нашему Царскому Величеству искали лучшаго, и службу свою совершали съ великимъ тщаніемъ, а служба ихъ у Насъ Великаго Государя Нашего Царскаго Величества забвенна никогда не будетъ *.

Грамоты о семъ выданы были въ каждый полкъ на имя полковника отъ 28-го Февраля 1700 года.

Составивъ комплектъ въ каждомъ полку рядовыхъ казаковъ, сообразно Высочайшему повелѣнію, Полков-

* Острогожскій полкъ до сего времени не былъ въ составѣ Слободскихъ полковъ, и причисленъ къ нимъ конечно въ это время, потому-что въ прежнихъ грамотахъ онъ нигдѣ не упомянутъ. Когда сей полкъ и изъ какихъ народовъ составленъ, свѣдѣній нѣтъ; а извѣстно только, что онъ селился по зазывной грамотѣ Воронежскаго воеводы Арсеньева. Порядокъ службы и всѣ установленія въ семъ полку сообразны были прочимъ Слободскимъ полкамъ.

ники учредили въ своихъ полкахъ трубы и литавры. За симъ постановлено было: 1-е) По избраніи отъ полка полковника, представляемо было Его Величеству для утвержденія его въ семъ званіи. 2-е) Полковые старшина и сотники, по представленіи отъ полковъ, утверждались генераломъ, командующимъ сими полками. 3-е) По судным и уголовнымъ дѣламъ велѣно быть симъ полкамъ подъ вѣдомствомъ Бѣлогородской провинціальной и Воронежской губернской канцелярій. Относительно же правъ и привиллегій, ничто и ни въ чемъ нарушено не было.

При объявленіи Шведскому королю войны, Слободскимъ полкамъ повелѣно выступать въ Ингерманландію и состоять въ арміи генерала Шереметева, гдѣ они и пробыли до окончанія 1702 года.

Въ 1708 году, для усмиренія бунтовщика и измѣнника, Донскаго атамана Булавина, изъ Ахтырскаго и Сумскаго Слободскихъ полковъ отряжено было по одному батальону подъ командою Сумскаго полковника Андрея Герасимовича Кондратьева, который и убитъ отъ бунтовщиковъ.

Карлъ XII съ арміею своею, въ исходѣ 1708 года, вступилъ въ Малороссію и главную свою квартиру занялъ въ сотенномъ мѣстечкѣ Ромнѣ, откуда располагалъ итти на Гадячь и занять Ахтырку. Петръ I, узнавъ о семъ его намѣреніи, отправилъ князя

Меншикова для приведенія сего города въ оборонительное состояніе, но Король отложилъ свое намѣреніе.

Въ концѣ того же 1708-го года, Петръ I прибылъ въ сотенное мѣстечко Сумскаго полка Лебединъ, гдѣ прожилъ до праздника Рождества Христова, и въ тотъ день, съ полками Ингерманландскимъ и Ахтырскимъ, выступилъ изъ Лебедина въ полковой городъ Сумы.

1-й день 1709-го года Петръ I съ обыкновеннымъ торжествомъ праздновалъ въ Сумахъ, куда 16-го Января же прибылъ и Царевичь Алексій Петровичь съ пятью полками обученныхъ рекрутъ. Государь былъ обрадованъ его прибытіемъ и, отправивъ полки въ армію, выѣхалъ съ Царевичемъ въ Ахтырку, откуда, разославъ приказанія по арміи и проживъ нѣсколько дней, выѣхалъ чрезъ Бѣлгородъ въ Воронежъ и потомъ въ Азовъ.

На пути изъ Азова, Государь Петръ I, проѣхавъ полковой городъ Изюмъ и мѣстечки того полка: Балаклею, Андреевку, Лиманъ, Зміевъ, Іюня 2 числа пріѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ, по случаю праздника Вознесенія Господня, въ Успенскомъ соборѣ отслушалъ обѣдню, на которой по своему обыкновенію читалъ апостолъ. По окончаніи обѣдни, разсматривалъ городовую крѣпость и благоволилъ посѣтить Харьков-

скаго полковника Григорія Семеновича Квитку въ его домѣ, гдѣ нынѣ губернскія присутственныя мѣста — и имѣлъ у него обѣденный столъ. Послѣ обѣда, Государь поспѣшилъ выѣздомъ изъ Харькова къ арміи, подъ Полтаву.

Послѣ разбитія Шведовъ подъ Полтавою и послѣдующихъ за тѣмъ происшествій, Слободскіе полки поступили подъ начальство Петра Матвѣевича Апраксина, который, командуя ими по военной части, управлялъ и гражданскою какъ губернаторъ.

По заключеніи славнаго для Россіи мира со Швеціею, Государю Петру I угодно было о семъ мирѣ извѣстить съ курьеромъ Харьковскаго полковника Квитку грамотою слѣдующаго содержанія.

«Отъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексіевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца. Харьковскаго полка полковнику Нашему Григорію Семеновичу Квиткѣ. Сего Сентября 3 дня, въ бытность Нашу въ Котлинѣ Островѣ, прибѣжалъ къ Намъ курьеръ отъ полномочныхъ министровъ съ конгрессу изъ Нейштата съ трактатами вѣчнаго мира, который между Нашими и Шведскими полномочными министрами заключенъ въ 30 день Августа; въ которомъ постановлено: что корона Шведская вѣчно уступаетъ Намъ Лифляндію, Эстляндію, Ингрію и знатную часть Кареліи, съ городами:

Ригою, Ревелемъ, Нарвою, Перновомъ, Выборгомъ и къ оному съ знатнымъ дистриктомъ изъ Финляндіи и Кексгольмомъ; а съ Нашей стороны, изъ завоеваннаго, Швеціи возвращается прочее отъ княжества Финляндскаго; въ томъ же мирѣ включенъ его Королевское Величество и Рѣчь Посполитая Польская; и съ тою всерадостною вѣдомостью прибыли Мы въ Санктпетербургъ сего Сентября 4-го дня, и того жъ времени учинено Всевышнему благодареніе за прекращеніе такъ долговременной войны и заключеніе такъ славнаго и пожелаемаго мира, при молебномъ пѣніи; и для объявленія о томъ посланъ къ тебѣ курьеръ Нашъ Аѳанасій Мельгуновъ; и какъ къ тебѣ съ Нашею Великаго Государя грамотою оный посланный прибудетъ, и вы бъ Всеблагому, въ Троицѣ Святѣй славимому Богу, за таковое миротвореніе, въ пользу вѣрныхъ своихъ устроившему, достойное благодареніе отправляли празднественное съ молебнымъ пѣніемъ торжество, въ разныя времена, трекратно. *Первое*: въ самый тотъ день, въ который сію Нашу Великаго Государя грамоту получишь, и съ того полученія, въ знакъ толь преславной государственной радости, по молебномъ пѣніи, седмидневно, обычайный при церквахъ звонъ, какъ отъ дня Святыя Пасхи во всю свѣтлую седмицу бываетъ. *Второе*: Октября въ 22 день. *Третіе*: въ предбудущемъ 1722 году, Генваря въ 28 день, съ такимъ же седмидневымъ звономъ. И объявивъ о томъ того полку всякихъ чиновъ командующимъ и прочихъ чиновъ людямъ всенародно въ

церквахъ при молебствѣ и при публичныхъ мѣстахъ; а о томъ же и изъ Святѣйшаго Правительствующаго Нашего Сvнода во всѣ Епархіи къ Архіереямъ, и притомъ къ кому надлежитъ, Наши Великаго Государя Указы посланы. Писана въ Санктпетербургѣ, нынѣшняго 1721 года Сентября 18 дня.» Подписалъ Правительствующаго Сената оберъ-секретарь Иванъ Позняковъ. Печать Государственная.

Въ 1723 году, Слободскіе полки поступили въ команду начальствующему Украинскою дивизіею генералъ-аншефу князю Михайлу Михайловичу Голицыну. Въ царствованіе Екатерины I, бывъ генералъ-фельдмаршаломъ и попрежнему командиромъ той же дивизіи, онъ, въ каждомъ Слободскомъ полку, учредилъ чинъ полковаго ротмистра, состоящій старшинствомъ между полковыми судьею и эсауломъ; такъ же и по сотнямъ чинъ под-прапарнаго; послѣдній за отличіе поступалъ въ сотники, коихъ произволство зависѣло отъ полковника, а въ ротмистры производилъ дивизіонный генералъ.

Екатерина I указала князю Голицыну истребовать отъ Малороссійской Коллегіи 2,000 рядовыхъ казаковъ съ ихъ старшинами, да изъ пяти Слободскихъ полковъ выбрать 1,000 рядовыхъ со старшинами и отправить въ корпусъ, находившійся въ Персидскихъ провинціяхъ. Весь отрядъ сей состоялъ въ

полной командѣ Харьковскаго полка полковника Г. С. Квитки.

Указомъ во 2 день Апрѣля 1726 года Высочайше повелѣно: «Слободскимъ полкамъ быть вѣдомымъ въ Военной Коллегіи, и какія о сихъ полкахъ въ Сенатѣ есть вѣдомости и какіе жъ Указы обрѣтаются, тѣ, собравъ изъ Сената, отправить въ Военную Коллегію.» Отъ сего полки сіи навсегда состояли въ завѣдываніи генераловъ, командующихъ Украинскою дивизіею.

Петръ II повелѣлъ вышепомянутому отряду Малороссійскихъ и Слободскихъ полковъ изъ Персіи возвратиться въ Россію.

Перемѣны въ Слободскихъ полкахъ.

Анна Іоанновна повелѣла гвардіи премьеръ-майору Хрущову учинить перепись жителей Слободскихъ полковъ, а именно: военнослужащихъ рядовыхъ казаковъ, ихъ свойственниковъ и ихъ под-помощниковъ; владѣльческихъ подданныхъ, и дворовыхъ людей, состоящихъ за монастырями, и всякаго званія городовыхъ жителей. Для установленія же въ Слободскихъ полкахъ къ пользѣ ихъ относящагося опредѣлила генералъ-адъютанта князя Алексѣя Семеновича Шаховскаго. Онъ занялъ для квартированія своего городъ Сумы, гдѣ учредилъ правительство, подъ названіемъ: «Коммисія учрежденія Слободскихъ полковъ.» Въ сей коммисіи, составленной изъ штабъ-офицеровъ армейскихъ, подъ предсѣда-

тельствомъ его, постановлено и Высочайше утверждено слѣдующее:

1-е) Учрежденіе въ Слободскихъ полкахъ бригаднаго командира, завѣдывающаго всѣми пятью полками.

2-е) Полковники сихъ полковъ сравнены съ армейскими премьеръ-майорами.

3-е) Полковыя ратуши переименованы въ канцеляріи и сравнены съ провинціальными. Порядокъ присутствія, ходъ дѣлъ, судъ, взиманіе пошлинъ по суднымъ дѣламъ, все учреждено въ тѣхъ канцеляріяхъ по Генеральному Регламенту и Указамъ.

4-е) Въ тѣхъ канцеляріяхъ предсѣдательствовать полковнику, когда не въ походѣ; полковымъ же: обознымъ, судьямъ, ротмистрамъ, эсауламъ быть членами канцеляріи, а писарямъ отправлять должность секретарскую.

5-е) При каждой полковой канцеляріи учреждены крѣпостные конторы, въ коихъ велѣно объявлять всѣ прежде состоявшіяся купчія записи, уступныя и мѣновныя записи, данные отъ полковниковъ универсалы и прочія укрѣпленія на села, деревни, хутора, мельницы, дворы, земли, лѣса, сады и другія угодья; и ежели нигдѣ въ Великороссійскихъ губернскихъ,

провинціальныхъ и воеводскихъ канцеляріяхъ, не были въ крѣпостныхъ книгахъ записаны, то записать въ новоучрежденныхъ конторахъ, безпошлинно, чрезъ полтора года; а послѣ того срочнаго времени объявляемыя записи и впредь кои состоятся купчія записи и другія записывать со взятіемъ пошлинъ.

6-е) Прежде-бывшее право занимать земли и прочія угодья запрещено; но до времени запрещенія, всѣми прежде занятыми землями и разными угодьями владѣть и въ потомственное наслѣдіе удержать, хотя бы на оныя и письменныхъ укрѣпленій не было.

7-е) Изъ написанныхъ въ переписи Хрущова разнаго званія людей, кромѣ владѣльческихъ дворовыхъ, повелѣно собирать на каждый годъ съ каждой души мужеска пола — по двадцати одной копѣйкѣ въ казну; а какъ по той переписи не могло всегда быть написанное число душъ въ наличности, то установлено, каждаго года въ Сентябрѣ, въ учрежденный при Ахтырской полковой канцеляріи дистриктъ, подавать поименно вѣдомости о прибыли и убыли душъ.

8-е) Изъ Слободскихъ полковъ выбраны военнослужащіе казаки и изъ нихъ составленъ драгунскій полкъ на содержаніи, какъ рядовыхъ, тамъ и унтеръ, оберъ и штабъ-офицеровъ, изъ казачей соб-

ственности, а мѣсто убылыхъ драгунъ пополнять изъ военнослужащихъ же казаковъ; также и Слободскимъ полковникамъ и старшинамъ, вмѣсто жалованья, опредѣлено содержаніе изъ казачьихъ же собственностей съ назначеніемъ какъ драгунскаго полка штабъ и оберъ-офицерамъ, такъ Слободскимъ полковникамъ и старшинамъ во владѣніе казачьихъ селъ и деревень, съ коихъ и служба казачья должна исправляема быть во всей исправности.

9-е) Установлены въ полковыхъ канцеляріяхъ полковыя знамена и печати съ изображеніемъ Государственнаго герба.

Во время Польскихъ смятеній при избраніи тамъ короля Слободскіе полки находились въ Польшѣ съ 1733 года до усмиренія мятежниковъ въ 1735 году. Такъ равно и въ Турецкую войну они были въ арміи графа Миниха и потомъ графа Ласси до окончанія той войны.

Возстановленіе правъ Слободскихъ полковъ.

Въ продолженіе празднествъ, по случаю коронованія Елисаветы Петровны, полковники Слободскихъ полковъ съ депутатами и старшинами подали на имя Ея Величества въ Правительствующій Сенатъ прошеніе, коего содержаніе изложено въ одинаковыхъ грамотахъ, жалованныхъ отъ Ея Величества каждому полку.

После большаго титула:

«Объявляемъ чрезъ сіе. Понеже Намъ Нашему Императорскому Величеству довольно извѣстно, съ какою вѣрностію и ревностію Черкасскіе Слободскіе полки блаженныя и вѣчнодостойныя памяти дѣду Нашему, Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексію Михаиловичу, и дядѣ Нашему, Государю, Царю и Великому Князю Іоанну Алексіевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцамъ, и вседражайшему Нашему Государю, Родителю, блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти Императору Петру Великому служили, которыми ихъ вѣрными, постоянными, безпорочными и непоколебимыми службами они, предки Наши, весьма были довольны, и въ такомъ добромъ и порядочномъ состояніи они находились, что на нихъ извѣстная всегда была надежда, и за таковыя вѣрныя и непоколебимыя ихъ службы милостивыя жалованныя грамоты отъ предковъ Нашихъ, въ 7177, 7192 и 7196 и въ 1700 годахъ, отъ Нашего вседражайшаго Государя Родителя, блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти Императора Петра Великаго они получили, по которымъ тѣхъ полковъ полковники, старшины и казаки, за упомянутыя ихъ многія вѣрныя и усердныя службы, вмѣсто годоваго жалованія пожалованы, и повелѣно имъ всякими промыслы промышлять, и всякими жъ товарами торговать безпошлинно, тако жъ мельницами и рыбными ловли и всякими угодьи владѣть, и шинки держать во всѣхъ ихъ

городахъ, и вино курить и шинковать безоброчно, и изъ тѣхъ промысловъ полковую службу служить имъ безъ жалованья, и въ таможняхъ у нихъ вѣрнымъ головамъ и цѣловальникамъ Русскимъ быть не повелѣно, а отданы тѣ таможни и мосты и перевозы старшинѣ и казакамъ, и повелѣно имъ брать таможенную пошлину со всѣхъ пріѣзжихъ купцовъ Русскихъ и Черкасъ съ привозныхъ ихъ товаровъ по уставной грамотѣ, безъ излишества, самимъ, а пошлинныя и откупныя деньги платить въ Бѣлгородъ по прежнимъ окладамъ; и быть въ тѣхъ Слободскихъ полкахъ въ конной службѣ выборнымъ коннымъ казакамъ указному числу, а достальнымъ помогать въ службѣ тѣмъ коннымъ, по ихъ Черкасскому обыкновенію, чтобъ оные выборные казаки тою ихъ подпомогою были всегда конны и вооружены, а въ походахъ запасами удовольствованы; а кромѣ того, валовой, полковой, конной службы, никуда на годовую службу посылать, и никакихъ тягостей налагать, тако жъ и подводъ у нихъ безъ указа и безъ грамотъ имать не велѣно жъ — а нынѣ Намъ, Нашему Императорскому Величеству, тѣхъ Слободскихъ полковъ полковники и старшины всеподданнѣйше били челомъ, что въ 732 году, по представленіямъ покойнаго князя Шаховскаго, который въ тѣ Слободскіе полки, по Указу Сестры Нашей, блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, отправленъ былъ для добраго и основательнаго тѣхъ полковъ разсмотрѣнія и исправленія, и въ противность вышепомянутыхъ прежнихъ

жалованныхъ грамотъ и тамошнихъ порядковъ, учрежденъ выборными изъ лучшихъ казаковъ драгунскій полкъ, и опредѣлены въ тотъ полкъ многіе изъ армейскихъ полковъ штабъ и оберъ-офицеры, которымъ противъ ранговъ даны въ подпомогу въ тѣхъ же полкахъ мѣстечка, села и деревни съ грунтами, изъ казачьихъ братьевъ и свойственниковъ и изъ подпомощниковъ пожиточные и лучшіе люди, довольное число, кои принуждены быть въ ихъ подданствѣ и всякія работы, по примѣру крестьянъ, несть съ немалымъ отягощеніемъ, а дѣйствительной казачей службы лишены; и какъ онымъ офицерамъ, такъ драгунамъ противъ нерегулярныхъ отмѣнная подпомога опредѣлена, и тѣ драгуны получаютъ мундиръ и аммунцію изъ собираемой суммы съ козаковъ же и подпомощниковъ съ немалою обидою; отъ чего во всякихъ дѣлахъ происходятъ крайніе непорядки, и въ полковыхъ канцеляріяхъ, въ подлежащихъ по должности исправленіяхъ немалыя помѣшательства; а на мѣсто убылыхъ и умершихъ драгунъ въ томъ полку выбираются Слободскихъ же полковъ и изъ лучшихъ казаковъ: и отъ того оные Слободскіе полки пришли въ несостояніе; а напредъ же сего, съ начала тѣхъ полковъ поселенія, отъ непріятельской стороны, въ дикихъ степяхъ, еще когда никакихъ крѣпостей не было, и при всегдашнемъ отъ непріятелей опасеніи они находились, однако жъ и безъ регулярнаго учрежденія оные полки, одними казацкими легкими компаніями, чинили всегда, не щадя живо-

та своего, надлежащіе отпоры; и внутрь Россійскихъ городовъ непріятелей никогда не допускали, а въ легкихъ же тамо казакахъ, для обереженія въ пограничныхъ мѣстахъ, требуется необходимая нужда; и притомъ Насъ, Наше Императорское Величество, они, Наши вѣрноподданые, Слободскихъ полковъ полковники и старшины, всеподданнѣйше просили, чтобъ такія введенныя княземъ Шаховскимъ новости отрѣшить, и прежнія данныя во оные Слободскіе полки жалованныя грамоты вновь Нашего Императорскаго Величества милостивыми жалованными грамотами подтвердить, и содержать ихъ полки попрежнему, какъ при державѣ Нашего Императорскаго Величества вседражайшаго Государя Родителя, блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти Императора Петра Великаго содержаны были. Того ради, Мы, Наше Императорское Величество, въ разсужденіи того ихъ всеподданнѣйшаго къ Намъ прошенія Всемилостивѣйше тѣхъ Слободскихъ полковъ полковниковъ, полковую и сотенную старшины, и всѣхъ казаковъ пожаловали, повелѣли содержать ихъ при прежнихъ вольностяхъ, и на таковомъ основаніи, какъ оные содержаны были Нашего Императорскаго Величества при вседражайшемъ Государѣ Родителѣ, и по силѣ вышеобъявленныхъ жалованныхъ, и въ тѣ полки данныхъ 7177, 7192, 7196 и 1700 годовъ, грамотъ, и тѣхъ Слободскихъ полковъ полковникамъ, старшинамъ и казакамъ, за ихъ службы, вмѣсто годоваго денежнаго жалованья, всякими промыслы промышлять

и всякими жъ товарами торговать безпошлинно; тако жъ мельницами и рыбными ловлями и всякими угодьи владѣть, и шинки держать во всѣхъ городахъ, и вино курить и шинковать безоброчно; и изъ тѣхъ промысловъ служить имъ полковую службу попрежнему, безъ жалованья, а опредѣленнымъ по представленіямъ покойнаго генерала князя Шаховскаго, новонабраннаго драгунскаго полка офицерамъ и рядовымъ, такожъ тѣхъ Слободскихъ полковъ полковникамъ, полковой старшинѣ и прочимъ чинамъ, подпомощниковъ отобрать отъ нихъ и причислить къ сотнямъ, съ казачьими подсусѣдки и подпомощники, для вспоможенія коннымъ выборнымъ казакамъ попрежнему, дабы оные казаки подпомогою ихъ были всегда конны и вооружены и въ походахъ запасами удовольствованы; и быть тѣхъ выборныхъ казаковъ изъ лучшихъ и пожиточныхъ во всѣхъ полкахъ пяти тысячамъ человѣкъ всегда и во всякой къ службѣ готовности безъотмѣнно, и для того помянутый, вновь учрежденный драгунскій полкъ раскасовать и рядовыхъ драгунъ попрежнему написать по полкамъ въ выборные легкіе казаки въ вышеписанное пяти-тысячное число; а которые изъ нихъ пожелаютъ служить въ регулярныхъ полкахъ, тѣхъ по ихъ желанію, не писавъ въ казаки, опредѣлить въ драгунскіе полки; а оберъ и унтеръ-офицеровъ разобрать и опредѣленіе объ нихъ, тако жъ и оружіе, аммуницію и о прочемъ учинить Военной Коллегіи: а по скольку въ которомъ полку выборнымъ казакамъ быть, о томъ

росписаніе и опредѣленіе учинить тѣхъ полковъ полковникамъ и старшинѣ между собою по полкамъ, по препорціи казачьихъ подсусѣдковъ и подпомощниковъ, дабы одному предъ другимъ полкомъ обиды и впредь жалобъ не произошло; а въ которыхъ городахъ содержатся у нихъ таможенные, съ конскихъ площадокъ, съ мостовъ и перевозовъ сборы и отданы имъ на откупъ безъ перекупки, тѣмъ сборамъ и отнынѣ, по силѣ прежнихъ грамотъ, быть за оными же полками попрежнему, и сборныя деньги записывать въ книги, а откупныя платить въ тѣ жъ мѣста, куда прежде платили повсегодно и бездоимочно; а опредѣленные для содержанія на тѣ Слободскіе полки, по пунктамъ воинской коммисіи 1731-го и по указу Сестры Нашей, блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны 1733 годовъ, драгунскіе три и гарнизонный одинъ полки, содержать попрежнему, безъ всякихъ отмѣнъ; и быть тѣмъ Слободскимъ полкамъ въ вѣденіи, по военнымъ дѣламъ и произвожденіи въ чины въ Военной Коллегіи, а судными и розыскными дѣлами, попрежнему, въ Бѣлгородѣ у губернатора; однако жъ всѣ суды производить прежде въ полковыхъ канцеляріяхъ, со взятіемъ пошлинъ, какъ о томъ Указомъ 1734 года повелѣно; и учрежденную канцелярію коммисіи Слободскихъ полковъ отнынѣ отставить и впредь оной тамо не быть; а ежели кто тѣхъ полковыхъ канцелярій рѣшеніями будутъ недовольны, тѣмъ бить челомъ въ Бѣлогородской губерніи, и оной губерніи такія дѣла брать и разсматри-

вать оныя; тако жъ буде когда и въ нерѣшеніи дѣла и въ беззаконныхъ волокитахъ челобитныя будутъ поданы, оныя принимая, чинить безволокитное, по Указамъ Нашимъ, рѣшеніе; а ежели какія дѣла въ той губерніи рѣшены будутъ неправдою, тогда челобитчикамъ, по силѣ губернаторской 1728 года инструкціи, бить челомъ и дѣла переносить въ Юстицъ-Коллегію, а на оную Коллегію бить челомъ въ Нашемъ Сенатѣ; и о томъ о всемъ, по докладу Намъ отъ Нашего Сената, Мы, Наше Императорское Величество, собственною Нашею рукою подписать соизволили, и во всѣ Наши Слободскіе полки, Нашего Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшими жалованными грамотами объявить, и сію, Нашего Императорскаго Величества Всемилостивѣйше жалованную грамоту, за Нашею Государственною печатью и подписаніемъ Нашего Сената въ Изюмскій полкъ, полковнику Ивану Квиткѣ съ старшиною и казаками дать повелѣли, съ такимъ при томъ Всемилостивѣйшимъ соизволеніемъ, дабы онъ, полковникъ, и полку его всѣ старшины и потомство, которые нынѣ, и впредь въ томъ полку будутъ, видя къ себѣ такую, Нашего Императорскаго Величества, особливо Высочайшую къ нимъ милость, Намъ и Нашего Императорскаго Величества Наслѣдникамъ служили вѣрно, и надъ непріятельскими людьми, промыслы и поиски чинили со всякимъ усердіемъ, и радѣніемъ, и въ полки, и въ города, Нашимъ генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ, про непріятельскіе замы-

слы и приходы, развѣдавъ подлинно, всякія вѣдомости чинили, которая ихъ вѣрная служба отъ Насъ, Нашего Императорскаго Величества, забвенна быть не можетъ. Дана въ Санктпетербургѣ, Ноября 22 дня, 1743-го, государствованія же Нашего втораго года.»

На подлинной подписи гг. сенаторовъ.

Государственная печать на красномъ сургучѣ, въ серебряномъ, вызолоченомъ футлярѣ, и привѣшена къ грамотѣ на золотыхъ снуркахъ.

Получивъ таковыя Высочайшія жалованныя грамоты, полковники, составивъ, по постановленію, полки, съ общаго согласія учредили не бывшіе до того времени мундиры для каждаго своего полка, а именно: верхнія черкесски, съ откидными рукавами и обложенныя серебряными тесмами и снурками, во всѣхъ полкахъ были синія, а чекмень и шаровары по полкамъ: въ Харьковскомъ желтые, въ Сумскомъ свѣтлосиніе, въ Ахтырскомъ зеленые, въ Изюмскомъ красные и въ Острогожскомъ красно-ранжевые.

Въ семилѣтнюю войну Слободскіе полки были въ походѣ и состояли подъ командою бригадира Капниста, въ арміи фельдмаршала Апраксина.

Въ 1757 году Указомъ Военной Коллегіи предписано генералу графу Петру Семеновичу Салтыкову, командовавшему Украинскою дивизіею, изъ Слободскихъ казачьихъ семействъ, исключая дѣйствительно служащихъ, сформировать гусарскій полкъ, подъ именемъ: «Слободскаго,» опредѣливъ въ него штабъ и оберъ-офицеровъ изъ старыхъ гусарскихъ полковъ; а на содержаніе его, изъ платившихъ въ Слободскихъ полкахъ 21 копѣешную подать на содержаніе трехъ полковъ драгунскихъ и однаго гарнизоннаго, собирать ежегодно еще по 19¾ копѣекъ съ каждой души мужескаго пола. По сформированіи, сей полкъ никуда не былъ отправляемъ и существовалъ только до Сентября 1765 года. Память о сихъ гусарахъ сохранилась только въ народныхъ пѣсняхъ, коими счастливая любовью своего «гусарина» или воспѣвала ловкость его, или упрекала въ измѣнѣ и непостоянствѣ.

Екатерина Великая, вступивъ на престолъ, при неусыпномъ попеченіи привести въ стройный порядокъ всѣ части государства, благоволила воззрѣть и на Слободскіе полки, коихъ внутреннее устройство, мѣстное положеніе, и Ея великая цѣль въ отношеніи къ Россіи, уже, по возрастающей образованности и по духу времени, требовали въ сей области хода дѣлъ и управленія правильнаго, не шаткаго и не могущаго подавать повода къ злоупотребленіямъ. Въ слѣдствіе чего состоялся Ея Величества Манифестъ слѣдующаго содержанія.

По краткомъ, обыкновенномъ титулѣ:

«Промышляя во всѣхъ случаяхъ о пользѣ государственной, и полное находя удовольствіе Наше въ благоденствіи подданныхъ, не могли Мы между-прочимъ оставить безъ примѣчанія и Слободскіе полки. Съ великимъ сожалѣніемъ усмотрѣли Мы какъ чрезъ разныя оттуда доношенія, Намъ представленныя, такъ чрезъ изслѣдованіе нарочно учрежденной по тому коммисіи, о вкоренившихся тамъ многихъ неустройствахъ смѣшаннаго правленія воинскаго съ гражданскимъ, о тягостномъ содержаніи, безполезности тамошней казачьей службы и о прочихъ народу отъ того притѣсненіяхъ. Мы, не удовольствуясь однимъ только вредностей сихъ пресѣченіемъ, но желая изъявить Материнское Наше къ народу тамошнему милосердіе споспѣшествованіемъ совокупно съ общею и собственной его пользѣ, за нужное разсудили: Слободскихъ полковъ непрочную службу превратить, на основаніи прочихъ благоустроенныхъ войскъ нашихъ, въ лучшую и государству полезнѣйшую; въ правленіи же гражданскомъ, на равномъ другихъ губерній положеніи, но безъ нарушенія Указами не отмѣненныхъ привилегій, учредить надлежащій порядокъ, и тѣмъ, слѣдовательно, не токмо утвердить общее всѣхъ тамошнихъ жителей благосостояніе, но вывесть ихъ симъ средствомъ изъ прежняго закоснѣнія и дать имъ способъ истинными Намъ и отечеству заслугами пріобрѣсть себѣ равное съ другими вѣрноподданными

Нашими удовольствіе чинами и жалованьемъ, въ штатахъ званію каждаго отъ Насъ Всемилостивѣйше опредѣленнымъ. Пространнѣе изъяснено въ инструкціи, по Высочайше конфирмованной, данной отъ Сената въ новоучрежденной Слободской губерніи губернатору, губернскимъ и провинціальнымъ канцеляріямъ, изъ коихъ первой, то есть губернской, быть въ Харьковѣ, а провиціальнымъ: въ Ахтыркѣ, Сумахъ, Острогожкѣ и въ Изюмѣ; чего ради оную инструкцію, для общаго всѣхъ извѣстія, обнародовать повелѣли. Впрочемъ надѣемся Мы, что всѣ тамошніе военные и гражданскіе чины, получа способъ новыхъ сихъ полезнѣйшихъ учрежденій, ощутительныхъ знаковъ Высочайшаго къ нимъ и ко всему народу тамошнему благоволенія Нашего, а сей, особливо, увидя себя свободнымъ отъ налоговъ и тягостей, коимъ донынѣ подверженъ былъ, потщатся соотвѣтствовать должною благодарностію, по состоянію званія своего, исполняя вѣрноподданническую должность, какъ всѣхъ вообще и каждаго особо обязываетъ долгъ присяги и истинное усердіе къ Намъ и отечеству. Данъ въ Санктпетербургѣ, Іюля 28 дня, 1765 года.«

На подлинномъ подписано:

Екатерина.

Такимъ образомъ Слободскихъ полковъ казачья служба, болѣе ста лѣтъ существовавшая, прекращена, и сіи полки, бывъ преобразованы въ регулярные гу-

сарскіе, поступили въ составъ Россійской арміи. Мундиры для нихъ положены по цвѣтамъ прежнихъ казачьихъ полковъ, какъ-то: Харьковскій — желтый, Сумскій — свѣтло-синій, Ахтырскій — зеленый, Изюмскій — красный и Острогожскій — красно-ранжевый. Полковники, находившіеся при реформѣ въ дѣйствительной службѣ, поступили въ гусарскіе полки подполковниками; а непожелавшіе продолжать службы уволены полковниками арміи. Полковые обозные, находившіеся въ прежней службѣ, хотя и не въ сихъ чинахъ, въ походѣ, переименованы премьеръ-маіорами, а не бывшіе въ походахъ секундъ-маіорами; полковые старшины, бывшіе въ походахъ, капитанами, не бывшіе поручиками; сотники, бывшіе въ походахъ, поручиками, не бывшіе прапорщиками. Изъ полковыхъ старшинъ, пожелавшихъ служить по гражданской части (выключая полковыхъ обозныхъ), переименованы титулярными совѣтниками. Полковые писари, по заслугамъ и способностямъ, переименованы въ секретари разныхъ классовъ.

Въ каждой изъ сказанныхъ провинцій, въ важнѣйшихъ сотенныхъ мѣстечкахъ, учреждены коммисарскія правленія, завѣдывающія въ своемъ участкѣ полицейскою и судебною частями. Селенія же изъ Великороссійскихъ жителей, также и не бывшія въ составѣ Слободскихъ полковъ, остались попрежнему подсудимы губерніямъ по принадлежности: Воронежской и Бѣлогородской; отъ чего, въ нѣкоторыхъ се-

леніяхъ, носившихъ тогда названіе городовъ, въ одно время находились: воеводская канцелярія для Великороссійскихъ жителей и коммисарское правленіе для Слободскихъ.

Сіи пять гусарскихъ полковъ комплектовались какъ изъ жителей селеній, составлявшихъ прежде казачьи полки, такъ и изъ «Черкасъ» въ губерніяхъ: Бѣлогородской, Воронежской, Казанской, Архангельской и Астраханской. Они были положены въ окладъ наравнѣ съ обитателями Слободской губерніи, кои, до сего времени, всѣ вообще именовались «казаками», а при преобразованіи полковъ названы «войсковыми обывателями», а помѣщичьи люди «подданными». Изъ сихъ послѣднихъ сформированъ былъ полкъ, подъ названіемъ «Украинскаго гусарскаго», имѣвшій мундиръ малиноваго цвѣта; и какъ этотъ полкъ всегда пополняемъ былъ рекрутами только изъ помѣщичьихъ подданныхъ Слободской губерніи, такъ и всѣ пять пополнялися людьми только изъ того участка, изъ коего составленъ былъ эскадронъ того полка. Служба гусарамъ сихъ шести полковъ продолжалась пятнадцать лѣтъ. Въ царствованіе Императора Павла I войсковые обыватели и помѣщичьи подданные Слободской губерніи начали поставлять рекрутъ по общимъ государственнымъ узаконеніямъ.

При Слободско-Украинской губернской канцеляріи учрежденъ былъ «вотчинный департаментъ», которому поручено было разсмотрѣніе владѣльческихъ крѣпостей. Послѣ того введена «межевая контора» и открыто генеральное размежеваніе земель, которымъ всѣ дачи помѣщичьи и казеннаго вѣдомства размежеваны, исключая чрезполосныхъ владѣльцевъ, оставшихся въ общихъ округахъ съ войсковыми обывателями.

Подушная подать, вмѣсто прежнихъ окладовъ, взимаемыхъ на содержаніе полковъ, постановлена была: съ войсковыхъ обывателей, пользующихся куреніемъ и продажею вина, по 95-ти копѣекъ, а съ живущихъ на мѣстахъ, гдѣ то запрещено было, по 85-ти копѣекъ; съ подданныхъ же помѣщичьихъ Черкасъ, какъ въ сей, такъ и вышепомянутыхъ губерніяхъ, положено было платить по 60-ти копѣекъ съ души.

Къ новой «Азовской» губерніи, при ея учрежденіи, причислены нѣкоторыя (Торъ и др:) селенія Слободской губерніи. Потомъ и Острогожская провинція, съ частью Изюмской, поступила въ составъ новооткрывающагося Воронежскаго намѣстничества. Изъ послѣднихъ же городовъ Слободской губерніи и изъ частей Бѣлогородской: Корочанскаго, Салтовскаго, Чугуевскаго, Вольновскаго, Хотьмыжскаго, Суджанскаго и Путивльскаго воеводствъ, составлено было «Харьковское намѣстничество», граничащее отъ сѣвера съ Курскимъ

намѣстничествомъ, отъ запада съ (бывшимъ тогда) Новгородъ-Сѣверскимъ и Черниговскимъ, отъ юга съ Екатеринославскимъ, а отъ востока съ Воронежскимъ.

Харьковское намѣстничество, по церемоніалу, Высочайше изданному, со всею торжественностью, 29-го Сентября 1780-го года открыто генералъ-фельдмаршаломъ и Государевымъ Намѣстникомъ Кіевскаго, Черниговскаго, Новгородъ-Сѣверскаго, Харьковскаго и Курскаго намѣстничествъ *, графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовымъ-Задунайскимъ.

Г. К.

* Вскорѣ потомъ Харьковское намѣстничество, въ соединеніи съ Воронежскимъ, управляемо было «генералъ-губернаторомъ.» Въ 1787 году оно присоединено было къ Екатеринославскому и Херсонскому намѣстничествамъ подъ управленіемъ генералъ-фельдмаршала и Государева Намѣстника князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, а въ 1796 году опять соединено было подъ управленіе однаго генералъ-губернатора съ Воронежскимъ намѣстничествомъ.

ПОВѢСТИ.

КОЗЫРЬ-ДѢВКА.

Ничѣмъ мы такъ не согрѣшаемъ, какъ осужденіемъ ближняго. Увидимъ человѣка идущаго по улицѣ—уже мы и знаемъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ; задумался—мы поняли, что у него на мысли, и тотчасъ осуждаемъ: чего бы ему за такимъ дѣломъ итти? можно ли имѣть такія мысли? прилично ли такому человѣку тò и тó предпринимать? Итакъ осудимъ, такъ оцѣнимъ его, тò припишемъ, что ему подобное и на мысль не приходило!

Наше ли это дѣло? Поручено ли намъ присматривать за другими? Эхъ, будемъ знать сами себя; про другихъ же, хоть что навѣрное узнаемъ или сами увидимъ, оставимъ безъ вниманія, потому-что случается иногда, всѣ говорятъ и намъ кажется, что вотъ тотъ-то сдѣлалъ тò и тò; онъ слышалъ отъ другаго,

а третій видѣлъ самъ.... когда же придетъ къ дѣлу, такъ и откроется, что это дѣлано было не ко вреду, а на пользу общую; или если сдѣланъ кому убытокъ, то часто открывается, что не тотъ виновенъ, кого подозрѣвали, а вовсе другой, на кого и не думали.

Вотъ такъ-то было-пришлось одному человѣку вмѣсто виновнаго, и если бы не дѣвка выхлопотала, онъ бы погибъ навсегда. Да и дѣвка, точно «козырь» была! Отецъ ея, Трофимъ Макуха, очень уважалъ ее, и что-было Ивга (такъ звали ее)* скажетъ, то уже — по пословицѣ — и къ ста бабамъ не ходи, потому-что будетъ, какъ сказала Ивга.

Хорошо было старому Макухѣ положиться во всемъ на дочь и еще разумную, потому-то онъ и выигрывалъ много: она была смѣтлива, расчетлива, изворотлива; еще ты ей намекни только, а она уже и расчитала, что, куда и для чего; а выдумать или придумать, какъ устроить что — Макуха только спроситъ дочери, она ему дастъ совѣтъ и во всемъ полезный. Отъ того-то и все хозяйство шло лучше, нежели у кого другаго. Еще только онъ женился, то, послушавъ жены, оставилъ хлѣбопашество, а принялся за промыселъ; торговалъ дёгтемъ, солью, иногда хлѣбомъ и всѣмъ, чѣмъ только случалось. Не оставлялъ шинкарства, но не открыто, для каждаго, а только для про-

* Начальное И должно выговаривать остро: Йивга. Ивга — Евгенія.

ѣзжающихъ; онъ держалъ постоялый дворъ — такъ тутъ уже, извѣстно, все нужно было имѣть, за тѣмъ что извозчики и фурщики требуютъ всего, и только умѣй лишь распорядиться, такъ и будетъ доходъ.

Если бы самъ Трофимъ Макуха въ своемъ хозяйствѣ велъ порядокъ, то скоро бы у него «въ великой хатѣ» и «въ комнàтѣ», что для проѣзжающихъ устроилъ, отъ пустоты завелись бы воробьи; а въ амбарахъ, что на дворѣ его стояли наполнены овсомъ и всякою мукòю, такъ тамъ бы одна паутина только была; я же говорю, все перевелось бы у него, и не собралъ бы ничего, если бы управлялъ самъ, потому-что онъ былъ-себѣ... такъ... Богъ съ нимъ! Не очень разумѣлъ, какъ, что и когда приготовить; и — какъ говорятъ — когда выходитъ изъ топленой хаты, то дверей не запираетъ, къ чему тепло? а того не разсудитъ, что и въ натопленой хатѣ, безъ присмотра, выстынетъ скоро. Когда стоитъ въ огородѣ стогъ сѣна, а въ амбарѣ есть овса четвертей десять, такъ онъ и не думаетъ больше и полагаетъ, что этой одной провизіи ему на десять лѣтъ станетъ, а потому и сидитъ руки сложа; такъ тутъ Ивга и бросится: туда пошлетъ, сюда сама сбѣгаетъ, тамъ купитъ, тамъ найметъ, тутъ подрядитъ — и все у нея запасено, все есть. Вотъ и говорю, хорошо было Макухѣ жить такъ безпечно, при такой дочери!

Не знаю также, свелъ ли бы онъ концы, если бы хозяйничалъ съ сыномъ своимъ, Тимохою? Вотъ

былъ молодецъ! За его распоряженіемъ, едва ли не спустили бы и всего имущества. Тимоха былъ лихой малый: высоко подбривалъ чубъ, усы закручивалъ, не зналъ свиты, а всегда жупанъ, и то суконный, то и китайчатый; пояса, одинъ другаго краше; шапка, одна буднишная, другая праздничная и одна другой выше; сапоги одни на ногахъ, а другіе уже и мокнутъ въ дегтю, чтобы, какъ вздумалъ, такъ и щеголять можно; одни съ высокими подковами, а другіе на гвоздочкахъ. Ктò идетъ по улицѣ и пѣсни поетъ, ктò верховодитъ въ шинкѣ, ктò шинкарю посуду разбиваетъ, ктò за десятерыхъ выпьетъ и не пьянъ? никто, какъ Тимоха Макушенко! Отъ кого дѣвки уходятъ и шинкарь прячется? ни отъ кого же больше, какъ отъ Тимохи Макушенка! О, да и удалой былъ на все злое! Пьетъ смертную чашу, дерется съ кѣмъ попало, дѣвокъ обманываетъ; когда сядетъ играть въ карты, у всѣхъ обберетъ деньги и растаскаетъ ихъ по шинкамъ, да по вечерницамъ. Съ волостнымъ писаремъ были задушевные друзья и чтò-то между собою затѣвали.... Къ тому же былъ ужасный воръ Ивга, бывало, бережется отъ него, какъ отъ татарина: что ни увидитъ у нея, все потянетъ; а у отца, что только захочетъ, все выпроситъ, потому-что отецъ очень любилъ его, и нѣжилъ, и тѣшилъ всѣмъ, чего захочетъ, все отъ того, что онъ у него одинъ сынъ, такъ пускай, думаетъ, дитя нагуляется, пока молодъ, и потомъ вспоминаетъ, какъ ему было хорошо жить при отцѣ. Бывало, Ивга иногда и поспоритъ, и не

дастъ, и на отца начнетъ нападать: за-чѣмъ далъ такую волю сыну? то онъ, хотя будто и раздумаетъ дать, но послѣ, тихонько, все-таки дастъ ему денегъ, сколько сынъ желалъ.

Хорошо было и Тимохѣ гулять и своевольничать при такомъ отцѣ, и хотя всякъ видѣлъ, что Тимоха большой бездѣльникъ, и каждый зналъ, что въ селѣ всѣ бѣды отъ него, но никто ему не смѣетъ сказать ни пол-слова, никто не удерживаетъ его, никто не жаловался на него начальству, потому-что онъ былъ сынъ богатаго отца.... вѣдь и въ селахъ такая же правда, какъ и въ городахъ: кто богатъ, тотъ можетъ дѣлать что хочетъ — хоть посреди дня, вверхъ ногами, по улицѣ иди, никто не посмѣетъ его удержать; но еще, глядя на него, и сами будутъ подражать ему.

Хотя и былъ на Тимоху гонитель, знавшій про всѣ его бездѣльничества; такъ не было ему воли. Это былъ Левко́, пріемышь стараго Макухи. Еще покойная жена Трофимова, Горпина, прослышавши, что отъ умершихъ отца и матери осталось семь сиротокъ, и какъ ихъ начали люди разбирать, то и она, какъ сына, взяла къ себѣ годоваго ребенка, вотъ этаго Левка̀.

Хоть и сирота былъ Левко́, но ему было хорошо: былъ обмытъ, прибранъ, каждое воскресенье да-

валась ему и бѣленькая рубашка и мягкая булочка; на-зиму были сапожки и, хотя старенькій, но былъ и тулупчикъ. Горпина была женщина сострадательная и богобоязливая; не жалѣла ничего для бѣдныхъ; нищіе не только своего села, но и изъ другихъ мѣстъ, бывало, идутъ къ ней, какъ къ матери: кому грошикъ подастъ, кому «паляничку» (булочку), кому платочикъ, а никого безъ подаянія не отпуститъ. Такъ, уже взявши на руки этаго сироту, крѣпко любила его и наиболѣе потому, что Тимоха, сынъ ея, не любилъ его, и какъ года два былъ старше Левка, то и тормошилъ его часто и бивалъ порядочно. Мальчикъ жаловался Горпинѣ: та побьетъ Тимоху, Тимоха жалуется отцу—и старикъ, въ свою очередь, бьетъ того же Левка; за Левка вступится старуха, и ворчитъ на мужа; какъ же мужъ былъ плоховатъ и противъ жены не смѣлъ слова сказать, такъ хотя и смолчитъ женѣ, а таки, гдѣ попадетъ, Левка, и есть ли за что или нѣтъ, тутъ его и потаскаетъ и запретитъ жаловаться Горпинѣ; а тѣмъ такъ напугалъ бѣднаго сироту, что только еще Трофимъ взглянетъ на него грозно, такъ онъ уже и дрожитъ. И не только боялся старика, но не меньше боялся и Тимохи, чтобъ самъ не побилъ, или не наговорилъ отцу. Видѣвши же, что старики часто ссорятся за него, такъ онъ и не смѣлъ часто жаловаться Горпинѣ, а облегчалъ свое горе, разсказывая Ивгѣ о всѣхъ бѣдствіяхъ, имъ претерпѣваемыхъ. Ивга была лѣтъ пять

моложе его, а потому и она не могла доставить ему никакой отрады и только-было плачетъ съ нимъ.

Горпина была полная въ домѣ хозяйка, и все шло по ея распоряженію; и знавши мужній нравъ, ничего ему не поручала. Пока могла, пріучила ко всему Левка̀, а когда подросла Ивга, и видно было, что она имѣла способности къ хозяйству, то и ее пріучила къ своимъ занятіямъ: наставляла ее что, гдѣ и когда заготовлять, какъ обращаться съ заѣзжающими къ нимъ на постоялый дворъ, чтобъ они и впредь останавливались у нихъ же. Отдала имъ ключи отъ всѣхъ кладовыхъ; у нихъ на рукахъ былъ и хлѣбъ, и сѣно, и все по хозяйству; у нихъ деньги и весь разсчетъ, а она только распоряжала. Хотѣла-было и сына пріучить, но какъ замѣтила, что онъ, Бога не боясь, проѣзжихъ обмѣриваетъ, и обвѣшиваетъ, и обсчитываетъ, а самъ, упившися, заводитъ съ ними ссоры, а иногда и обокрадетъ, такъ-было такую славу навелъ на свой постоялый дворъ, что люди оставили-было его совсѣмъ; тутъ спохватилася Горпина, перестала давать ему волю, а умирая, все хозяйство препоручила дочери и во всемъ порядочно наставила ее; Левка же препоручала всѣмъ имъ, чтобы они содержали и не обижали его; а когда захочетъ стать хозяиномъ самъ, такъ и отпустить его; «а ты, доня, всѣмъ снабди его на новое хозяйство; ты знаешь, сколько онъ намъ былъ полезенъ и сколько мы его стараніемъ имѣли

прибыли—такъ соразмѣрно тому и награди его. Когда же подумаете, да нерасходясь «одружитеся» (женитеся), то очень хорошо сдѣлаете. Будете вдвоемъ хозяйничать, не дадите отцу извѣстись; а Тимохѣ не дайте воли; а иначе онъ и тебя, доня, продастъ, отца пропьетъ и все имущество разтратитъ.»

Послѣ смерти ея, Ивга приняла все хозяйство на свои руки и не допускала отца распоряжать по своей волѣ; когда же вступятъ какія деньги, то отдавала ихъ отцу, и знавши его хорошо, что онъ привыкъ къ принятію приказаній, строго подтверждала ему, ни на что ненужное и безъ ея совѣту денегъ не тратить—что онъ и исполнялъ, какъ прежде приказанія жены своей. Старикъ любилъ и баловалъ Тимоху, а отъ того не могъ отговариваться, когда онъ выпрашивалъ у него сколько денегъ, но Ивга это запретила и назначила отцу, сколько на мѣсяцъ выдавать сыну. Отецъ такъ и дѣлалъ.... Надолго же Тимохѣ тѣхъ денегъ! Тотчасъ въ горѣлкѣ ихъ и проглотитъ или всячески прогуляетъ, а тамъ и нуждается до новаго мѣсяца. На Левка же всегда *аспидомъ дышалъ*, полагая, что чрезъ него такъ дѣлается, и видя, что хотя онъ и пріемышъ, но воленъ всѣмъ распоряжать, а онъ, сынъ, не можетъ взять ничего—началъ еще больше наговаривать на него отцу, а тотъ безпрестанно нападалъ и ругалъ его, при каждой съ нимъ встрѣчѣ, до того, что бѣдному Левку нестерпимо было. Онъ бы и отошелъ отъ нихъ, такъ полю-

бились-себѣ съ Ивгою, и она дала ему клятву, лишь только женитъ брата и отдѣлитъ его, и отца при немъ устроитъ, тогда же вытти за него и завести свое хозяйство.

Ожидая того, Левко терпѣливо переносилъ всѣ гоненія отъ Макухи, занимался своимъ дѣломъ и пріобрѣталъ собственныя деньги. Какъ ни удалялся примѣчать за Тимохою, но—слыша и зная, какъ онъ пьетъ, гуляетъ, проматываетъ деньги, ссорится, сдѣлалъ какую-то большую бѣду, но волостной писарь покрылъ все, а Тимоха обѣщалъ выдать за него сестру съ большимъ награжденіемъ—рѣшился про все это сказать отцу. Такъ что же? Тотъ не повѣрилъ и обратилъ, что будто Левко изъ ненависти наговариваетъ на Тимоху. Левко привелъ тѣхъ людей, у кого Тимоха что укралъ или обидѣлъ кого; но старикъ все-таки не повѣрилъ и почелъ, что эти люди научены и напрошены Левкомъ сказать на Тимоху напраслину. Левку нечего было дѣлать, молчалъ, хотя и хуже дѣла начали оказываться за Тимохою.

Утѣшала его одна Ивга и подъ-часъ говорила: «Я и сама вижу, Левко, что тебѣ не можно съ отцомъ жить, и все черезъ брата. Хорошо, скажу ему, чтобы отдалъ уже меня за тебя, какъ и мать приказывала. Пожалуй, онъ еще и радъ будетъ сбыть насъ, чтобъ ему свободно было съ Тимохою здѣсь управляться. Онъ и свадьбу сыграетъ, и сундуки съ при-

данымъ, и материнскія подушки отдастъ, но денегъ не получимъ отъ него ни копѣйки; онъ не разсудитъ, что это мы все ему насобирали. А какъ онъ скупъ, такъ сохрани Богъ! Вѣдь въ свѣтлицу, гдѣ самъ живетъ, никого не впуститъ и ключа никому не дастъ, развѣ уже по большой надобности мнѣ; отъ сундука же своего, въ которомъ деньги лежатъ, такъ уже и мнѣ самой никогда не дастъ; когда отдаю деньги, такъ замѣчаю, что ихъ куча порядочная; но изъ нихъ не дастъ намъ ничего. А безъ денегъ что̀ сдѣлаемъ? Съ чѣмъ взяться, съ чѣмъ пуститься въ оборотъ? Конечно, мы бы скоро устроились: насъ люди больше знаютъ, нежели его, и всѣ бы къ намъ обратились, такъ нечѣмъ начать дѣла. Ты говоришь, что имѣешь деньги: гдѣ они у тебя?»

— Что значатъ мои деньги?—сказалъ Левко, а у самаго такъ на сердцѣ и ёкнуло; онъ ихъ отдалъ по частямъ—овса, дёгтю и прочаго такаго накупить, но какъ повѣрилъ ихъ недоброму человѣку, такъ только и видѣлъ деньги и человѣка. Отъ того-то онъ и затужилъ на вопросъ Ивги и говоритъ: что мои деньги! много ли ихъ? рублей пятьдесятъ съ процентомъ; можно ли подняться съ такою суммою?

«На первый случай было бы и сихъ. Что же дѣлать, когда нѣтъ больше? Часть нужнаго для насъ купимъ на деньги, а часть въ долгъ возьмемъ, да

такъ и откроемъ свой постоялый дворъ. Богъ поможетъ, разживемся помаленьку. Пойди же къ людямъ, возьми свои деньги, и станемъ начинать свое дѣло.»

Не одинъ разъ такъ Ивга посылала его собирать должныя деньги, а онъ только и зналъ, что проводилъ ее, говоря, что обѣщали черезъ недѣлю, тамъ черезъ двѣ.... Что же ему оставалось болѣе говорить? Онъ увѣренъ былъ, что какъ бы знала Ивга, какъ онъ ихъ истратилъ, то винила бы его; а между-тѣмъ надѣялся найти такаго, кто бы повѣрилъ ему такую сумму, или что-нибудь подобное предпринять...

Однажды Ивга ему сказала: «Отца нѣтъ дома и не возвратится прежде вечера. Мнѣ очень нужно поговорить съ тобою о нашемъ дѣлѣ. Вотъ тебѣ ключь отъ отцовой свѣтлицы: поди туда и ожидай меня. Я же на-часокъ сбѣгаю къ сосѣдкѣ и тотчасъ ворочусь. Дождешься меня—и посовѣтуемся, какъ это сдѣлать, чтобъ послѣ завтра обвѣнчаться. Проѣзжающихъ много и въ хатѣ и въ комнатѣ, негдѣ больше съ тобою поговорить. Сиди же тамъ, и будь ласковъ—къ отцовому сундуку не подходи: нашъ старикъ ужасно подозрителенъ, и что гдѣ положитъ, все замѣтитъ, все боится, чтобы не обокрали его....» Левко сдѣлалъ все по ея словамъ. Управивши свое дѣло, пошелъ въ свѣтлицу....

Ахъ, Ивга, Ивга! чего ты такъ долго у сосѣдки засидѣлась? Какое дѣло тебя удерживаетъ тамъ? По-

ка ты тамъ занималась, дома что дѣлается? Приди, посмотри!

Старикъ Макуха домой воротился скорѣе, нежели ожидали его, да къ тому же немного и на-веселѣ. Тимоха, какъ увидѣлъ отца въ такомъ состояніи, и зная, что онъ тутъ можетъ у него все выпросить, вышелъ навстрѣчу къ нему и пристально началъ просить денегъ. Запросилъ-было пять цѣлковыхъ — отецъ пихнулъ его отъ себя; сталъ просить трехъ — отецъ выбранилъ; проситъ одного — отецъ ворчитъ и отказываетъ даже въ полтинникѣ. Тимоха все проситъ и даже въ ногахъ кланяется; отецъ сжалился, обѣщалъ дать ему четвертакъ и съ тѣмъ пошли къ свѣтлицѣ.... Свѣтлица не замкнута.... отецъ и говоритъ: «Видишь ли, тамъ Ивга; пускай она выйдетъ, такъ безъ нея дамъ; ты знаешь ее, она станетъ ворчать и не велитъ тебѣ дать ничего.»— Нужды нѣтъ, тата! говоритъ Тимоха: когда будетъ ворчать, то и ее попрошу. Пойдемъ. — Отворили двери, вошли.... Господи милостивый!.... Что это такое?...

Макухинъ сундукъ отпертъ, разбитый замокъ лежитъ подлѣ, на полу.... надъ сундукомъ стоитъ... Левко!.... Нельзя сказать, онъ или подобіе его!.... Блѣдный чрезвычайно, глаза закатились.... въ рукѣ держитъ мѣшокъ съ деньгами, другая рука полна цѣлковыхъ.... И видно уже не первую пригоршню потянулъ изъ мѣшка, потому-что кругомъ его, на по-

лу лежатъ все цѣлковые; вѣрно, какъ торопился вынимать изъ мѣшка, такъ разсыпалъ....

Какъ увидѣлъ Макуха такую бѣду, такъ и *ударилъ себя о полы руками* и вскричалъ: «А что ты это тутъ дѣлаешь?» Левко же, словно въ лихорадкѣ, ужасно измѣнился въ лицѣ, трясется, и едва могъ проговорить: «Это, дядюшка... можетъ... не мнѣ....» Не тебѣ, разбойникъ!... не тебѣ...? Берите его! Хлопцы, сюда! Какъ тутъ, Тимоха призвалъ людей, бывшихъ въ великой хатѣ, и набѣжали... «Берите его.... вяжите разбойника....!» кричатъ всѣ вдругъ, и схватили бѣднаго Левка. Мигомъ, поясами связали ему руки и перевязали ноги, чтобъ не вырвался и не убѣжалъ; потомъ повели къ волостному правленію: шесть человѣкъ держатъ его крѣпко, а болѣе десяти, кто съ дубиною, кто съ коломъ, кто съ ухватомъ, обступили его и препровождаютъ какъ арестанта. Что же бѣдный Левко? Что̀ ему дѣлать? извѣстно: идетъ, куда ведутъ его, не можетъ противиться, *ни пары изъ устъ*, на шеѣ привѣшенъ разбитый имъ замокъ, а на длинной хворостинѣ, *какъ запаска при свадьбѣ*, виситъ прицѣпленный мѣшокъ, изъ котораго онъ кралъ деньги, какъ видѣли всѣ. Это улика ему въ преступленіи. Еще не успѣли съ такою процессіею вытти за ворота, какъ уже и сбѣжалося тьма народа, словно на свадьбу... Женщинамъ тутъ открылось богатое поле! Не прошли и нѣсколько саженей, какъ уже сосѣдка расказываетъ другой,

что Левко, пріемышъ Макухинъ, пришелъ къ нему къ сонному, и хотѣлъ его зарѣзать.... какъ на это набѣжалъ Тимоха, защитилъ отца, и хотя Левко два раза швырнулъ его въ бокъ ножемъ, и по горлу рѣзнулъ, однако Макушченко его осилилъ-таки, руки связалъ, крикнулъ на людей, тутъ набѣжали и схватили его.... Сколько же еще наплетутъ, пока приведутъ его къ волостному правленію?...

Ребятишки также пристали къ кучѣ народа, которая до того умножилася, что съ трудомъ двигалися въ тѣсныхъ улицахъ; бѣгутъ за народомъ, подбѣгаютъ къ арестанту, въ глаза насмѣхаются ему: «злодіяка!.... харцызяка!.... (воряга, разбойникъ) дай цѣлковаго.... накралъ.... накралъ у отца денегъ....» и подобное тому болтаютъ.

Каково же было Левку переносить все это? Что онъ? Идетъ и не смѣетъ глядѣть на свѣтъ Божій! Слышитъ, какъ насмѣхаются надъ нимъ, ругаютъ, упрекаютъ его, все слышитъ.... идучи, взглянетъ на небо, вздохнетъ и скажетъ самъ-себѣ.... «Господи милостивый!.... Я ли это?... Что со мною сдѣлалось?!..» Иногда всматривался въ кучи народа, не увидитъ ли, кого ему надобно....

На этотъ шумъ выбѣжала отъ сосѣдки Ивга, и не ожидая себѣ никакой бѣды, спрашиваетъ кое-кого, кого это такъ ведутъ? Какъ же услужливыя сосѣдки

расказали ей по–своему о случившемся, такъ она и не опомнилась.... Поблѣднѣла, затряслась и упала бы, если бъ кума ее не поддержала, и хотѣла скорѣе вести ее къ знахаркѣ, чтобъ *слизала*, говоря, это тебѣ сталося *съ очей*. Какія же тебѣ тутъ *очи*, когда ея женихъ надѣлалъ такихъ бѣдъ! «Нѣтъ, отвѣчаетъ Ивга: нѣтъ, моя кумушка-голубушка; нѣтъ, моя родная тетушка! Мнѣ знахарки не помогутъ! Пойдемъ къ волостному правленію; послушаемъ, что̀ это онъ надѣлалъ, и если все это правда, такъ я передъ нимъ и умру....!»

Начальствующіе въ селеніи поспѣшили собраться въ волостное правленіе, словно мухи къ меду; извѣстно, что кому приключится бѣда, напасть, то судящимъ, и съ одной стороны и съ другой, кое-что перепадетъ, безъ дохода не будетъ.... на то они судящіе!... Вотъ и тутъ: голова сѣлъ на первое мѣсто, какъ начальникъ, а подлѣ него старшины сельскіе, а въ концѣ стола писарь съ чернильницею и съ бумагою. Онъ уже успѣлъ что-то тихонько переговорить съ Тимохою, и съ веселымъ лицемъ явясь у своего мѣста, то и дѣло что, покашливая, выводитъ перомъ по бумагѣ: «спробовать перо и чернила....» Писнетъ, и поглядываетъ на стоящихъ людей: когда кто въ простенькой одеждѣ, такъ онъ на тѣхъ и не смотритъ; а только на одѣтыхъ въ жупаны глядитъ ласково, какъ котъ на сало.

Голова приказалъ *подать злодѣя* (ввести вора), подойти старому Макухѣ, и началъ распрашивать, какъ было дѣло. Макуха расказалъ все, какъ, вошедши въ свѣтлицу, нашелъ Левка надъ сундукомъ съ деньгами. Левко что-то заикнулся говорить, какъ голова грозно закричалъ на него: «Не смѣй и слова пикнуть передо мною! Знаешь ли ты? Я голова, и голова не на то, чтобъ слушать твои оправданія, а тутъ же наказать тебя. А есть ли свидѣтели?» спросилъ онъ у Макухи, поглядывая на собравшуюся *громаду*. Человѣкъ двадцать отозвалося, что видѣли все это, и съ деньгами схватили Левка.... «Ну, и конецъ дѣлу!» сказалъ голова, выходя изъ-за стола, чему послѣдовали и прочіе судящіе, приговаривая: «такъ-таки, такъ!»

«Писарь!— приказывалъ голова повелительно: — перепиши свидѣтелей и отбери отъ нихъ руки, да пиши скорѣе рапортъ въ судъ; мы же пойдемъ къ Макухѣ, произведемъ слѣдствіе. Я не Евдокимъ, прежній вашъ голова. Я знаю и люблю порядокъ.» Потомъ, оборотясь къ соцкимъ и десяцкимъ, приказывалъ, подтверждая пальцемъ каждую статью своихъ распоряженій. «Глядите же вы: тотчасъ начните собирать съ хозяевъ куръ, яица и все, что нужно; видите ли — судъ наѣдетъ сюда на слѣдствіе, такъ, можетъ, проживутъ дня два, всего вдоволь надобно имъ поставить. Тутъ же еще и середа приходитъ, а нашъ исправникъ богобоязливый, въ посты скором-

наго не ѣстъ, такъ промыслите и хорошей рыбы, да побольше. Пойдемъ. Веди насъ къ себѣ, Ѳедоровичь Трофимъ.»

Старый Макуха крѣпко поморщился, знавши, какъ производятся въ селеніяхъ слѣдствія; но дѣлать нечего, готовъ былъ указывать дорогу—какъ писарь, остановя голову, спросилъ: «а что же, панъ голова! съ учинившаго происшествіе треба-нада возслѣдуетъ снять доношеніе... или... тее-то... допросъ.» — А для какаго чорта я буду мучиться еще его проклятымъ допросомъ? Развѣ не видишь? на шеѣ у него разбитый замокъ и мѣшокъ....

— Да, оно такъ, сказалъ писарь, почесавъ затылокъ: справка, всеконечно, чистая; но нужно собственное признаніе....

«Да ты у него и дубиною не выбьешь признанія. Развѣ ты умъ потерялъ и руки отсохли? Напиши самъ и пріобщи къ дѣлу... Я люблю порядокъ.»

— Также и поличное послѣдуетъ пріобщить къ дѣлу. Вы знаете, его благо ... или.... тее-то.... его высокоблагородіе всегда первоначально соизволитъ поличное подвергать разсмотрѣнію....

«Я-то про то знаю. Ты меня, голубчикъ, не учи: я тебѣ не Евдокимъ, котораго смѣнили. Дѣлай по-мо-

ему: поличное у меня, арестанта въ холодную, а репортъ скорѣе посылай въ судъ....

— А на сколько стянулъ Левко? Вы, панъ-голова, и не спросили....

«Пиши больше. Напиши.... на двѣсти рублей... по курсу. Чего намъ жалѣть этаго Левка, вора, мошенника? Да хоть бы и Макуха: онъ намъ ни кумъ, ни сватъ; что намъ до него? Его пропало, не наше. Пойдемъ же, панове-судящіи! Я съ Макухою распоряжу все на мѣстѣ преступленія, сколько, чего, кому и какъ.» Макуха, понявъ смыслъ сихъ словъ, еще больше почесалъ затылокъ, но повелъ судящихъ.... Голова, надувшись какъ Индѣйскій пѣтухъ, шелъ впереди, подпираясь толстою палкою, за нимъ судящіе со всегдашнимъ своимъ: «такъ-таки, такъ!» а потомъ Макуха со свидѣтелями и сыномъ, который еще что-то пошепталъ писарю; куча же народа, когда только довели Левка до волостнаго правленія, поспѣшила смотрѣть на медвѣдей, цыганами приведенныхъ въ село....

Оставшись одинъ въ правленіи, писарь заважничалъ и тотчасъ началъ командовать: «А гдѣ вы, десятскіе? Набейте на арестанта желѣза и посадите въ холодную; да чтобъ караульные были! Сегодня уже рапорта не отправимъ, потому-что голова производитъ слѣдствіе; а какъ, по порядку, онъ тамъ будетъ ужи-

нать, то и не успѣетъ. О! у него не какъ при прежнемъ головѣ: ему нужно прежде прочитать, да тогда уже онъ подпишетъ. Хорошо же, подписывай, а я заготовлю...» и, почесывая чубъ, сѣлъ, чтобъ писать.... какъ тутъ Ивга бросилась ему въ-ноги и начала просить: «Братикъ, Кондратьичь, соколикъ! Что хочешь, возьми.... вотъ намисто.... вотъ и дукаты... и еще особо буду тебя благодарить.... только дозволь мнѣ съ Левкомъ одинъ-на-одинъ переговорить, разспросить его: это не онъ сдѣлалъ.... это что-то не такъ... только его разспрошу...» Покашливалъ писарь, по своему обыкновенію, покашливалъ, покручивалъ усы, потомъ всталъ, походилъ по хатѣ, взялся за боки и говоритъ: — Евгенія Трофимовна! или ты, сердце мое, одурѣла, или съ ума сошла? И *дѣвованье* твое, и молодость, и красоту, и все богатство хочешь погубить съ такимъ развратнымъ! Его судьба рѣшена: вѣчная каторга ему предпишется. Не убыточься, не издерживай ничего; не давай мнѣ ни намиста, ни дукатовъ; отдай мнѣ себя со всѣмъ имуществомъ. Я человѣкъ съ дарованіемъ; посредствомъ твоего достатка и моей способности выскочу въ засѣдатели земскаго суда; ты будешь хозяйничать, а я на слѣдствіяхъ стану пріобрѣтать. А! каково? Будетъ и намъ, останется и дѣточкамъ. Оставь этаго разбойника; я его упрячу въ Сибирь, а мы съ тобой останемся въ спокойствіи и во всякомъ удовольствіи. На всю ночь отправлю его въ городъ, а завтра пришлю сватовъ, и ты выдашь имъ рушники—... «А чтобъ ты не дождалъ и съ твоимъ

сквернымъ писарскимъ родомъ!» такъ прикрикнула на него Ивга. «Можно ли, чтобы я оставила моего Левка, кого покойная мать велѣла мнѣ уважать; оставила и промѣняла на тебя, пьявку мірскую! Сошлете его въ Сибирь — я пойду за нимъ. Да не у васъ правда; я дойду и до города, и къ судящимъ доступлю; всѣмъ разскажу, что Левко не таковскій; это, можетъ, на него наслано чрезъ колдовство. А ты себѣ-выкинь изъ головы помыслы на счетъ мой; уйдутъ твои сваты отъ пріема моего...»

— Такъ запроторю же его въ Сибирь! вскрикнулъ писарь: иди же себѣ прочь отсюда съ подкупами. На бракъ нашъ братъ согласіе объявилъ —и отецъ возымѣетъ таковое же... и тебя принудимъ; иди.—И тутъ онъ почти выгналъ изъ правленія Ивгу, а самъ, разрываясь отъ гнѣва, сѣлъ скорѣе писать. Зубами скрыпитъ, да все пишетъ и только песочкомъ засыпаетъ; намучившись и часто ероша чубъ свой, а таки написалъ, какъ Левка схватили надъ сундукомъ Макухи съ деньгами, «коихъ по обыску въ карманахъ и за пазухою оказалося болѣе двухъ сотъ рублей по курсу, о похищеніи коихъ и намѣреніи похитить еще и болѣе оный вышереченный Леонтій, по уличному Загибячей, учинилъ сознаніе при нижеименованныхъ свидѣтеляхъ» и написалъ такихъ, какихъ и въ правленіи не было, да чуть ли находились и въ селѣ; подписалъ за нихъ и руки, да скорѣе къ Макухѣ, гдѣ голова производитъ слѣдствіе. Идучи же, самъ

съ собою разсуждаетъ: «не восхотѣла? хорошо же! На всю ночь отправлю рапортъ, съ исправникомъ и судьями сдѣлаюсь, сошлю его на каторгу.... а тебя братъ выдастъ мнѣ и насильственно.... все мое тогда будетъ! О, да пропастное у нея богатство!» Такъ разсуждая, добѣжалъ къ Макухѣ....

Какъ же тамъ голова съ понятыми производитъ слѣдствіе? Извѣстно, какъ видѣли и у земскихъ. Первоначально сѣли за столъ, а Макуха, то и дѣло, представляетъ доказательства: то полыньковой, то перчиковой, а потомъ дошло и до настоенной на калганъ, что Ивга было-припасла для проѣзжающихъ полупанковъ; выцѣдили штофики до дна, бесѣдуя то о сѣнокосѣ, то объ урожаѣ; а о дѣлѣ еще никто и не заикнулся. Макухины работницы, какъ угорѣлыя, хлопочутъ: одна лапшу крошитъ, другая вареники лѣпитъ, та курицу чиститъ; вытянули пару гусаковъ, что Ивга засадила-было выкормить.... пришла и имъ бѣда! Такой банкетъ справляютъ, что ну! А самой хозяйки, Ивги, никто ни о чемъ и не спрашиваетъ; она же забралася въ новую, пустую кладовую, и уже не то-что плачетъ, а голоситъ о своей лихой годинѣ, что ей Левко такъ надѣлалъ.... свѣтъ ей завязалъ!...

Тимохѣ же тутъ и раздолье! Всѣхъ подчиваетъ, а себя прежде всѣхъ; не обнесетъ никого и себя не забываетъ, да то и дѣло, что ругаетъ Левка и такіе приписываетъ ему поступки, которыхъ онъ никогда и въ умѣ не имѣлъ.

Еще не поѣли совсѣмъ всего наготовленнаго, и уже начали деревянными спичками шпигать вареники и, обмакивая въ растопленное масло и приготовленную сметану, ѣсть, поспѣшая, чтобы свободнѣе приняться за терновку, которой полонъ штофъ Макуха поставилъ на столъ, какъ уже писарь и прибѣжалъ запыхавшись. «Здѣсь ли, тутъ голова съ понятыми? Уже ли совершили слѣдствіе?» такъ спрашивалъ писарь, а голова отвѣчалъ ему грозно: — И совершили и сокрушили. Тебя бы-то негоднаго писаря ожидать? Сколько разъ я тебѣ говорилъ и приказывалъ, что я вамъ не Евдокимъ, прежній голова: у меня чтобы дѣло кипѣло и чтобы по всей справедливости сдѣлано было. Писалъ-писалъ ты до полночи, а что принесъ? Еще, можетъ, только начерно? Да я, вотъ поужинавши, я поразсмотрю и съ-разу поймаю въ неисправности. Садись уже, не мѣшай добрымъ людямъ, ужинай.

Еще это панъ-голова только говорилъ, а панъ-писарь давно выпилъ и калгановой, не забылъ и перчиковой, схватилъ полкурицы, тутъ ее и рѣшилъ; часть гуся съ ногою скорѣе въ карманъ (онъ учился въ школѣ и зналъ всѣ приказныя обыкновенія) и принялся за вареники. Такимъ образомъ онъ догналъ въ ѣдѣ и напиткахъ тѣхъ, кои прежде его за-часъ начали. Онъ былъ на все лихой малый! За такимъ скороспѣшнымъ дѣломъ онъ успѣвалъ и покашливать, какъ прилично писарю; а что голова ворчалъ на него, такъ онъ и не слушалъ; онъ зналъ правило: «не бой-

ся той собаки, что лаетъ» и примѣнился къ головамъ: какой больше чванится, величается, порядки задаетъ, тотъ-то ничего и не знаетъ и, не понимая дѣла, сдѣлаетъ по-твоему. Тутъ также было.

Поѣли, попили, поужинали, какъ лучше желать не можно. У пана-головы языкъ едва шевелится; а прочіе судящіе и понятые скорѣе схватили палки свои, и хотя подпираются ими, но порядочно шатались. Панъ-голова могъ еще поблагодарить Макуху за-хлѣбъ, за-соль, выругать Левка за его поступокъ, и обѣщался завтра послать рапортъ въ судъ объ этомъ происшествіи; панъ-писарь же, покашливая надъ послѣднимъ блюдомъ, молочною кашею, которую доѣдалъ, и поглядывая на кувшинъ терновки, все подморгивалъ усомъ, думая, не такъ оно будетъ, какъ вы говорите. Когда же рѣшилъ все и на-закуску выпилъ послѣднее, то и сказалъ головѣ: Куда же вы уходите? Подпишите рапортъ; происшествіе важное, должно послать на всю ночь.... «Въ су.. судъ?» спросилъ голова. — Але, въ судъ, крикнулъ на него писарь: а вы и забыли, что панъ-исправникъ повелѣвалъ о всякомъ важномъ дѣлѣ, гдѣ есть поличное, невпустительно дольженствуетъ представлять прямо ему? — Тутъ же подсунулъ пану-головѣ рапортъ, вынулъ изъ кармана чернилицу и вложилъ ему въ руки перо и говоритъ: Подписывайте скорѣе... Гдѣ же вы пишете? Вы это вверхъ ногами подписываете. Голова опомнился, выпрямилъ бумагу

и сталъ подписывать, по слову складывая свое имя и все ворча на писаря: «Я не люблю непорядковъ... я вамъ не Евдокимъ.... у меня неправдою не возмете....» Писарь схватилъ подписанный рапортъ, скорѣе домой и — написавъ на конвертѣ: о самонужнѣйшемъ—на всю ночь отправилъ къ исправнику. Панъ-голова еще смогъ дойти до своей хаты, потому-что она была близко, и онъ былъ мужикъ крѣпкій; а прочіе судящіе зашли не знать куда и уже утромъ подняли ихъ, лежавшихъ всю ночь на улицахъ. Знатно учинили слѣдствіе.

Страдаетъ нашъ Левко въ оковахъ, запертъ въ *холодную*. Проходитъ день, другой и третій. Караульные не пускаютъ Ивги и близко; она приноситъ ему ѣсть, а больше всего ей хочется выспросить, начто онъ бралъ эти проклятыя деньги? Хотѣла посовѣтоваться, какъ-бы выпутаться изъ этой бѣды и затушить все дѣло. Такъ караульщики гонятъ ее прочь... Воротится, сердечная, домой и за слезами свѣта не видитъ!

Тимоха же не нарадуется, что упёкъ Левка, принялся хозяйничать, самъ не уважая ни въ чемъ горюющей Ивги; а все водится съ писаремъ.... И вотъ чудно: не Тимоха угощаетъ, а писарь все подчиваетъ Тимоху и все обнадеживаетъ, что Левка сошлютъ въ Сибирь, наказавши плетьми; «я, говоритъ, такъ заправилъ дѣломъ, написалъ все и даже то, что онъ

самъ во всемъ сознался; все хорошо обработалъ и избавлю тебя отъ врага и супостата; сестру же, хоть принудь, а выдай за меня; мнѣ не нужно ни имущества и ничего, только одну ее; всё тебѣ оставлю.» Хотя же онъ такъ и говорилъ, но обманывалъ Тимоху: ему не Ивга нужна была, а имущество; какъ же его было очень много, такъ онъ располагалъ Тимоху, за худое поведеніе, отдать въ солдаты, а самому управлять всѣмъ; съ старымъ же Макухою думалъ управиться такъ: «подведу, чтобы его, какъ богатѣйшаго въ селѣ, избрали сборщикомъ податей, да и запутаю его въ счотахъ; тогда отберу у него всё; когда поддастся, то и оправлю его дѣла, а если нѣтъ, то не отвернется, упрячу его на поселеніе. Туда ему и дорога! Ивгу приколочу разъ нѣсколько; по-неволѣ не будетъ мнѣ мѣшать ни въ чемъ.... Тогда, разбогатѣвши, при моемъ дарованіи, навѣрно буду засѣдателемъ.... Хемъ, хемъ!» Писарскіе замыслы!

Дня четыре не было ничего... какъ вотъ прибѣжалъ передовой козакъ съ извѣстіемъ, что за нимъ ѣдетъ и самъ панъ-исправникъ. Бросились собирать у хозяевъ куръ, яица; послали въ городъ накупить и *ренскаго* (винограднаго вина, какаго бы ни было, все называемаго «ренскимъ»), и за Французскою водкою; какъ же назавтра была пятница, и панъ-исправникъ въ этотъ день ни за какія блага скоромнаго не кушалъ, то и приказано купить *кавьяру*

(икры), Крымскихъ сельдей, свѣжопросольной осетрины, лучшей рыбы свѣжей, раковъ и булокъ. «Извѣстно, ИХЪ высокоблагородіе для насъ трудится и безпокоится, такъ и намъ, съ своей стороны, должно во всемъ его успокоивать.» Такъ объяснялъ голова съ писаремъ на сходкахъ при часто случающихся издержкахъ подобнаго роду.

Какъ вотъ прискакалъ и панъ-исправникъ, съ двумя колокольчиками, съ письмоводителемъ и въ препровожденіи двухъ козаковъ....

«Гдѣ квартира?» спросилъ онъ грозно.

Повели къ Макухѣ; но прежде выгнали всѣхъ остановившихся тамъ проѣзжающихъ, которыхъ уже, безъ Ивги и Левка, не очень много было: отъ непорядковъ, начали оставлять этотъ постоялый дворъ.

Войдя въ хату, исправникъ прежде всего помолился Богу, а потомъ и закричалъ: «есть ли что обѣдать?» Есть, ваше благо.... тее-то.... ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ писарь съ унизительною покорностію. Но не соизволите ли прежде всего слѣдствіе....» Пошелъ вонъ, дуракъ! закричалъ на него его высокоблагородіе, затопалъ ногами— и слѣдствіе, которое писарь подносилъ, соизволилъ швырнуть ему въ рожу: «что ты меня моришь дѣломъ? я и безъ

того измучился; сними съ вора допросъ, и подай мнѣ послѣ, а я теперь хочу обѣдать.» Поплелся нашъ писарь, ходя на цыпочкахъ, боясь обезпокоить его высокоблагородіе шумомъ ногъ своихъ; вышелъ въ сѣни, за хату, и началъ писать допросъ, будто записывая слова самаго Левка, котораго онъ со дня заключенія и въ глаза не видалъ. Панъ-исправникъ же между-тѣмъ соизволилъ обѣдать *знатно!* Только-что изволилъ откушать, какъ уже писарь и подбѣжалъ къ нему на цыпочкахъ. «Не соизволите ли подписать допросъ, ваше высокоблагородіе?» А ихъ высокоблагородіе соизволило, стуча крѣпко ногами, выругать еще его, что мѣшаетъ ему лечь отдохнуть послѣ обѣда — и прогналъ его, повелѣвъ повальный обыскъ объ арестантѣ учинить и кончить къ пробужденію его.

Послѣ отличнаго мірскаго обѣда, панъ-исправникъ «опочивалъ», потому-что много трудился съ курятиною и яичницею; письмоводителя же Тимоха Макушченко, употчивавши, сколько можно лучше, пригласилъ купаться и потомъ полежать въ лѣсочкѣ, куря трубки. А между-тѣмъ панъ-писарь собралъ людей большое число, привелъ къ волости и началъ спрашивать: «А что, люди добрые! кто знаетъ, есть ли за Левкомъ, пріемышемъ Макухи, *какія качества?...»* и замолчалъ, только перомъ поводя по бумагѣ. Старики пожали плечами; кто покашливаетъ, кто палкою землю ковыряетъ, но всѣ молчатъ. Наконецъ,

одинъ изъ нихъ вышелъ и сказалъ: «Это про Левка?... про Макухинаго пріемыша?... Есть ли у него качества?... гмъ, гмъ!... Пускай Богъ сохранитъ! Нѣтъ за нимъ ничего. Я дамъ присягу и долженъ сказать по правдѣ, что онъ дитя доброе, хлопецъ смирный, работящій, и если бы не онъ у Макухи присматривалъ съ Ивгою за порядкомъ, то до сихъ поръ ничего бы не осталось....» — Такъ ли всѣ говорите?— спрашивалъ писарь, а самому крѣпко досадно было, что хвалили Левка, но.... нечего дѣлать! «Всѣ, всѣ въ одно слово говоримъ, какъ присягали....» зашумѣла громада. — Хорошо же, хорошо; давайте руки и идите по своимъ домамъ.—Отобравши отъ нихъ руки и отпустивши ихъ, началъ писать по своей волѣ: «что *такіе-то* изъ-подъ присяги показали, что Левко воряжка, бездѣльникъ, бродяжничаетъ по другимъ селамъ, къ домостроительству не способенъ, въ воровствѣ, пьянствѣ, дракахъ и прочихъ *качествахъ* упражняется частовременно, и что имъ довольно извѣстно, что хотѣлъ обокрасть хозяина своего, и потому они не желаютъ принять его на жительство, и просятъ или отдать въ солдаты, или сослать въ Сибирь на поселеніе.» Такой обыскъ не побоялся панъ-писарь грѣха подписать за всѣхъ тѣхъ людей, что давали ему руки въ одобреніе Левка, а онъ, видите, какъ дѣло искривилъ!... О писарьская душа!...

Такія же точно и свидѣтельскія показанія написалъ: кто вынималъ деньги изъ кармана, кто ихъ

пересчитывалъ, какъ Левко ихъ отнималъ, какъ въ томъ признавался — и все, все списалъ и подписалъ за нихъ, чего они и не думали говорить. Собравъ слѣдствіе, явился у квартиры исправника.

Тотъ, выспавшись *любезно*, вызѣвавшись, вытянувшись разъ десять, всталъ и велѣлъ *подчивать себя* чаемъ. Подливая Французской водки, пьетъ чай и куритъ трубку. Какъ вотъ, послѣ седьмой чашки, крикнулъ:

«Писарь! поди сюда!.»

Вошелъ нашъ писарь, тихо ступая, и сталъ у двери, быстро глядя въ глаза пану-исправнику; а мысль такъ и бѣгаетъ у него сюда и туда, что о чемъ быто панъ-исправникъ его ни спроситъ, что бы тотчасъ и отвѣчать: о недоимкѣ ли, о дорогахъ, или о проходящихъ командахъ, или о надѣленіи жителей землею; у него все уже подобрано, на все ложь готова — и какъ его ни разспрашивай, онъ изворотится, *отбрешется*.

«А что слѣдствіе?» спросилъ панъ-исправникъ.

—Окончено, ваше бла... тее-то... ваше высокоблагородіе! И допросъ, и свидѣтельскія показанія, и метрика, и обыскъ....

«Покажи. Это письмоводитель производилъ?»

Нѣту, ваше высокоблагородіе! Ихъ благородіе отлучалися ради тѣлесной чистоты въ оное мѣсто, сирѣчь, въ рѣчку, измыть плоть свою; такъ я, дабы неудержанно....

Панъ-исправникъ долго переворачивалъ листы и потомъ сказалъ: «Исправно, хорошо. Такъ и нашъ засѣдатель Марко Побей-печь не сведетъ концовъ.... Хорошо, я все подпишу дома. Вели запрягать лошадей.... Кто тамъ хнычетъ на крыльцѣ?

То плачетъ наша бѣдная Ивга, что нетерпѣливо ожидала исправника, надѣясь, что онъ, по обязанности своей, защититъ ея Левка; и когда онъ пріѣхалъ, такъ она не отходила отъ холодной, ожидая, что поведутъ Левка къ исправнику, такъ и она пойдетъ за нимъ и будетъ слушать, что онъ покажетъ при допросѣ: какой нечистый научилъ его отбить отцовскій сундукъ и взять деньги?

На вопросъ исправника панъ-писарь *проглотилъ душу* и собрался лгать. Пригладилъ чубъ, кашлянулъ, подтянулъ поясъ, и слыша, что «когда человѣкъ лжетъ, такъ тѣ человѣчки, что у каждаго въ глазахъ находятся, станутъ вверхъ ногами»; такъ онъ, чтобы скрыть эту улику, опустилъ глаза въ землю, и началъ говорить: «то, ваше высокоблагородіе, хо-

зяйская дочерь; есть прослышенный рекрутскій наборъ; такъ она ужасается, чтобъ ея единоутробнаго брата не возымѣли....

«Развѣ онъ худаго поведенія?»

— Нѣту, ваше высокоблагородіе; за нимъ качествъ никакихъ не имѣется, и суть двудушная сказка; но женское дѣло, глупость свойственная....

«Скажи ей, чтобы не боялась ничего. Вели подавать лошадей. Арестанта отправляй въ городъ тотчасъ. Пока я пріѣду, чтобы онъ былъ тамъ; я его тотчасъ рѣшу. За такимъ въ дорогѣ надо смотрѣть построже, чтобы не ушелъ.»

— Подозвольте, ваше высокоблагородіе, мнѣ самому препроводить его и квитанцію получить. Къ тому же и дѣло въ судъ имѣется....

«Хорошо, веди самъ. Пошелъ. Пошли мнѣ голову.»

Панъ-писарь повернулся на одной ногѣ, словно юла, только чубъ заболтался... и исчезъ.

Тотчасъ за нимъ вошелъ къ исправнику голова и плотно притворилъ за собою дверь. Что-то долго говорили они между собою; слышно было, что и зве-

нѣло.... кое-что... кто говоритъ, поличное, съ которымъ схватили Левка, пересчитывали; а кто говоритъ, что чашки звенѣли, а можетъ, и то и другое; мы тамъ не были, такъ и не знаемъ, да и не наше дѣло. Мы разсказываемъ про Левка и про Ивгу, а между ихъ не мѣшаемся, чтобы, иногда, чего лишняго не сказать или не недоговорить. Оставимъ ихъ, пойдемъ пока за писаремъ, будемъ смотрѣть, какъ тотъ хитритъ.

Выскочивши отъ исправника и увидя стоящую на крыльцѣ Ивгу и горько плачущую, онъ сказалъ ей: «Не плачь, голубка! Проси убѣдительно ихъ высокоблагородіе пана-исправника; они помилуютъ, можетъ, оставятъ Левка дома; лишь бы въ солдаты не взялъ. Проси, сколько можно!...» И побѣжалъ къ своему дѣлу. Караульные и провожатые мигомъ у него поспѣли; не дали Левку и опомниться, схватили, связали руки и повели въ городъ; панъ-писарь же ѣдетъ назади и наблюдаетъ, чтобъ все исправно было....

Ихъ высокоблагородіе панъ-исправникъ, кончивши свое дѣло съ головою, вышелъ садиться въ повозку, какъ тутъ на крыльцѣ Ивга бросилась ему въ ноги: Батечку, голубчикъ! Не отдавайте моего Левка..!... *и заголосила.*

А исправнику и нужды нѣтъ, кто Левко, кто Марко, и полагая, что она проситъ о своемъ братѣ, чтобъ его не брали въ солдаты, пихнулъ ее ногою и закричалъ на нее: «чего ты, дура, боишься? не возьмутъ, не возьмутъ....»

—Прикажите его отпустить, ваше осiятельство!... голосила Ивга, бѣжавши за нимъ къ повозкѣ и хватая его за полы сюртука. А онъ, куря трубку, вскочилъ на повозку и говоритъ ей: «Прикажу, прикажу. Его не возьмутъ.... Пошелъ отъ нея скорѣе....»

Кони помчали, колокольчики зазвенѣли, два козака впереди и третiй еще съ-боку поскакали, а ихъ высокоблагородiе, панъ-исправникъ, произведя слѣдствiе, протянулся въ повозкѣ и началъ думать свое; а письмоводитель, выкупавшись хорошенько и погулявши въ лѣсочкѣ, сѣлъ на свою повозку и поѣхалъ, думая свое.... и скоро скрылись.

Чего, снесеннаго съ-мiру на четвергъ и купленнаго на пятницу, не докушало ихъ высокоблагородiе, все осталось головѣ. Куда же бы его и дѣвать?

Ивга же, услышавши такое милостивое рѣшенiе отъ пана-исправника, не помня сама себя отъ радости, скорѣе къ холодной.... Какъ уже его и отпустили? такъ она думала. Дверь отворена, сторожей нѣтъ... Она въ волостное правленiе.... Какой тамъ нечистый

будетъ, когда уже проводили пана-исправника? Теперь ихъ въ три дня не соберешь. Не случится ли еще чего, такъ, ожидая вновь исправника или засѣдателя, тогда-только будутъ у своихъ мѣстъ.

Нашей Ивгѣ такъ весело на душѣ, что она ни о чемъ и не безпокоится. Думаетъ, что когда Левка, по приказу исправника, выпустили, то онъ, можетъ, побѣжалъ къ рѣкѣ выкупаться, а тамъ еще зайдетъ къ *дядинѣ*, пообѣдаетъ.... Въ такихъ мысляхъ пошла скорѣе домой и, ожидая Левка, вновь принялась за хозяйство. То съѣли, то выпили, то забрали, того не досмотрѣли.... разореніе, да и полно! Всплакнула немного, нечего дѣлать, принялась: прибираетъ, собираетъ, прячетъ, хлопочетъ и все ожидаетъ Левка... «Можетъ, остался полдничать у дядины? И хорошо сдѣлалъ — что бы я тутъ нашла ему? Какъ будто послѣ Татарскаго набѣга, ничего нѣтъ! Вотъ и вечеръ. Можетъ, онъ тамъ и переночуетъ, чтобъ хорошенько отдохнуть, а завтра придетъ и примется за дѣло...

«Вотъ и утро... нейдетъ Левко!... Эге! — все думаетъ Ивга — знаю, знаю. Это онъ пошелъ къ людямъ за деньгами, что должны ему; видно хочетъ послѣ такаго безпокойства кончить скорѣе наше дѣло и чтобъ вытти намъ отъ отца на собственное хозяйство. Когда бъ же скорѣе собралъ и пришелъ; панъ-отецъ обѣщался тотчасъ насъ обвѣнчать и, по нашей бѣдности, немного взять за вѣнецъ....»

И обѣдъ и полдникъ кончился, а Левка нѣтъ. Ввечеру начала Ивга тужить: одно то, отецъ очень сердится, ходилъ къ головѣ, спорилъ съ нимъ за какія-то деньги, что не возвращаютъ; а голова говоритъ, что то поличное, которое, по порядку, никогда не возвращается хозяину. А то и Тимоха.... кто его знаетъ, откуда онъ уже беретъ деньги! Все съ людьми водится и къ себѣ наводитъ; и когда бы же люди порядочные, а то негодяи, какъ и самъ. Наведетъ ихъ полную хату; то если и покажется какой проѣзжающій, онъ его выгонитъ, пьетъ, гуляетъ, музыка, пѣсни; бьетъ окна, чарки, бутылки; на сестру кричитъ словно на работницу и не даетъ ей, сердечной, порядкомъ за что взяться. Верховодитъ и толчется, какъ Марко по пеклу (въ адѣ). Нѣтъ ей ни въ чемъ воли, а тутъ еще и Левко нейдетъ, не съ кѣмъ ей и посовѣтоваться...

Такъ она ожидала его день и другой. Нѣтъ, нейдетъ, не возвращается Левко! Можетъ, отъ стыда, что его теперь всѣ будутъ называть «воромъ», такъ онъ боится глаза показать? Пошла бы къ тѣмъ людямъ, что должны ему, да распросила бы ихъ, приходилъ ли онъ къ нимъ, такъ не знаетъ, кто именно ему долженъ. На третій день вздумала итти къ его дядинѣ; та навѣрное знаетъ, гдѣ онъ находится и что думаетъ дѣлать съ собою. Вотъ и пошла.

Какъ же увидѣла ее Горпина, Левкова дядина, такъ и затрещала на нее: «Съѣли, съѣли моего Лев-

ка! Гдѣ вы его дѣвали? Развѣ за-тѣмъ взяли бѣднаго сироту, чтобъ вовсе погубить его? Взялъ ли тамъ сколько денегъ, или еще только сбирался взять, а вы его скорѣе и погубить? Да хоть бы и взялъ сколько-нибудь, такъ развѣ онъ вамъ не заслужилъ того? Пріемышъ живетъ какъ сынъ у отца, а онъ былъ у васъ какъ крѣпостной; ночь и день все работалъ, присматривалъ, хлопоталъ, словно за своимъ добромъ. Хорошо же вы ему отблагодарили, что человѣкъ, бывши въ крайней нуждѣ, и знавши, что никто ему не поможетъ, рѣшился тихонько взять.... Ну, и нужды нѣтъ: поймали на воровствѣ, такъ было дома и наказать по волѣ, а то заперли въ холодную на цѣлую недѣлю....»

—Да уже его, тетушка, выпустили оттуда; самъ исправникъ пріѣзжалъ и отпустилъ....

«А чтобъ выпускала лихая година да несчастливая и вашего исправника, и стараго лысаго Макуху со всѣмъ вашимъ сквернымъ родомъ и приплодомъ! такъ вопила Горпина. Выпустили! Вотъ такъ ты выпускай! Руки связаны, ноги въ желѣзахъ; сторожей, да караульныхъ съ преужасными дубинами, какъ будто за душегубцемъ, настоящимъ разбойникомъ.... Повели сердечнаго! Можетъ, до города ему не дадутъ ни сколько и отдохнуть.

— Съ какими дубинами?... до какаго го... города? Едва могла проговорить Ивга, а сама помертвѣла, и ноги и руки затряслись....

«Съ какими дубинами?» дразнила ее Горпина. Ты, голубушка, и не знаешь ничего? Съ такими, что если бы изъ нихъ, хотя одною, одинъ разъ угрѣть твоего глупаго *батька*, такъ онъ бы и не всталъ; а бѣднаго *хлопца* въ препровожденіи десятка такихъ повели....»

— Да куда же повели?... говорите скорѣе, *титуся*?...

«Куда? Туда, *гдѣ козамъ правятъ рога*, куда бы сослать и твоего *батька* и брата, Тимоху развратнаго, и тебя, славную панночку, что умѣла хлопца только одуривать тѣмъ, что будто выйдешь за него, и все для того, чтобъ онъ работалъ вамъ. Какъ же увидѣли, что уже безъ него справитеся, такъ тогда и можно ѣсть человѣка. Иди же теперь, другихъ одуривай!...» и начала Горпина плакать о своемъ племянникѣ.

Глядя на нее, плакала горько и Ивга и просила Горпину, что хотя бы на нее не сердилась; и разсказала все, что у нея происходило съ исправникомъ, и какъ онъ обѣщался отпустить Левка....

Понемногу смягчилась Горпина и объяснила ей, какъ повели Левка въ городъ, за какимъ карауломъ и съ какими провожатыми, и повели прямо въ острогъ....

Какъ это поразило Ивгу! Не сказавши ни слова Горпинѣ, она пошла отъ нея домой... долго и горько плакала.... потомъ, что вздумала? Начала собираться: навязала въ мѣшокъ, чего ей было надо.... Денегъ нужно — своихъ нѣтъ. Что пріобрѣталось по хозяйству, отдавала отцу, а у него просить не хотѣла, чтобъ не сталъ выспрашивать, для чего ей нужны деньги. Пошла къ сосѣдямъ, заложила намисто, дукаты, кресты и лучшія плахты, запаслася деньгами, увязала все, какъ должно; мѣшокъ нацѣпила на себя, подпоясала свиту, взяла палку въ руки, помолилась въ церкви Богу; горько, горько заплакала и... пошла!

Уже довольно далеко отошла отъ своего села — а съ самаго утра ни пила, ни ѣла ничего. Куда ей ѣсть? Ей и на мысль ничего нейдетъ! Идетъ, идетъ... какъ вотъ.... увидѣла.... и узнала писаревыхъ лошадей, навстрѣчу къ ней ѣдущихъ. Полагая, что онъ тутъ, она скорѣе спряталась въ высокую траву и прилегла въ ней. Онъ, не видя ее и поя во все горло псальму: «*склонитеся, вики, со человики!*» проѣхалъ мимо нея.

Когда уже совсѣмъ писаря не видно было, она хотѣла встать.... такъ что же?... совсѣмъ не можетъ! Горло пересохло; не ѣвши отощала; ноги не служатъ, а въ мысляхъ все бѣда и горе!... Встала, силится, едва-едва переступаетъ... и какъ на-бѣду, никто не встрѣтится, чтобъ подвезти ее.... Поздно вечеромъ, насилу добрела она до города: тамъ была у нея пріятельница, вдова; она къ ней.... ее приняли, накормили и успокоили.

Утромъ, расказавши пріятельницѣ, за какимъ дѣломъ она пришла въ городъ, и посовѣтовавшись съ нею, пошли вмѣстѣ къ острогу. Получивъ отъ нихъ грошъ, солдатъ пошелъ доложить, что такому-то арестанту пришли подать рубашку и булочку. Когда же вышло дозволеніе, такъ еще дали гривну, пока ихъ впустили въ острогъ. Тутъ къ нимъ вышелъ Левко... Мати Божія! Онъ ли это? Рубашка на немъ грязная, вся въ дирахъ; босой, обросъ бородою; половина волосъ на головѣ вдоль выбрито, совсѣмъ какъ у каторжнаго.... Ивга и не узнала бы его, если бы онъ не отозвался къ ней:

«Ивга! Ты меня еще не забыла? и здѣсь нашла!»

Ивга стоитъ какъ окаменѣлая, трясется, и свѣтъ блѣднѣетъ въ глазахъ. Едва могла проговорить: Что ты это надѣлалъ?...

«Знаю, что я сдѣлалъ. Не боюсь Бога милосердаго, не боюсь и суда. Почему съ меня допроса не снимаютъ? Какъ бы меня спросили въ судѣ, я бы все расказалъ....

—Раскажи мнѣ... пускай я буду знать, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?...

«Тебѣ всю правду раскажу; но и допросъ надобно же съ меня снять. Вотъ слушай и судьямъ скажи: Когда я остался въ свѣтлицѣ....

А зачѣмъ арестантъ разговариваетъ съ бабами? увидѣвши ихъ, закричалъ сержантъ: Гоните ихъ вонъ. Подали милостыню, ну и далѣе.

Тотчасъ и увели Левка; насилу успѣла Ивга отдать ему принесенное. Солдатъ взялъ ихъ за руки и вывелъ изъ острога.....

Что теперь дѣлать Ивгѣ? Левка еще не допрашиваютъ въ судѣ.... Онъ что-то имѣетъ расказать... и отъ того онъ не боится ничего.... Что будетъ, то будетъ: пойду въ самый судъ; попрошу, чтобы скорѣе его допросили; вотъ тогда, когда онъ не такъ много виноватъ, то его и отпустятъ....

Не знаю, другая на ея мѣстѣ осмѣлилась ли бы итти въ судъ? Какъ бы другая и доспросилася, а ей

и нужды мало: живая, проворная, смѣлая, въ словахъ бойкая безъ болтовни—а все тихо, учтиво, скромно; ее никто не одуритъ, ни испугаетъ, ни остановитъ, ни съ намѣренія не собьетъ; когда что придумала, такъ уже она не остановится, доведетъ до конца; ума въ ней было много: отъ матери своей набралась. Такъ такая не дойдетъ, куда ей надо и куда задумала? Оглянувшись туда-сюда, перекрестилась.... и пошла!

Спрашивая у встрѣчающихся съ нею, наконецъ доискалася, гдѣ тотъ судъ, что исправникъ присутствуетъ. Вошла.... писарей не мало, а народу столько, что и пробраться нельзя. Тутъ привели арестантовъ; тутъ солдатъ о квартирахъ, тутъ человѣкъ жалуется, что чужой скотъ выбилъ у него гречиху; тутъ старая мать съ просьбою на дѣтей, что не хотятъ кормить ее; тутъ о ворахъ, тутъ о пожарѣ, о скоропостижно умершемъ, и о всякой, всякой нуждѣ хлопочутъ, а судящіе только порядокъ всѣмъ даютъ.

Осмотрѣвшися, наша Ивга, прислушавшися и приглядѣвшися ко всему, стала между народомъ пробираться. Вотъ и дошла до какаго-то railroad писушки въ затрапезномъ халатѣ, поклонилась и спрашиваетъ: Если бы вы, *панычен ько*, сдѣлали милость, да скорѣе допросили бы моего Левка.

«Какаго тамъ Левка?... Поди-себѣ и съ нимъ! Тутъ некогда, а она носится съ своимъ Левкомъ.

Не оробѣла Ивга, а тотчасъ на хитрости. Она подумала, что это еще должна быть не велика птица, когда въ халатикѣ; зассорюся я съ нимъ, тогда старшій подойдетъ. Вотъ она на него съ упрекомъ: — Чего же вы тотчасъ сердитесь? Я васъ прошу, а вы, не знавши человѣка, тотчасъ и посылаете его сюда и туда. Сами бъ проходились....

«Что? Ты еще смѣешь и кричать на меня? Сторожъ, вытолкай ее.

— И, нѣтъ; вы меня не толкайте, еще громче начала говорить Ивга: я пришла за дѣломъ; такъ если вы *письменные*, то вы не выталкивайте, а выслушайте....

«Да что же ты тутъ расчебеталась? Я тебя тутъ за косу.... крикнулъ-было announcing писушка, да и прикусилъ языкъ, увидѣвъ вышедшаго кого-то—какъ пересказывала Ивга: рожа у него красная, обросъ бородою, лысый, въ очкахъ, въ кафтанѣ съ пуговицами, въ рукахъ держитъ бумагу, перо за ухомъ, и очень видно, что много нюхалъ табаку. Вошедши спросилъ: Кто смѣетъ здѣсь кричать?

Пописушка тотчасъ съ ябедою, что вотъ дѣвка учинила смятеніе; а Ивга, видя, что достигла до своего, вызвала старшаго, осмѣлилась и говоритъ: «И, нѣтъ, паныченько, *не брешите*.... и разсказала, какъ было дѣло, и тутъ напомнила о дѣлѣ Левка. Вышедшій же былъ секретарь.

Онъ оставилъ ихъ разбирать и скорѣе спросилъ: Какой это Левко? А! это тотъ, что двѣсти рублей укралъ у хозяина?

— Нѣтъ, сударь. Еще допросите его; онъ при допросѣ вамъ все раскажетъ, что и для чего онъ это дѣлалъ. Пошлите-ко за нимъ и при мнѣ допросите; можетъ, онъ не совсѣмъ и виноватъ.

«Вотъ такъ еще! сказалъ секретарь: для тебя станемъ его десять разъ приводить и допрашивать? Онъ уже повинился; онъ уже и не въ нашемъ судѣ.

— Гдѣ же онъ, добродіечко? И при этихъ словахъ душа у нея замерла, когда услышала, что Левко уже во всемъ признался....

«Тамъ, гдѣ должно. Мы дѣло о немъ послали далѣе, сказалъ секретарь и, поворотясь, пошелъ къ своему мѣсту.

Что теперь Ивгѣ дѣлать? Совсѣмъ бѣда! Левко говоритъ, что его не допрашивали, а въ судѣ сказали, что онъ во всемъ повинился, и уже не въ семъ судѣ. Гдѣ же?

Ивга въ большой тоскѣ вышла изъ суда и думаетъ: «Пойду къ Левку, потоскуемъ вмѣстѣ и посовѣтуемся, что мнѣ теперь дѣлать?

За обѣдомъ у хозяйки поѣла ли чего или нѣтъ, скорѣе отобрала всего съѣстнаго и понесла къ Левку въ острогъ....

«Не ходи! отозвался къ ней солдатъ, ходящій съ ружьемъ около острога.

«Это я, господа служба, пришла къ Левку. Меня и утромъ пускали....

—Утромъ пускали, теперь не велѣно.

«Кто же не велѣлъ?

—Изъ суда принесена записка: не допускать къ нему никого.

«Будьте ласковы, господа служба, скажите, водили ли сегодня Левка въ допросъ?

—Нѣтъ. Сказано, что онъ такаго надѣлалъ, что ему и безъ допросу худо.

«О Господи милостивый! заплакавши сказала Ивга: что онъ такаго надѣлалъ? Совсѣмъ положили погубить человѣка!.... Да уже....!» За слезами не видѣла, куда и итти.

Какъ ни крѣпко горевала Ивга, какъ ни страдала, а таки-доспросилася, въ какомъ судѣ Левко судится, кто судящіе и гдѣ живутъ. Одинъ человѣкъ посовѣтовалъ ей сходить къ каждому въ домъ и просить; а то—говоритъ—какъ пойдешь въ судъ, то или тебя не допустятъ, или не выслушаютъ хорошо; у нихъ не одно дѣло. Утромъ пошла Ивга къ одному.

Домъ хорошій; она вошла.... Сидятъ молодые люди вокругъ стола, трубки курятъ и въ карты играютъ, по замѣчанію Ивги, по-пански: кто остался дуракомъ, тотъ и платитъ деньги. Она судила, что и нѣтъ другой игры, какъ *въ дурачки*.

Ивга, не понимая ничего, всѣмъ поклонилась и начала жалобно просить: «Паны мои милые, паны мои любезные! Кого изъ васъ просить мнѣ о моемъ Левкѣ?

Какъ же взглянули на нее эти молодые люди, какъ захохочутъ, начали подсмѣивать надъ нею и шу-

тить надъ просьбой ея до того, что бѣдная Ивга не знала, куда и дѣваться ей. Оправясь немного, она сказала: «Не грѣхъ ли вамъ, паны, смѣяться надъ бѣдною дѣвкой, которой, видно, большое горе, что сама къ вамъ пришла просить о своей нуждѣ? *Пускай же вамъ сей и той.* Когда по моему дѣлу въ васъ вся сила, мнѣ нужды нѣтъ: я дойду вездѣ, не будетъ по-вашему. А только скажу, что вамъ стыдъ и срамъ: вы паны, вы письменные, вы читаете въ книжкахъ, какъ должно помогать несчастному; а вы, вмѣсто того, не распросивши, чего я и зачѣмъ? начали смѣяться надо мною! Развѣ на то Богъ удостоилъ васъ быть судьями такихъ же людей, какъ и сами вы, и общество васъ избрало какъ я добрыхъ, чтобъ вы, забывши свое дѣло, играли въ дурачки и безъ вниманія оставляли бѣднаго страдать? Играйте же себѣ, играйте! Пускай невинные бѣдствуютъ въ острогахъ; вамъ некогда....» И много такаго рѣзала имъ Ивга отходя; пускай слушаютъ на здоровье. Не справедливо ли она говорила? Когда ты судья, такъ оставь карты, игры и пляски. Далъ Богъ день, иди къ своему дѣлу и разсматривай прилежно, чтобъ поступить по всей справедливости, а потомъ уже гуляй. Вотъ солдатъ: онъ оставляетъ все и идетъ на ученье, откуда не возвращается, пока всего не кончитъ; такъ и тутъ.... Но... не наше дѣло учить пановъ; зацѣпи ихъ только, то и самъ нерадъ будешь. Будемъ лучше про Ивгу расказывать.

На другой день пошла она къ судящему. Смотритъ: *панокъ* плохенькій, невеликъ, сухой, худой, сѣдой, ходитъ-себѣ по горницѣ и думаетъ что-то. Ивга, примѣтивъ, что онъ глядитъ какъ добрый, поклонилась ему низко и говоритъ: «Позвольте, добродѣю, просить васъ о нуждѣ.

— А о какой нуждѣ? спросилъ панъ, остановясь и наклонивъ голову.

«У моего отца, говоритъ Ивга, былъ пріемышъ Левко. Отецъ и братъ мой тяжло не любили его и довели до того, что онъ, на бѣду себѣ, потянулъ изъ отцовскаго сундука денегъ; такъ его взяли и здѣсь держатъ въ острогѣ, а допроса не снимаютъ. Такъ будьте ласковы, повелите снять съ него допросъ, да и дѣлайте, что знаете....

— Гдѣ же твой отецъ? спросилъ судья важнымъ голосомъ.

«Да мой отецъ дома, въ селѣ.

— Какъ же мы съ него снимемъ допросъ, когда онъ дома?

«Да нѣтъ; не съ отца, а съ Левка.

— Вѣдь же отецъ твой Левко?

«Да нѣтъ: Левко пріемышь, а отецъ-таки отецъ.

Вѣдь же Левковы деньги украдены, такъ зачѣмъ же съ него допросъ снимать?

Да нѣтъ: у моего отца деньги Левко укралъ или что, такъ сидитъ въ острогѣ; я его видѣла, и онъ мнѣ говорилъ, что его не допрашивали.

—Ну, а теперь выпустили тебя изъ острога, или какъ?

Да нѣтъ: не я сидѣла въ острогѣ, а сидитъ Левко; такъ допросите его, на-что онъ бралъ деньги моего отца?

—Какъ же это? Обокралъ отца, и отецъ сидитъ въ острогѣ?

«Да нѣтъ: не отецъ въ острогѣ, а Левко.

—То-то же, то-то же, я понимаю. Сынъ пошелъ въ острогъ вмѣсто отца, по своей охотѣ, что ли?

Да нѣтъ: вотъ не понимаютъ! Не сынъ, а пріемышь.

—Что же ты мнѣ десять разъ расказываешь и все не такъ. Отецъ съ пріемышемъ тебя обокралъ? Такъ?

«Да нѣтъ: подозвольте, я вамъ все сначала раскажу.» И опять все расказала подробно и ясно, хоть на бумагѣ пиши.

А панъ-судящій только все киваетъ головою и приговариваетъ: «такъ-такъ; понимаю; знаю.» А потомъ и брякнулъ:

—Вотъ теперь такъ. Какъ расказала, такъ я и знаю. Видишь ли же ты, чего просишь? Этаго не можно. Ты просишь, чтобы брата твоего выпустить, а намѣсто его посадить Левка. Нѣтъ, нѣтъ, голубушка; этаго не можно. Кто заслужилъ, пусть тотъ и отвѣчаетъ. Я на неправду не пойду.

«Да нѣтъ!» даже прикрикнула сердечная Ивга, уставши толкуя: «Левка допросите, Левко виноватъ...»

—Опять говоришь, Левко виноватъ. Тебя и съ десятью головами не поймешь. Иди-себѣ домой. Ты мнѣ вотъ этакую голову натурчала. Расказываетъ, и все не такъ. Меня къ неправдѣ не подведешь. Я все вижу. Иди, иди-себѣ домой. Я и самъ пойму, что мнѣ должно дѣлать.

«Вотъ уже лихая година съ такими судящими!» сквозь слезъ говорила Ивга, возвращаясь къ хозяйкѣ. «Вотъ никакъ не пойметъ, что ему толкуешь. Бѣда и полно!»

—Пойди еще къ самому судьѣ— сказала ей хозяйка; говорятъ, что въ немъ вся сила; онъ надъ всѣми наистаршій. И знаешь ли что, Ивга? Понеси ему что-нибудь. Все-таки учтивѣе.

«Что же я понесу ему, когда у меня нѣтъ ничего?

—Бубликовъ связки двѣ*. Онъ у насъ не разборчивъ; я когда-то отнесла ему по дѣлу пятокъ печеныхъ яицъ: не поцеремонился, спасибо ему; взялъ и дѣло сдѣлалъ.

Купила Ивга двѣ связки бубликовъ и пошла съ ними къ судьѣ. Вошла. Онъ ростомъ высокій, толстый, мордатый; носъ къ верху поднявшійся; глаза какъ фонари, да и во всемъ также хорошъ. Онъ собирался уже итти въ судъ.

Ивга помолилась Богу, поклонилась судьѣ, и положивши бублики на столъ, начала расказывать и просить о своемъ дѣлѣ. Лишь только судья увидѣлъ бублики, такъ и бросился на нихъ и началъ жрать. Ротъ большой, щоки толсты; такъ бубликъ цѣлый такъ и впихнетъ въ ротъ, не очень пережевываетъ, разомъ глотаетъ: давится, изъ глазъ слезы текутъ, а

* Бублики, родъ баранокъ, гораздо большаго размѣра. Пекутся на постномъ маслѣ и макѣ; въ связкѣ шесть бубликовъ.

онъ спѣшитъ управиться съ ними; видите, какъ онъ поспѣшаетъ на службу.

Когда же Ивга расказала ему все, а онъ между-тѣмъ поглоталъ всѣ бублики, то Ивга и говоритъ ему: что же вы мнѣ, ваше благородіе, скажете?

А вотъ что я тебѣ скажу, говорилъ судья, дожевывая остатки: а вотъ что ты мнѣ скажи.... гдѣ ты такихъ знатныхъ бубликовъ купила?

«Кушайте на здоровье, ваше благородіе. Гдѣ купила? Извѣстно на базарѣ. Что же вы скажете о моемъ дѣлѣ?

—Вотъ бублики, такъ-такъ!—облизываясь и чавкая говорилъ судья. О твоемъ дѣлѣ? И, что я люблю, маку много.... о дѣлѣ? И масла много... вкусны, очень вкусны!... о твоемъ дѣлѣ? да поджарены!... Я еще твоего дѣла не знаю, приди завтра; я завтра скажу тебѣ. И съ симъ словомъ, кончивши бублики, вышелъ изъ хаты, все прихваливая: «Вотъ бублики! Будь я бестія, если и дома ѣлъ такіе!

Вотъ теперь нашей Ивгѣ стало легче на душѣ, что понравилися судьѣ бублики, и она въ полной увѣренности, что онъ сегодня дѣло кончитъ и завтра выпуститъ Левка. Ужъ хоть бы и посѣкли его, лишь бы тутъ, а въ село не водили бъ; меньше бы стыда

отъ своихъ; тутъ уже его никто не знаетъ, такъ и нужды нѣтъ. Веселенькая пообѣдала, благодаря хозяйкѣ; пошила ей кое-что, напряла немного.... и побѣжала къ острогу. Такъ что же? «Не велѣно пускать» закричалъ солдатъ, и, разспросивши, Ивга узнала, что его вовсе не водили въ острогъ.

Бѣда и полно! Бьется сердечная, какъ щука объ ледъ и ничего не сдѣлаетъ! Пошла утромъ къ судьѣ: сказали, поѣхалъ въ свой хуторъ; праздники подошли, не будетъ суда.

Тоскуя и плача, дождалась Ивга будней; пріѣхалъ судья изъ хутора; она пошла къ нему и понесла четыре связки бубликовъ, печеныхъ на одномъ маслѣ и густо макомъ осыпанныхъ.

Судья только увидѣлъ ее, тотчасъ бросился къ бубликамъ, началъ жрать, а ей говоритъ: «Да какъ много!... Я заразъ не поѣмъ... а противъ тебя виноватъ: совсѣмъ позабылъ про твое дѣло! Да ужъ потерпи.... рѣшу и дѣло.... вотъ какъ и....

«Не забудьте, ваше благородіе, хоть сегодня!

— Забуду, ей Богу забуду. У меня столько дѣла, столько дѣла, что некогда носа утереть. Вотъ это поспѣшаю въ судъ. И началъ собираться, какъ же бубликовъ не могъ съѣсть, такъ пряталъ въ карманъ.

Ивга, видѣвши это, и говоритъ: «Вотъ же берете въ судъ бубличка, и когда станете ихъ кушать, то и вспомните, кто ихъ принесъ, и про меня вспомните.

—Пожалуй!—отвѣчалъ судья: — кушать между дѣломъ буду, да вспомнить не надѣюсь. У меня дѣла много: все надо подписывать, и я тогда ни о чемъ уже не помню, только подписываю. А лучше всего, вотъ что: Иди, душка, и ты къ суду и дожидай тамъ; я увижу тебя и вспомню. Съ симъ словомъ и пошелъ.

Нечего дѣлать — и Ивга за нимъ пошла....

Ходитъ около суда; въ сѣни войдетъ—не видно ей судьи; не вспоминаетъ онъ про нее; не шлютъ за Левкомъ. До сего времени, можетъ, судья всѣ бублички скущалъ, и когда при нихъ не вспомнилъ, то теперь уже совсѣмъ забудетъ. Такъ думала Ивга, сидя на крыльцѣ.

Какъ вотъ судящіе начали изъ судовъ выходить. Впереди всѣхъ шелъ судья, увидѣлъ Ивгу и тотчасъ вспомнилъ и говоритъ къ прочимъ: «И, нѣтъ, братцы, постойте, постойте! Есть важное дѣло. Подойди сюда, дѣвушка, и раскажи какое твое дѣло?

Ивга и начала расказывать.... какъ тутъ секретарь — по примѣтамъ Ивги — вовсе пьяная рожа, под-

скочилъ къ судьѣ и, нюхая табакъ, сказалъ: «Мы оное дѣло уже рѣшили.

—Когда? спросилъ судья.

«Еще у мимошедшій пятокъ, и вы соизволили подписать, чтобы онаго вора, мошенника наказать плетьми и сослать на поселеніе.

—Видишь!—сказалъ судья Ивгѣ:—я подписалъ, такъ уже не можно. Когда бъ сегодня, а то еще въ пятницу; скоро недѣля....

«Это, паночку, въ тотъ день, какъ я утромъ принесла вамъ вкусныхъ бубликовъ, сказала Ивга, желая упрекнуть судью.... а у самой слезы такъ и льются.... Сердечная! что узнала она!

Судья равнодушно слушалъ ее и еще подтакнулъ: Такъ, такъ, душка, такъ. Ты утромъ принесла, а я днемъ подписалъ. Такъ, это было въ пятницу.

«Хорошо сдѣлали. Богъ вамъ отдастъ!... Почему же вы его не допросили?

—А что, секретарь? Зачѣмъ мы его не допрашивали? спрашивалъ судья.

«Вотъ такъ еще; не допрашивали! Вѣдь вы же на допросѣ подписались?

«Подписать-то я подписалъ, да не помню, допрашивали ли его, и видѣлъ ли я его? не помню.

—Вы и никогда ничего не помните, такъ въ заключеніе сказалъ ему секретарь, надвинулъ шапку и пошелъ впереди судьи; а онъ также, и не взглянувъ уже на Ивгу, поплелся домой.

«Что мнѣ теперь дѣлать на свѣтѣ? — заголосила Ивга. Такъ вотъ его выпарятъ.... и сошлютъ.

—Еще не тужи, сказалъ одинъ приказный, выходя изъ суда: дѣло пошло еще въ губернію; тамъ пробудетъ съ Русскій мѣсяцъ; тогда пришлютъ сюда; да тогда уже накажутъ и сошлютъ.... сказалъ и пошелъ.

Съ большимъ трудомъ дошла Ивга до своей квартиры... плакала, горько плакала... цѣлый день ни ѣла, ни пила.... и чего уже въ сильномъ огорченіи не желала судящимъ! Что же? Сбудется ли имъ? Вовсе ничего. Такъ — *здѣсь*; но пусть появятся *туда*! Напомнятся имъ и бублики, и сахаръ, и изюмъ... Когда-то нѣтъ ли и послаще чего! Не пройдетъ имъ даромъ и то, что, не зная дѣлъ, садятся судить и, не имѣя понятія, подписываютъ, что поднесетъ секретарь.... Ничто не забудется имъ!...

Утромъ Ивга разсудила, что печалію ничего не сдѣлаешь; надо что-нибудь предпринимать. «Дѣло послали въ губернію; пойду и я въ губернію; что Богъ дастъ!» Не долго ей собираться: сложила въ мѣшокъ что было, повѣсила на спину, палочку въ руки.... пошла. Гдѣ устанетъ очень, припросится къ доброму человѣку и подъѣдетъ; а когда уже вовсе выбьется изъ силъ, то день-другой и пересидитъ. Сякъ-такъ и кое-какъ наша Ивга дотащилась наконецъ до губернскаго города....

«Что... это... такое?... Покрый Мати Божія!... такъ вскрикнула Ивга, увидѣвши съ горы — уже не свой маленькій, но большой губернскій городъ.... всплеснула руками и не знаетъ, какъ и разсматривать его.... Духъ занимается.... въ животѣ холодно.... Смотрю-смотрю.... и конца не видно!.... А церквей-церквей!... А хоромъ-хоромъ!... Ну, тутъ когда не пропаду, такъ добрая буду!... Уже-жъ!.. не ворочаться же назадъ.» Такъ думая, Ивга задумалась крѣпко; когда же задумалась, то и не страшно за нее. Не бойтесь, что она одна, безъ всякаго руководства, безъ чьего совѣта, будетъ обращаться въ такомъ огромномъ городѣ между панами (она думала, что какъ въ селѣ все мужики, а въ городѣ должны быть все «паны наголо»); она не придумаетъ, какъ къ кому подступить и какъ просить за Левка.

Вошедши въ первыя улицы города, она удостовѣрилась, что не одни паны въ городѣ живутъ, но и простаго народу довольно. Это ее успокоило и облегчило душу ея.

На ея счастье и пристала она въ выгодное мѣсто. Женщина съ одною только дѣвочкою приняла ее на квартиру съ условіемъ помогать ей въ работѣ и за весьма небольшую плату въ содержаніе. То отдыхая, то полдничая, Ивга расказала хозяйкѣ, откуда она и по какой нуждѣ пришла въ городъ.

Хозяйка подперлась рукою и крѣпко головою покачала: «Не знаю, говоритъ, какъ ты тутъ вывернешься?» И начала Ивгѣ расказывать, какъ водится у здѣшнихъ судящихъ пановъ; она знала все, потому-что съ малыхъ лѣтъ служила у господъ; какъ же добыла дѣвчонку, такъ была у секретаря кормилицею и очень хорошо знала, какъ и съ чѣмъ къ нимъ приходятъ, и въ какія двери выходятъ. Между прочимъ она говорила ей: «Ты не бойся великихъ пановъ: чѣмъ большій панъ, тѣмъ онъ простѣе и ласковѣе. Это у мужиковъ, когда выскочитъ въ атаманы, такъ онъ уже на тебя и не смотритъ; а ужъ какъ головою станетъ? такъ, батюшки! не смѣй къ нему и близко приступить. Паны же не такъ: смѣло говори ему всё, не бойся ничего, только говори правду, не солги и не прилги ничего; тотчасъ замѣтитъ и прогонитъ.»

—Какъ же мнѣ быть, тетушка; если къ великому пану придется итти, что ему понести на поклонъ?

«Сохрани Богъ! Конечно, есть старосвѣтскіе паны, что булочку, но и то невелику, лишь бы тебя за усердіе не обидѣть, приметъ; хлѣбъ-святой поцалуетъ, а тебѣ раскажетъ все дѣло, совѣтъ подастъ и велитъ еще поподчивать. Это у большихъ пановъ такой обычай. А вотъ меньшіе «панки» и «полупанки», такъ съ ними только держись! И даешь и не даешь; сторгуешься, взнесешь, все мало, еще вытягиваетъ. Сохрани тебя Богъ отъ нихъ! Добирайся смѣлѣе къ старшимъ.

Во весь вечеръ расказывала хозяйка, какъ поводится у пановъ, а Ивга все, какъ говорится, на усъ мотала и располагала, какъ приняться ей за дѣло.

Это же было вечеромъ въ субботу, а въ воскресенье Ивга, вставши, принарядилась и пошла разсматривать городъ. Расказывала послѣ, что какъ въ лѣсу, говоритъ, хожу, даже страшно! Народу на базарѣ не протолпишься, а нѣтъ никого знакомаго! Никто тебѣ не кланяется, никто ни о чемъ не спрашиваетъ.... Слезы меня, говоритъ, проняли!... Брожу какъ сиротинка! Зазвонили къ церквамъ.... а какой звонъ! и до сихъ поръ гудитъ въ ушахъ! Я и пошла къ самой большой, да къ прехорошей церкви. Чтоже? Солдаты меня и не впустили; ужъ я и гривну давала,

такъ не пустили и не пустили, и денегъ не взяли. Но я-таки не пошла отъ церкви, все ожидала, чтобъ ближе поглядѣть на великихъ пановъ; на бѣду-себѣ отъ роду не видѣла никого старшаго, какъ пана-исправника, всего два или три раза; въ своемъ же городѣ, хоть и видѣла судящихъ, такъ послѣ того, что они мнѣ сдѣлали, я не знаю, паны ли они? Какъ вотъ къ полудню начали выходить изъ церкви.... Батюшки! что народу, а что и господъ!... Какъ вотъ идетъ одинъ.... такъ и впереди и назади и вокругъ его все паны, все паны! А самъ же каковъ? весь воротникъ, на рукавахъ все вышито; а на шеѣ крестовъ, крестовъ! На груди золотая звѣзда, черезъ плечо широкая лента красная, на плечахъ золотыя кисти какъ жаръ горятъ, а весь самъ такъ и сіяетъ: прямо и не смотри на него! Передъ нимъ бѣгутъ паны и расталкиваютъ народъ и около его наблюдаютъ, такъ-что и пылинкѣ не дадутъ упасть на него. Когда сѣлъ въ свою коляску, а лошади подпрыгиваютъ. фыркаютъ и, какъ муха, полетѣли, а онъ, то и дѣло. что всѣмъ кланяется. Удостоилась и я ему поклониться, но какъ далече стояла, такъ онъ меня, можетъ, и не видѣлъ. Спросила у стоявшей подлѣ меня женщины, кто это панъ такой? такъ сказала: самъ губернаторъ! Хороши паны шли за нимъ, да все не такъ. Были старички, и молодые съ кавалеріями... Ужъ насмотрѣлась!...»

Потомъ говорила хозяйкѣ: «Если мнѣ придется о чемъ просить губернатора, то я и не смогу передъ нимъ стоять: упаду и не посмѣю встать.»

—Ничего, сказала хозяйка, то онъ передъ народомъ такой, чтобъ его уважали и почитали, какъ онъ есть начальникъ надъ всѣми. Приди же къ нему въ домъ, такъ привѣтливѣе его и нѣтъ. Десять разъ распроситъ и все съ ласкою, привѣтливо, и когда что можно сдѣлать, самъ хлопочетъ, чтобы скорѣе оканчивали дѣло; когда же не можетъ пособить, такъ все растолкуетъ, почему и зачѣмъ не можно; уговоритъ, чтобъ не тужилъ, дастъ совѣтъ, что дѣлать, а бѣдному подаяніемъ пособитъ. Ты не бойся его, онъ какъ отецъ. Не даромъ сказано: Губернаторъ всѣмъ защита, всѣ за него молятъ Бога.

Пока еще до вечера, Ивга походила по городу, распросила у добраго человѣка, въ какихъ хоромахъ суды; узнала отъ него, что ей надобно притти въ тотъ судъ, что зовется «Угомонная Палата», такъ выговаривала Ивга: обошла около тѣхъ хоромъ; когда видѣла идущихъ или ѣдущихъ пановъ, все приглядывалася къ нимъ, чтобъ не бояться ихъ, когда случится говорить съ ними. Въ крѣпкихъ мысляхъ легла спать.... но не очень заснула, все ожидая, что будетъ съ нею завтра....

Наступило утро. Ивга, вставши, отъ чистаго сердца помолилась Богу, даже всплакнула, прося помощи Его и пошла. Не преминула зайти въ церковь и подать священнику на часточку, прося его помолиться «о Левковомъ дѣлѣ». Хоромы она тотчасъ нашла и вошла въ нихъ.... Господи! что ей тутъ дѣлать?.... Все двери, все двери, все двери; туда пройди, тамъ двери, лѣстницы, опять двери; сюда пойди, тоже самое: лѣстницы да двери, двери да лѣстницы... больше ничего нельзя и увидѣть! Народъ же все туда и сюда шатается: панычи перебѣгаютъ, паны подъѣзжаютъ, идутъ, привѣтствуются, кое-что между собою разговариваютъ.... А наша сердечная Ивга стоитъ какъ въ лѣсу, не знаетъ, куда ей итти и какъ назвать палату, забыла! Хотя и спроситъ кого: «гдѣ палата»? Какая? Палата не одна, отвѣчаютъ ей, а она не вспомнитъ. Потомъ вспомнила и спрашиваетъ: угомонную палату; ей усмѣхнувшись показали; и тутъ она разъ пять ошибалась и наконецъ вошла.... Сидитъ солдатъ и спросилъ ее: «кого тебѣ надобно?» —Это ли дядюшка, палата уго...мо... «Это». Вотъ она и вошла въ горницу, а горница длинная и все столы, все столы; а за столами сидятъ панычи и всѣ пишутъ.

Ивга, вошедши, помолилась, низко поклонилась панычамъ и сказала: «Боже вамъ помогай! съ понедѣльникомъ будьте здоровы!»

Панычи взглянулись между собою, усмѣхнулись и молчатъ. Какъ вотъ одинъ, немного пописавъ, всталъ, подошелъ къ ней, и спросилъ, да такъ скромно, привѣтливо: «Что нужно тебѣ здѣсь, дѣвушка?»

—У васъ ли, ваше благородіе, дѣло о нашемъ Левкѣ?

«О какомъ Левкѣ?»

—О нашемъ-таки, вотъ пріемышѣ моего отца.

«Да скажи ты мнѣ, изъ какаго ты уѣзда?»

—Уже воля ваша, а я вамъ этаго не скажу.

«По чему же не скажешь?»

—Потому-что и сама не знаю.

«Что же онъ сдѣлалъ такое?»

—Видите: говорятъ, что онъ у моего отца деньги укралъ.

Вотъ тотъ панъ и началъ читать по бумагѣ и скоро начиталъ его; распрашиваетъ Ивгу... такъ и есть: онъ, онъ!

«Такъ что же тебѣ надобно?»

—А вотъ что, бат... ваше благородіе! Наши судящіе судили его, да допросу не снимали. Кого бы тутъ просить, чтобъ поѣхалъ и снялъ съ него допросъ. Врядъ ли онъ найдется виновнымъ, а я сказала бы вамъ «большое спасибо!»

«Что же, дѣвушка, ты опоздала? Дѣло о немъ рѣшили, и оно уже не здѣсь, а у губернатора...

—Охъ моя годынонька бѣдная! Такъ его пошлютъ въ Сибирь?

Паньки только вздвигнули плечами.

—Сдѣлайте милость, ваше благородіе, научите меня бѣдную, что мнѣ на свѣтѣ дѣлать? Я вамъ очень буду благодарить.... Его не приводили къ допросу.

«Ничего не могу сдѣлать, и ему уже никто не поможетъ. Какъ напроказилъ, такъ и отвѣчать долженъ. А ты иди-себѣ, откуда пришла; здѣсь тебѣ быть не льзя.» сказалъ и пошелъ къ своему дѣлу, и видя, что Ивга расплакалась уже до того, что даже голосить начала, махнулъ рукою солдату, и тотъ взялъ ее за плечо и легонько вывелъ въ сѣни.

Теперь нашей Ивгѣ хотя сквозь землю провалиться!

За горькими слезами не только свѣта, но и куда ей вытти, не видитъ! Кто повстрѣчается, взглянетъ на нее, но никто не принимаетъ болѣе никакаго участія! То спотыкаясь отъ слабости, то ошибаясь въ ходѣ, долго бродила она по переходамъ.... наконецъ вышла на крыльцо и тутъ упала.

«Что я, бѣдная, теперь буду дѣлать? думаетъ Ивга, лежа и заливаясь слезами. Его дѣло совсѣмъ кончили.... Пропалъ сердечный Левко!... Послали къ губернатору, а онъ до сихъ поръ послалъ приказъ, чтобъ его высѣкли.... охъ лишечко! да еще и плетьми.... а тамъ и въ Сибирь пошлютъ!... и со мною не простится!... Ужъ хоть бы свѣнчалися, то я за нимъ пошла бы; а то остаюсь опять какъ былинка!... По наговорамъ Тимохи меня отецъ будетъ гнать.... съѣдятъ совсѣмъ, отдавши меня за писаря... И Левко пропадетъ безъ меня.... не дойдетъ!.... Я знаю, какъ онъ любилъ меня... затоскуется!... Когда бы не ссылали его, пока я ворочусь!... Охъ, лишечко!... Когда же я дойду туда?.. не застану его!... И свѣтъ мнѣ не милъ... приходится самой на себя руки поднять!..

—Что ты, дѣвушка, тутъ дѣлаешь? чего лежищь и плачешь? Не больна ли ты? слышитъ она, что кто-то спрашиваетъ ее. Приподняла голову, взглянула... это стоитъ передъ нею панъ и по лицу видно, что съ доброю душою.

«Плачу я, батечко, о своей нуждѣ.... Лихо мое тяжкое!»

Онъ принялся ее распрашивать и успокоивать ее; а она, плача, и расказала про свою бѣду.

Долго и внимательно слушалъ онъ ее, и какъ понялъ все дѣло, то и сказалъ: Жалко мнѣ тебя, дѣвушка, но еще можно пособить. Стань здѣсь; губернаторъ пойдетъ сюда, ты его останови и раскажи все дѣло. Можетъ, онъ вступится за тебя...

«Батечко, ваше благородіе.... не знаю, какъ и величать васъ! достойна ли же я стать предъ такимъ великимъ лицомъ, и смѣю ли ему хоть слово сказать? Я боюсь и взглянуть на него.»

— Не бойся ничего. Онъ грозенъ съ-виду, а если видитъ кого въ нуждѣ, такъ самъ распроситъ обо всемъ и поможетъ. въ чемъ можно; только не оробѣй. Такъ научалъ ее долго, и совѣтами до того ободрилъ ее, что она встала, пошла за нимъ и стала на томъ углу, гдѣ онъ ей показалъ, и куда, навѣрное, пойдетъ губернаторъ.

Какъ вотъ, недолго, стучатъ, бѣгутъ, кричатъ: «идетъ губернаторъ... губернаторъ идетъ!... Наша Ивга и не опомнилась: что и придумала-было гово-

рить, все забыла; и только-что увидѣла его, испугалась, трясется... желала бы въ землю уйти!..

Только-что доходилъ губернаторъ, она такъ и кинулась ему въ ноги и какъ заголосила... и за слезами не можетъ слова сказать....

Что же?... Губернаторъ, самъ, своими руками поднялъ ее, и началъ ее ласково распрашивать, о чемъ она проситъ его?

Она же до того смѣшалась, что болѣе ничего не можетъ выговорить, какъ только: «помилуйте!... помилуйте!...»

Долго слушалъ это губернаторъ и все уговаривалъ, чтобъ она расказала ему свое дѣло; но какъ видѣлъ, что она и себя не помнитъ, то взялъ ее за руку и сказалъ: «Послушай же, любезная! Ты теперь испугалась и не можешь говорить, а мнѣ некогда, у меня не одно дѣло. Иди ко мнѣ въ домъ, тамъ отдохни, пока я прiѣду, и разскажешь все. Не бойся, не бойся меня; я тебѣ помогу. Жандармъ! проводи ее тихонько ко мнѣ, да не обидь ее дорогою; дома вели ее накормить, пока я прiѣду.» Вотъ начальникъ, истинный отецъ.

Какъ будто свѣтъ открылся для Ивги! Отдохнувши немного послѣ слезъ, пошла она съ жандар-

момъ къ губернаторскому дому; ее посадили въ горницѣ, пока *самъ* пріѣдетъ. Принесли ей хлѣба, булки и нанесли всякихъ кушаньевъ... Такъ ничего и въ ротъ ей нейдетъ. Пойдетъ ли ѣда на мысль при такой бѣдѣ, какъ у Ивги, и чего ей еще ожидать?

Чрезъ нѣсколько часовъ пріѣхалъ губернаторъ и только-что вошелъ въ дверь, тотчасъ и крикнулъ: «Гдѣ же дѣвушка?» Увидѣвши Ивгу, ввелъ за собою въ горницу... а въ той горницѣ, какъ послѣ Ивга сама расказывала, хорошо и прекрасно! Горница превысочайшая, окна велики, словно двери; а двери какъ ворота: наложивши на возъ копенъ десять сѣна, смѣло въѣзжай, не зацѣпишься. Стѣны же всѣ и потолокъ и полъ, все размалевано всякими красками.... душа радуется! А зеркала? Вездѣ зеркала, такъ и сіяетъ, какъ море. Туда глянешь, тамъ тебя видно; сюда посмотришь, и тамъ ты; куда только окомъ ни кинешь, вездѣ тебя видно, вездѣ ты какъ живая; даже ужасъ возьметъ, видя впервые это надъ собою!

Губернаторъ, замѣтивъ, что она оторопѣла, сказалъ ей: «Отдохни здѣсь, я тотчасъ выйду.» И пошелъ въ другую комнату.

Осмотрѣвшись, Ивга почувствовала себя бодрѣе и смѣлѣе, какъ вотъ и губернаторъ вошелъ; съ ласкою и привѣтливо спросилъ ее: «Ну, дѣвушка; теперь

расказывай мнѣ все, все: откуда ты, есть ли отецъ и мать, и за какимъ дѣломъ ты пришла сюда?»

Вотъ тутъ уже Ивга и начала; все, что было съ самаго начала и до сегодня, все на-чисто расказала.

Губернаторъ, выслушавъ все, сказалъ: «Нѣтъ, дѣвушка, твой Левко плутъ; съ него въ двухъ судахъ допросъ снимали, и онъ повинился и руку далъ подписать. У меня это дѣло.» Тутъ онъ пошелъ и вынесъ бумаги; перевернувши нѣсколько листовъ, показалъ: «Вотъ онъ признался, что и неразъ кралъ деньги у твоего отца. Вотъ подписано за него, и судьи слушали, при нихъ онъ признавался.»

— Батечко, ваше благор... не знаю, какъ васъ величать? Паночко, губернаторчикъ, голубчикъ! Это не правда, его не допрашивали: я присягну въ томъ. Мнѣ бы Левко сказалъ, а то онъ проситъ какъ милости, чтобъ его взяли въ допросъ и онъ что-то очень нужное хотѣлъ расказать; такъ я ему лучше повѣрю, нежели вашему судьѣ; хоть онъ и подписалъ, что допрашивалъ Левка, такъ онъ «брешетъ»: онъ только умѣетъ бублики ѣсть, что къ нему приносятъ.

Даже засмѣялся губернаторъ, вспомнивъ про бублики; потомъ сказалъ: «Смотри, дѣвушка, это ты не бездѣлицу говоришь; ты доказываешь на судей, что они не снимали допроса.»

—Не снимали, не снимали, ваше губернаторство! даже вскрикнула Ивга. Подайте ихъ мнѣ сюда, я имъ въ глаза тоже скажу. Уже не даромъ Левко проситъ...

Потомъ губернаторъ, перебирая и перечитывая бумаги, сказалъ: «Вотъ же и люди изъ-подъ присяги показали, что твой Левко воряжка и худаго поведенія....

—*Брехня* это, ей же то Богу, брехня! Такъ доказывала Ивга уже со всею смѣлостію. Нѣтъ за нимъ никакаго качества, я больше всѣхъ ѕнаю его. Онъ отъ-роду не укралъ ни зернышка, и не солжетъ ни на волосъ. Да и люди, смотрите-ка получше, можетъ, также доказали, какъ и Левко допросъ подписалъ.

«Хорошо, сказалъ губернаторъ, я это дѣло разберу. Приди ты завтра въ палату, гдѣ это дѣло я тебѣ велю показать.

—Знаю я, добродiечко, на бѣду себѣ, эту угомонную палату. Все испытала. Спасибо вамъ за ваше стараніе. Ѕавтра я приду туда раненько. Глядите же и вы, не забудьте, пріѣзжайте; тамъ вмѣстѣ разберемъ дѣло и увидимъ, кто изъ насъ брешетъ: я ли, или ваши судьи? Прощайте же до котораго часа.

Губернаторъ, смѣясь, отпустилъ ее. Пошла Ивга, веселенькая, земли не слышитъ подъ собою; а встрѣтивъ нищаго или слѣпаго, и подастъ милостыню; пришедши же домой, весь вечеръ была весела.

Утромъ, очень рано, вскочила; помогла ли что хозяйкѣ или нѣтъ, скорѣе собралася и пошла къ палатѣ.

Сегодня ранѣе, нежели вчера, собрались судящіе; не замедлилъ и самъ губернаторъ и, увидѣвши Ивгу, тотчасъ повелъ ее за собою; велѣлъ себя дожидать, а самъ пошелъ къ судящимъ, а за нимъ какой-то панъ понесъ бумаги, вѣрно дѣло о Левкѣ.

Долго поговоривши въ палатѣ съ судящими, губернаторъ вышелъ къ Ивгѣ съ ними и сказалъ: «вотъ дѣвка увѣряетъ, что арестанту не было допроса. Говори при всѣхъ.»

—Не было, панове судящи, смѣло сказала Ивга: что хотите мнѣ дѣлайте, а я утверждаю, что не было ему попроса. Левко передо мною никогда не лгалъ; когда бывало-скажетъ, на сколько въ день уторгуетъ, то такъ и есть; въ какую пору скажетъ, что выйдетъ на улицу, то какъ разъ и выйдетъ; и раньще хоть и не выходи, не будетъ его. Во лжи я его никогда не замѣтила, и потому вѣрю, что его къ допросу не приводили, и я въ томъ готова присягнуть, цѣлую горсть

съѣмъ земли, что это правда, а не тѣхъ судей, что подписывая только брешутъ. И тотъ также брехалъ, подписывая за людей, что будто бы Левко имѣетъ качества! Люди этаго не говорили и не скажутъ. Тутъ и съ-переди брехня, и съ-зади брехня, да еще брехня брехню брехнею погоняетъ; вотъ что! не во гнѣвъ это слово вамъ, панове-судящи и ваше губернаторство!

«Ну, что теперь будете дѣлать? спросилъ губернаторъ у судящихъ. Тѣ взглянулись между собою, вздвигнули плечами и сказали: Какъ вамъ угодно; а мы уже рѣшили.

«Конечно рѣшили, но чтобъ не было тутъ несправедливости! сказалъ имъ губернаторъ: вы этаго не знали, что объявляетъ дѣвка; вы смотрѣли на бумаги, а въ бумагахъ все гладко. Она же была тамъ, все знаетъ, готова присягнуть, что его не допрашивали. Возьмите дѣло, надобно вытребовать его сюда, допросить изъ какой нужды онъ кралъ?

Я напередъ знаю, сказала Ивга, что онъ бралъ на то, чтобы было намъ послѣ свадьбы завестись хозяйствомъ. Такъ тутъ нѣтъ никакой вины: я батькова, онъ батьковъ, деньги батьковы. Тутъ просто можно разсудить, что онъ не виноватъ, не за-что въ Сибирь ссылать. Призовите его, допросите, и онъ скажетъ вамъ, что для того бралъ; вотъ вы его и отпустите.

Надѣлала ты, Ивга, дѣла съ твоею правдой! Чуть-было всѣ труды твои не пропали; потому-что одинъ изъ судящихъ сказалъ, а за нимъ и всѣ пристали, да и говорятъ: «На-что бы ни бралъ, а все бралъ; и хотя бы у роднаго отца бралъ, но безъ-вѣдома и отбивши сундукъ, такъ все воръ.»

Губернаторъ подумалъ немного, потеръ себѣ лобъ и, вздохнувши, сказалъ: «Такъ, ваша правда; однако, пошлите за нимъ; приведутъ, тогда допросите. И за одно слово можно будетъ уцѣпиться и его хоть отъ Сибири избавить. Напишите же, чтобы его скорѣе сюда присылали. А ты, дѣвушка, ступай на квартиру и навѣдайся сюда черезъ недѣлю, и тутъ же приказалъ одному панку написать — куда? Ивга не поняла, чтобы ее не трогали и не обидѣлъ бы ее кто. «Я, говоритъ, одинъ ее знаю. А ты, дѣвка, когда тебѣ случится нужда или обижаютъ кого, приходи смѣло ко мнѣ и проси, чего тебѣ надо.» Сказавши все, пошелъ по своимъ дѣламъ.

Какъ же обрадовалась Ивга! И плачетъ, и смѣется, и бросается къ ногамъ губернатора, руки ловитъ цаловать ему и судящимъ ... Не дошла, а долетѣла къ хозяйкѣ и ту разцаловала, хваляся, что Левка ея приведутъ сюда, допросятъ и, можетъ, не пошлютъ въ Сибирь. Цѣлый день не помнила себя отъ радости.

На другой день, какъ уже, слава Богу! не за чѣмъ по городу бродить, принялася за дѣло: такъ у нее все, словно, горитъ въ рукахъ! Пѣсни не умолкаютъ, въ расказахъ, скороговоркахъ, приговоркахъ не остановится, такъ-что хозяйка хохочетъ отъ ея балагурства; а работа за работою, такъ и поспѣваетъ; не успѣютъ однаго сшить, какъ новое приносятъ. А деньги отъ всѣхъ мѣстъ, такъ и сыплются къ нимъ! Каждую недѣлю не забываетъ Ивга сбѣгать въ «угомонную» палату, справиться о Левкѣ: такъ все нѣтъ его. Не близкое же разстояніе, полтораста верстъ, пѣшкомъ довести его!

Какъ-то, въ одинъ день, понесла Ивга отдавать работу, и идя улицею, видитъ.... какая-то проява! (произшествіе). Множество собравшагося народа, извощичьихъ дрожекъ нѣсколько и музыка играетъ, такъ что ну! Она подумала, что это свадьба, и подошла посмотрѣть, какъ въ городѣ празднуютъ свадьбы. Но, видитъ, это не свадьба; на переднихъ дрожкахъ троистая музыка (скрыпка, басъ и цимбалы) и еще бубны; на другихъ дрожкахъ сидятъ двое очень хорошихъ, степенныхъ людей и держатъ штофъ; на третьихъ же сидитъ человѣкъ въ нарядномъ жупанѣ и шапка на немъ казацкая; краснымъ, шалевымъ платкомъ широко подпоясанъ, другой намотанъ толсто на шеѣ, а третій въ рукахъ и которымъ онъ поминутно утирается, не смотря, что длинные концы его пачкаются въ дегтю и пыли. Человѣкъ этотъ мертвецки

пьянъ и поминутно приказываетъ, чтобы ѣдущіе на середнихъ дрожкахъ подчивали горѣлкою и стараго и малаго, и кто около идетъ, и кто навстрѣчу идетъ, и всякаго до послѣдняго; кто же не хочетъ пить, того ругаетъ на всю улицу, и музыкантамъ то и дѣло покрикиваетъ, чтобъ крѣпче играли; ребятишекъ же, что за нимъ, какъ куча саранчи, бѣгутъ, заставляетъ танцовать и горстями кидаетъ имъ прянички и разные орѣшки, которые у него, въ шолковомъ платкѣ, на красной лентѣ привѣшены на шеѣ.

Ивга смотритъ на эту комедію и все ближе пробирается, чтобъ лучше насмотрѣться, потому-что у нихъ въ селѣ такихъ чудесъ не увидишь; на то и городъ, чтобы въ немъ дуракамъ умничать. Вотъ тотъ человѣкъ, повеселивши дѣтей, закомандовалъ: Музыка! маршъ впередъ!» Музыка поѣхала— и всѣ, и народъ за ними. Ѣдутъ подлѣ хорошей хаты; окно такое нарядное, веселенькое; тутъ этотъ чудакъ и кричитъ: «Стой! Кто хозяинъ этаго окна? Что возьмешь, если я его разобью?»

—Да я и цѣлковаго не хочу; цуръ тебѣ, ступай далѣе— сказалъ хозяинъ.

«Брешешь!» и съ этимъ словомъ хрянъ! по окну; оно разлетѣлось въ дребезги. Хозяинъ поднялъ крикъ, а чудакъ вынулъ красную бумажку и су-

нулъ къ нему въ руку, говоря: «Знай, что вольный человѣкъ гуляетъ!»

Что онъ еще творилъ, такъ и вздумать того не можно! Идетъ сбитеньщикъ; чудакъ всталъ, да къ нему и за баклагу; сбитеньщикъ, знавши, въ чемъ дѣло, отдаетъ охотно. Вотъ онъ, взявши баклагу, сбитень вылилъ, музыкѣ велѣлъ играть, а самъ, по сбитню, пустился, «гопака выбивать.» Расплескалъ все, перебрызгалъ всѣхъ, далъ сбитеньщику пять цѣлковыхъ и пошелъ далѣе проказничать.

Ивга, идучи съ народомъ, распрашивала людей, что это значитъ? «Это наемщикъ, сказали ей, нанялся въ рекруты: такъ сегодня гуляетъ, и что задумалъ, все дѣлаетъ и за все платитъ, потому-что взялъ за себя много денегъ. Завтра же ему забрѣютъ лобъ, такъ онъ сегодня поспѣшаетъ нагуляться, чтобъ было чѣмъ вспомнить прежнее житье.»

Наемщикъ остановился и приказалъ поить людей горѣлкою. Напоили и ребятишекъ; тутъ онъ свелъ ихъ биться на-кулачки, и утѣшается глядя на все это... Ивга же все ближе къ нему, все ближе, все всматривается, все присматривается.... и вдругъ вскрикнула: Тимоха!... это мой братъ!... что ты дѣлаешь это?

—Га?... кто тамъ такой?... Да это Ивга, сестра моя!... Гдѣ ты у аспида взялась?... Какаго чорта ты тутъ дѣлаешь?

«Что ты съ собою дѣлаешь?... Помнишь ли ты?

—Сегодня только и помню, сегодня мнѣ на все воля, а завтра: лѣвой, правой, лѣвой, правой... и началъ по улицѣ маршировать, шатаясь во всѣ стороны, а народъ хохочетъ....

«Правда ли, Тимоха, что ты нанялся въ рекруты? пристально спрашивала его Ивга, не отходя отъ него.

— Правда.

«На кого же ты оставилъ отца?... Въ своемъ ли ты умѣ?...

—Отца! теперь уже можно оставить: деньги его... поминай ихъ, какъ звали — пошли по шиночкамъ да по молодичкамъ.... Съѣлъ Левка... теперь своя воля!... Вычистилъ отцовскій сундукъ.... фить, фить! только гудетъ отъ пустоты!.... Теперь въ солдаты. Съѣлъ бы и тебя... но лучше всего, выдь за нашего писаря....

«Какъ ты съѣлъ Левка?.. Что ты это говоришь?

— Расказать?... Не можно. Притравилъ.... навелъ.... сполать Макушченку! Бравый казакъ Тимоха!

«Какъ же ты его подвелъ? Раскажи мнѣ.... Сердечная! думала у пьянаго выспросить; такъ сватъ его, боясь, чтобъ сестра не отговорила его отъ найма, и чтобъ не пропали его деньги, вскочилъ, усадилъ его на дрожки и закричалъ: «Ступай на вольную.» Музыка заиграла Дербентскій маршъ, ударили въ бубны.... поѣхали, только пыль столбомъ за ними....

Народъ пошелъ въ другое мѣсто, а Ивга осталась какъ обваренная! Тяжко и горько ей стало, что одинъ, какой бы ни былъ, а все братъ, бросилъ стараго отца и идетъ въ солдаты. Что онъ говорилъ, разсуждала она: что и отцовскій сундукъ вычистилъ... вѣрно все выкралъ и ушелъ! И что онъ это говоритъ, что подвелъ Левка.... и что съѣлъ его? Надобно бы выспросить его; такъ эти люди не дали и слова сказать съ нимъ, Какъ бы остановить его и выслать къ отцу? Такъ что же? Если и отца обокралъ безъ меня и у хозяина много денегъ за наемъ забралъ, такъ чѣмъ мы будемъ отдавать? Что же мнѣ дѣлать на свѣтѣ, не знаю!... А что? пойду къ губернатору: онъ мнѣ дастъ совѣтъ; онъ же и дозволилъ, если будетъ какая нужда, прямо притти къ нему и сказать....

Бросилась, метнулась, кончила свое дѣло и пошла къ губернатору, смѣло, не боясь ничего, расказала все, какъ видѣла Тимоху, и что онъ говорилъ ей.

Губернаторъ тотчасъ послалъ жандармовъ искать Тимоху, а Ивгѣ приказалъ тутъ же ожидать.

Часа черезъ два везутъ раба Божьяго, такъ пьянаго, что едва и понимаетъ себя. Губернаторъ поставилъ Ивгу за ширмы и говоритъ: «слушай, что онъ будетъ говорить; я приказалъ ввести его сюда.»

Какъ ни пьянъ былъ Тимоха, а понялъ, передъ какимъ лицомъ онъ сталъ; вотъ и началъ бодриться, вытягиваться, какъ будто и настоящій солдатъ; да какъ выпрямится, голову вытянетъ, она у него закружится, то онъ такъ и падаетъ....

Губернаторъ грозно закричалъ на него: «Зачѣмъ ты такой пьяный?»

— Гулялъ на-послѣдяхъ, ваше пррревосхо...дительство.... Завтра уже не можно, завтра скажутъ: лобъ! И при такомъ смѣломъ отвѣтѣ еще и притопнулъ ногой Тимоха. Извѣстно, пьяному море по-колѣни.

«За сколько ты нанялся?»

Тимоха думалъ, вспоминалъ, шатался, силился открыть слипающіеся глаза, сопѣлъ и наконецъ съ трудомъ проговорилъ: Тррриста.... да еще пятьдесятъ еще ррублей.

«А сколько получилъ?»

—Еще только полторрраста, ваше. . ваше... не знаю....

«Всѣ пропилъ, или осталось?»

—Всѣ рѣшилъ чисто, ваше происходи...тельство! Тимоха исправный казакъ. Хозяинъ больше не даетъ; говоритъ, пускай на-дорогу. Прикажите, батюшка, отдать всѣ. Ей Богу, я и эти двѣсти завтра кончу исправно. Въ службѣ мнѣ деньги не нужны: будетъ жалованье, будетъ и провіантъ...

»Зачѣмъ ты ушелъ отъ отца?»

—Я не ушелъ, а такъ пошелъ. Денегъ, батюшка, не стало, всѣ вытянулъ.

«Кто, ты или Левко?»

—Нѣтъ.... нѣтъ.... нѣтъ... Левко святая душа! Я, батюшка, ваше... ваше.... ну, нужды нѣтъ; я вытянулъ у отца все....

«А Левко кралъ когда?»

—Нѣтъ... нѣтъ; я вошелъ, свѣтлица была отперто... сундукъ... а въ сундукѣ... У! много денегъ!

Я... никого не было... я отбилъ и набралъ... много набралъ!... Навелъ отца на сундукъ... а тутъ и Левко беретъ деньги... Оно бы и ничего: у насъ денегъ много, я молчалъ бы... какъ писарь нашъ говоритъ: погубимъ Левка, а Ивга за меня.... вотъ мы Левка и въ Сибирь....

Губернаторъ приказалъ записать все, что пьяный Тимоха расказывалъ; пока приведутъ Левка, приказалъ держать Тимоху подъ карауломъ, съ хозяина взыскали послѣдніе двѣсти рублей; Ивгу отпустилъ домой, сказавши: «Когда все и на дѣлѣ такъ будетъ, то молись Богу, не тужи; можетъ, твой Левко и не такъ виноватъ.»

Много благодаря его, Ивга пошла къ хозяйкѣ.

Вскорѣ послѣ того Ивга еще разъ была въ палатѣ, провѣдывая, не привели ли Левка; а о братѣ, гдѣ онъ содержится, еще не могла узнать, какъ прискакалъ къ ней жандармъ, чтобы она скорѣе шла къ губернатору.

Екнуло на сердцѣ у Ивги... собралась и пошла.

Губернаторъ, только-что увидѣлъ ее, и сказалъ: «Ну, привели же твоего Левка; я буду его допрашивать, а ты стань тутъ (и опять поставилъ ее за ширмы) и слушай, что онъ будетъ расказывать; какъ-то выпутается?»

Ивга зашла за ширмы и выглядываетъ въ дирочку, какъ поведутъ Левка... Покрой, матерь Божья! Чуть не вскрикнула, какъ увидѣла его!... Онъ, или не онъ? не можно узнать. Худой, блѣдный, заросъ бородою, половина головы вдоль выбрито, а что на немъ, того нельзя назвать рубашкою! И руки скованы!... Сердечная! плачетъ тихонько!... Тяжко ей было видѣть его въ такомъ положеніи!... Если бы она могла, кинулась бы къ нему прежде всего, разцаловала бы его, нужды нѣтъ, что онъ весь въ пыли и, видно, что болѣе мѣсяца не умывался; руки ему, а особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ истерты желѣзомъ, разцаловала бы... Но вотъ губернаторъ началъ его допрашивать и повелѣвалъ сказать всю правду какъ передъ Богомъ. «Когда, говоритъ, мнѣ скажешь всю правду, то хоть и будетъ какая вина твоя, я убавлю тебѣ наказанія.»

Вотъ Левко перекрестился и началъ признаваться; а Ивга такъ и не дышитъ, чтобъ не проронить какаго слова....

Вотъ Левко и расказалъ, какъ онъ любился съ Ивгою, какой недобрый былъ къ нему отецъ, какъ Тимоха гулялъ, какой онъ воръ былъ, какъ гналъ его, и какъ черезъ него старикъ еще больше сердился на Левка, потомъ и говоритъ: «Какъ намъ не можно уже было терпѣть ихъ нападковъ, то мы съ Ивгою хотѣли посовѣтоваться, какъ бы намъ скорѣе

обвѣнчаться. У меня какія были деньги, рублей съ пятдесятъ, всѣ пропали на-долгахъ; я тужилъ и не признавался Ивгѣ, и какъ она приставала, чтобы скорѣе вѣнчаться, то и сговорились мы сойтись въ отцовской свѣтлицѣ и поговорить; она дала мнѣ ключь отъ свѣтлицы, а сама пошла къ сосѣдкѣ. Я вошелъ въ свѣтлицу, сижу и думаю.... какъ вотъ слышу: Тимоха шумитъ въ сѣняхъ и подходитъ къ свѣтлицѣ.... Что мнѣ тутъ дѣлать? Застанетъ меня однаго, придерется, привяжется, заведетъ драку?... Уйти некуда уже: тотъ въ сѣняхъ, увидитъ меня выходящаго, тоже привяжется, за-чѣмъ я тутъ былъ, гдѣ взялъ ключь?... Нечего мнѣ дѣлать, я и подлѣзъ подъ столъ... смотрю оттуда: вошелъ Тимоха, осмотрѣлъ, что нѣтъ никого, заглянулъ въ окно—нѣтъ никого.... тотчасъ, взявши въ углу топоръ, хряпъ по замку, онъ и разсыпался; отворилъ сундукъ, недолго рылся, тянетъ мѣшокъ съ деньгами! Хотѣлъ весь унесть, но подумалъ и спѣшилъ развязать... и началъ таскать изъ него горстями деньги и прятать въ карманъ; но какъ поспѣшалъ, то и разсыпалъ ихъ по землѣ довольно. Тутъ заговорилъ старикъ Макуха и что-то близко: Тимоха вѣрно испугался, скорѣе ушелъ, а мѣшокъ развязанный, деньги разсыпанныя и отворенный сундукъ оставилъ безъ вниманія! Только-что онъ ушелъ, я, какъ обваренный, выскочилъ изъ-подъ стола.... Лихорадка такъ и бьетъ меня! Господи милостивый! Что было мнѣ тутъ дѣлать? Самъ себя не помнилъ. Выйти, оставивши все, но увидитъ кто, скажутъ на

меня, и Ивга тоже подумаетъ, потому-что ключь оставила мнѣ... Подумалъ тотчасъ итти, сказать старику и привести сюда: Тимоха откажется, старикъ не повѣритъ мнѣ и на меня все падетъ. Лучше приберу, сложу все и замкну свѣтлицу. Скажу Ивгѣ, и посовѣтуемся, какъ сказать отцу. Вотъ, такъ подумавши, только-что подошелъ съ большимъ страхомъ и разсыпанные по сундуку цѣлковые пособиралъ въ горсть, и хотѣлъ сложить въ мѣшокъ, и потомъ собрать разсыпанные по полу, какъ тутъ и вошли!.... кричатъ, шумятъ!... «воръ, Левко, воръ!» Я такъ и обмертвѣлъ! И что потомъ со мною было, что они дѣлали со мною, я ничего не помню и не знаю!

—Не боишься же ты, Левко, Бога! даже закричала Ивга, выбѣжавши изъ-за ширмъ. Для чего ты этаго мнѣ тогда не сказалъ? Я бы не страдала такъ, полагая, что ты въ самомъ дѣлѣ воръ?... И съ сими словами бросилась ему на шею и повисла у него! и плачетъ, и цалуетъ его, и хохочетъ.... какъ будто внѣ ума!...

«Откуда ты взялась?... моя крошечка... моя рыбочка!... не вспомнившись и забывши, гдѣ онъ и передъ кѣмъ, только и знаетъ, что приголубливаетъ свою Ивгу; радъ, что увидѣлъ ее тамъ и тогда, какъ ни думалъ, ни гадалъ....

Губернаторъ, спасибо ему! ни малѣйше не разсердился; но смотря на нихъ, что какъ голубки ласкаются, даже заплакалъ и, отвернувшись отъ нихъ, утиралъ платкомъ слезы.

Первая опомнилась Ивга и бросилась къ губернатору, говоря: «не положите, ваше превосходительство (живучи въ городѣ, привыкла величать какъ должно), не положите гнѣву, что мы при вашемъ лицѣ такъ осмѣлились.... Ей же то Богу! я такъ рада, такъ рада... Одно то, что увидѣла его; а другое, что онъ совсѣмъ не воръ: и отъ того забыла васъ и себя не чувствовала.

«Ничего, ничего, голубушка! говорилъ губернаторъ, утирая слезы: я и самъ радъ, что онъ не виноватъ и что правда открылась. Только правда ли, какъ ты говоришь?»

— Ей Богу правда, ей Богу правда! перервала его Ивга, защищая Левко: это все точно такъ было; уже Левко не станетъ брехать....

— Правда, сударь... добродѣю... ваше... сказалъ Левко и не придумалъ, какъ возвеличить губернатора, все только низко кланялся. Смѣлъ ли бы я передъ вашимъ лицомъ, что вы у насъ отъ самаго Царя поставлены защищать отъ обидъ, и чтобъ я осмѣлился

и подумать о какой брехнѣ или неправду сказать! Правда, именно правда!

«Хорошо, сказалъ губернаторъ. За-чѣмъ же ты передъ исправникомъ показалъ, что ты бралъ деньги, и передъ судомъ такъ показалъ...?

«Набрехано, налгано, напутано, ваше высоко... губернаторство, все набрехано! говорилъ Левко съ большимъ жаромъ. Я ни исправника и никого изъ судящихъ, каковъ одинъ есть, и въ глаза не видалъ, и какіе они на тварь (лицомъ), вовсе не знаю, и въ судѣ нога моя не была. Я же говорю: не помню и не знаю, какъ я очутился «въ холодной», въ нашемъ волостномъ правленіи, и тамъ чуть не пропалъ, ни ѣвши, ни пивши. Меня никто не спрашивалъ, и я никого не видѣлъ; тамъ меня взяли и связаннаго повели въ городъ и прямо въ острогъ. Тутъ я безвыходно сидѣлъ и въ судъ не былъ призываемъ вовсе. Вѣдь же писарь меня препровождалъ въ городъ, онъ знаетъ все; пусть онъ и скажетъ....

Ну, тотъ скажетъ! перервала Ивга. Онъ наговоритъ на вербѣ груши. Онъ, ваше превосходительство, радъ Левка живымъ съѣсть, потому-что хочетъ, чтобъ я, вмѣсто Левка, вышла за него. Пусть себѣ этаго и въ голову не кладетъ. Дуля (шишъ) ему подъ носъ! Вотъ что!

«Хорошо, мужичокъ! сказалъ губернаторъ: скажешь ли ты такъ и въ судѣ, исправнику и судьямъ въ глаза, все это, что мнѣ говоришь?»

— Скажу, въ глаза скажу, ваше.... какъ ты, Ивга, величаешь его?

«Говори, ваше превосходительство.»

«Такъ-такъ, ваше.....вотъ какъ Ивга васъ величаетъ; скажу и не боюся ничего, потому-что именно правда моя!»

— Ну, сказалъ потомъ губернаторъ, ступайте же. Ты, дѣвушка, на квартиру, а его раскуйте совсѣмъ и отведите, пока до завтра, въ полицію. Завтра съ тебя въ палатѣ снимутъ допросъ, и когда ты правду говоришь, такъ ты, дѣвушка, тамъ же, въ палатѣ, получишь своего жениха и примешь на-поруки.»

Ивга бросилась къ ногамъ губернатора, а за нею и Левко! Хотя онъ ихъ и поднималъ, хотя грозно приказывалъ встать, такъ нѣтъ, лежатъ, ноги цалуютъ и, обливая слезами, все благодарятъ и молятъ Бога, словно вновь жизнь получившіе.

Ивга никому не дала расковать Левка, сама отомкнула замокъ и сняла цѣпи; проводила Левка и въ полицію, и упросилася сидѣть все время съ нимъ.

Всю ночь напролетъ все одинъ другому расказывали, какъ страдали: Левко *безъ людей*, а Ивга *отъ людей*; онъ, что не было кому за него заступиться и совѣтъ подать, а она, какъ на нее нападали, и про всѣ свои бѣды расказала.

Утромъ повели Левка въ палату, пришла и Ивга съ нимъ, какъ Тимоха уже и тамъ, и уже подъ карауломъ, за нимъ солдаты съ ружьями. Левко, какъ вчера, такъ и тутъ на допросѣ, говорилъ все то же, потому-что оно все такъ и было; Тимоха же, уже протрезвившись, хотѣлъ-было «заѣхать въ брехуновку» (отолгаться), такъ воззвали Ивгу, и та съ-разу его остановила и смѣшала такъ, что онъ повинился во всемъ, какъ говорилъ губернатору. Его начали еще больше допрашивать, и онъ уже все расказалъ, какъ онъ, по дружбѣ съ писаремъ, хотѣлъ выдать за него сестру, и вмѣстѣ придумали, какъ погубить Левка. Писарь деньгами Тимохиными, у отца выкраденными, работалъ и смастерилъ, какъ хотѣлъ; и хотя еще судящіе и въ глаза не видали Левка, но подписывали, что имъ подносили; они полагали, что ихъ дѣло только подписывать, а секретари на то, чтобъ писать, какъ имъ хочется. А этимъ Тимоха и забрызгалъ всѣхъ, кто и виноватъ и не виноватъ ни въ чемъ!... Записавши все, что Тимоха говорилъ, его отослали въ острогъ, а Левка отпустили итти, куда хочетъ.

Только-что Ивга, пришедши на квартиру, совѣтовалась съ Левкомъ, какъ итти домой и какъ приниматься за хозяйство, какъ явился жандармъ и позвалъ ихъ къ губернатору. Не боясь ничего, пошли и прямо вошли къ нему. Губернаторъ и говоритъ Ивгѣ: «Ну, ты настоящая «козырь-дѣвка»: выхлопотала своего жениха, освободила его отъ Сибири. Вотъ тебѣ двѣсти рублей: это отъ того хозяина, что нанялъ твоего брата въ рекруты. Онъ теперь будетъ солдатъ, ему деньги не нужны; а какъ онъ обокралъ твоего отца, такъ ты ихъ возьми на свою свадьбу.»

— Нѣтъ, ваше превосходительство, не такъ. Какъ можно мнѣ пить братнину кровь? Онъ продалъ себя, а я, на его деньги, праздновала бы свадьбу? Не можно. Пускай эти деньги брату, ему въ нихъ будетъ нужда. Такъ сказала Ивга, кланяясь и прося губернатора.

«Чѣмъ же ты отпразднуешь свадьбу и чѣмъ будете жить? спросилъ губернаторъ.

Свадьба будетъ у насъ сиротская: безъ подарковъ и чарки горѣлки, а вмѣсто коровая * простой

* Коровай, необходимый при свадьбѣ хлѣбъ, особенной формы; приготовляемый, печеный и потомъ вносимый въ хату съ особенными церемоніями. Также важно раздѣляютъ его на мелкія части и обдѣляютъ имъ родныхъ и гостей. Вѣчная вражда возникаетъ, если ближнему родному поднесли кусокъ коровая не такъ почотный или меньше, какъ дальнему родственнику. Дружко, церемоніймейстеръ свадьбы, долженъ все улаживать и отвѣчать за все.

хлѣбъ-святой раздѣлимъ. Жить же какъ? Потерпимъ нужду, будемъ работать, стараться, хозяйничать: вотъ Богъ и пошлетъ намъ, ваше превосходительство. Такъ говорила Ивга, а Левко, все кланяясь, приговаривалъ за нею: будемъ работать, и заработаемъ, ваше... вотъ какъ Ивга васъ величаетъ.

«Когда же вы такъ располагаете, такъ вотъ что! сказалъ губернаторъ, и пошелъ къ своимъ гостямъ, которыхъ у него множество было; не замедлилъ, воротился и тотчасъ къ Ивгѣ говоритъ: «Вотъ тебѣ мои гости надавали триста двадцать рублей. Возьми себѣ на свадьбу.»

— Нѣтъ, ужъ этаго не будетъ, ваше превосходительство! Не хочу и не возьму, говорила Ивга, кланяясь и отводя руки губернатора съ деньгами.

«Почему не возьмешь?»

— За-тѣмъ что не возьму. Какъ это можно? Въ нашемъ селѣ всѣ узнаютъ, что я жила въ губерніи и воротилась съ такою кучей денегъ, которыхъ человѣкъ и въ годъ не выработаетъ, а я дѣвка, гдѣ ихъ взяла? Да про меня такая слава пройдетъ, что и не открестишься и не отбожишься! Такаго выдумаютъ, чего отъ-роду и на мысль не приходило и не придетъ, и родъ ихъ того не дождетъ.

Возьми, дура; ты идешь за-мужъ; какая тебѣ нужда, что будутъ про тебя говорить!

— Да уже какъ хотите; хоть я по-вашему и дура, хоть какое хотите мнѣ имя придавайте, а не возьму; ей Богу не возьму даже и мѣшка денегъ; мнѣ моя слава дороже всего. Что иду за-мужъ, такъ будто мнѣ и не нужно честнаго имени? Тутъ оно нужно и для меня и для моего мужа. Каково ему будетъ, когда и малыя дѣти начнутъ шикать на меня и старые и молодые будутъ упрекать, что хоть и не долго прожила въ городѣ, а заработала денегъ большую кучу! Ихъ заработать скоро не можно, въ долгъ никто не дастъ; надавали паны, такъ извѣстно за-что. Спасибо вамъ за такую славу! Стыдно будетъ на людей смотрѣть.

«Ай, козырь-дѣвка! вскрикнулъ губернаторъ. Правда, правда твоя, ты умно разсудила. Люди вездѣ одинаковы, и въ городахъ и въ селахъ, и между нами и между вами. Ну, а жениху твоему можно отдать деньги?»

— Какъ онъ себѣ-хочетъ, и какъ вы знаете. Я еще ему не жена, такъ не могу надъ нимъ командовать.

«Ну, такъ я и отдамъ ему. Онъ получаетъ за то, что посидѣлъ въ тюрьмѣ безвинно. Теперь ты

ступай-себѣ домой, а онъ останется здѣсь и поѣдетъ съ чиновникомъ уличать въ глаза тѣхъ судей, что не снимали съ него допроса и держали въ острогѣ. Прощай, «козырь-дѣвка!»

— Прощайте, ваше превосходительство! сказала Ивга. Благословите меня на вступленіе въ бракъ: вы мнѣ батько, и отецъ и благодѣтель! Безъ вашей милости пропалъ бы Левко, пропала бъ и я! И съ симъ словомъ кланялась губернатору въ-ноги три раза, какъ велитъ законъ передъ свадьбою, поцаловала его руку и отходя сказала: Оставайтесь же здоровенькіе! Пускай вамъ Богъ отдастъ, что вы намъ сдѣлали! Дай Богъ, чтобъ ни вамъ, ни дѣткамъ вашимъ, не пришлось терпѣть подобной напасти, и чтобъ вы никогда не знали судящихъ.... Такъ, моля Бога, вышла съ Левкомъ.

Посовѣтовавшись обо всемъ съ Левкомъ, что имъ дѣлать теперь, взяла у него часть денегъ, расплатилась съ хозяйкою, хоть та и не хотѣла-было брать денегъ; наняла подводу и поѣхала домой.

Отца нашла вовсе немощнаго; съ печали чуть не умеръ; дочь бросила его, сынъ обокралъ, и не было о нихъ вѣстей. Ивга расказала, гдѣ и для чего она была, какъ хлопотала, какъ молодецъ братъ хотѣлъ погубить Левка, и какъ она въ губерніи бѣдство-

вала, старалась и оправдала Левка; и что Тимоха, пропивши украденныя деньги, нанялся въ солдаты...

«Дураку туда и дорога! сказалъ отецъ: я и самъ полагалъ, когда онъ явится, отдать его въ солдаты. Пускай ему Богъ помогаетъ!»

Ивга расказала, за-чѣмъ еще Левко остался и на-чемъ она съ нимъ положила. Вы же, тата, говоритъ она, не говорите никому про Левка, будто и слуховъ нѣтъ о немъ.

— Хорошо, дѣти! сказалъ отецъ: дѣлайте, что знаете, лишь бы мнѣ жить подлѣ васъ, чтобъ было кому меня при смерти досмотрѣть!

Какъ вотъ въ-вечеру влазитъ въ хату стараго Макухи панъ-писарь съ сватами, чтобъ Ивгу высватать за себя. Прежде всѣхъ писарь началъ говорить, что уже Левко совсѣмъ пропалъ. Схватили его и потащили прямо въ губернію; тамъ палачь высѣкъ его кнутомъ и сослали его на каторгу, и что уже объ этомъ и бумага пришла; и развернулъ какую-то бумагу и прочелъ вмѣсто указа. Потомъ и началъ опять говорить, что Ивгѣ, безъ Левка, не за кого больше итти за мужъ, какъ только за него, и вотъ онъ привелъ сватовъ, а въ воскресенье чтобы и свадьба....

«А *дзуськи, поганый*! отозвалась Ивга изъ комнаты и выскочила въ великую хату, да къ писарю: Вонъ, бездѣльникъ, съ нашей хаты! Я такому *ледащу* (дрянному) не только добраго слова, пожалѣю и тыкву поднести. Поживешь и одинъ, безъ жены; напился людской крови, что насосалъ изъ людей, піявка проклятая! А вамъ, люди добрые, хоть бы вы сваты, хоть бы и кто, одно слово скажу: не говоря законныхъ рѣчей, честью выходите изъ нашей хаты; если же тотчасъ не выйдете, то погашу свѣчу *, хоть ощупью выбирайтесь изъ хаты, словно воры; не заплачу вамъ безчестья и вездѣ буду расказывать.

Нечего сватамъ дѣлать! Схватили шапки, палки, и скорѣе съ паномъ-писаремъ изъ хаты.... не солоно хлебали! замотали пятками, что есть духу!

Утромъ писарь и подошелъ съ хитростью къ головѣ. Не расказывая ничего, какую обиду сдѣлала ему вчера Ивга Макуховна, онъ и говоритъ: «Панъ-голова! Трофимъ Макуха старъ человѣкъ; пріемышъ пошелъ на каторгу, сынъ въ-бѣгахъ; вотъ люди начали сносить подать, а его бы, по старости лѣтъ и по одиночеству, помиловать на сей годъ; не вспоможется ли впередъ?

* Самый оскорбительный жениху отказъ на предложенное сватовство. Но если такъ поступлено съ женихомъ или сватами, заслуживающими уваженіе, то, по принесенной обиженными жалобѣ начальству, оскорбившіе присуждаются міромъ заплатить безчестье.

— Что ты меня подводишь? закричалъ на него голова: ты знаешь, что я не люблю неправды! Я вамъ не Евдокимъ, прежній голова, съ котораго вы что хотѣли, то и дѣлали! Я хочу самъ всѣмъ командовать, а не черезъ тебя, паршиваго писаришку. Сейчасъ возьми людей и ступайте къ старому Макухѣ, настоятельно вытребуйте отъ него всѣ подати. Когда скажетъ, денегъ нѣтъ, бери все имущество, грабь, разоряй, продавай! Самаго тащи въ холодную, облей водою постаринному, пускай мокнетъ...

«А дочку оставить въ хозяйствѣ? спросилъ писарь лукаво, знавши хорошо голову.

— Вотъ я тебѣ дамъ оставить? Я вамъ не Евдокимъ, чтобъ вы дѣлали по-своему. Дѣлай по-моему: возьми, тащи и ее, плахты, намиста продай; не станетъ? косу ей обрѣжь, продай. Я проучу ее, чтобы не задобривала писарей. Пускай знаетъ, что я голова, и никто мною не управляетъ.

А писарю такаго приказанія и нужно! Нахваталъ понятыхъ, цѣновщиковъ, сторожей! Тучею набѣжали къ Макухѣ и тотчасъ полагали разбивать сундуки и имущество продавать.... Такъ Ивга же и взнесла тутъ же деньги, сколько требовалъ писарь. И для чего онъ ихъ уже не требовалъ? И на дороги, и на мосты, и на караульныхъ, и на свѣчи въ холодную, которыя никогда и не зажигаются. Ивга все уплатила

и писарю не осталось ничего болѣе дѣлать, какъ, почесавъ затылокъ, возвратиться съ своимъ причетомъ.

Управилась съ писаремъ, знавши, что уже бояться нечего; а тутъ и условленное съ Левкомъ время приближается. Ивга принялась хлопотать: хату бѣлитъ, столы и лавки смываетъ, птицу покупаетъ, а своей Богъ дастъ, Тимоха перевелъ! рѣжетъ ее, чиститъ, лапшу крошитъ, паляницы-хлѣбы печетъ... горитъ дѣло! Въ пятницу нарядилась, пошла приглашать, того дружкомъ, того поддружимъ, тѣхъ въ старосты, холостыхъ въ бояры; напросила свашекъ, свѣтилокъ, отцовъ, порядчиковъ и всякаго народа, какаго нужно въ почетъ и для порядку.

Кто ни спроситъ, за кого она выходитъ? «за Левка», одинъ отвѣтъ.

Гдѣ же его взять? Его сослали на каторгу! такъ полагали всѣ по расказамъ писаря.

«Уже что будетъ, то и будетъ; а вы, дядюшка или тетушка, не отказывайтесь, услужите сиротѣ.»

Вздвигнутъ плечами, усмѣхнутся и думаютъ: «не одурѣла ли наша Ивга съ великаго разума? Собирается къ свадьбѣ, а женихъ тамъ, гдѣ козамъ правятъ рога. Увидимъ, какой съ этаго пива медъ будетъ!

Въ субботу Ивга собрала «коровайницъ», женщинъ, приготовить «коровай»: мѣсятъ тѣсто и приличныя пѣсни поютъ, шишки лѣпятъ также съ пѣснями, а тѣсто крадутъ и въ пазухи прячутъ; скрипники играютъ, дружко подноситъ всѣмъ водку, старый Макуха порядокъ даетъ, и кто бы его ни спросилъ о Левкѣ, «ни чичиркъ» молчитъ. Вотъ, какъ все готово, женщины поблагословились у дружка и начали складывать «коровай», въ подошву положили зеренъ, овса и гривну денегъ, сверху накладывали шишки, а потомъ, черезъ весь этотъ хлѣбъ, положили крестъ изъ теста, поверхъ же всего изъ тѣста вылѣпленныя искусно уточки, цалующіяся между собою или летящія. Когда поспѣла печь, коровай осторожно ссадили на лопату, а дружко и началъ:

«Господи Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ!»

— Аминь тому слову! крикнули два старосты, избранные для сихъ отвѣтовъ.

«Спасибо за аминь. Старосты, паны подстаросты.

— А мы ради слушать.

«Благословите сей честный и важный хлѣбъ въ печь посадить!»

— Боже благослови!

«Въ другой разъ.»

— Боже благослови!

«Въ третій разъ.»

— Трижды-разомъ, Боже благослови!

Съ этимъ словомъ, при пѣсни женщинъ, приличной дѣйствію, дружко въ одинъ пріемъ всунулъ его въ печь — и закрыли устье печи; двѣ «молодицы» такія, что знали и слово и какъ при этомъ случаѣ поступать, сѣли подлѣ печи и присматривали крѣпко, чтобъ никто не подходилъ и не смотрѣлъ пристально на печь; а если что замѣтятъ, такъ тотчасъ и шепчутъ отговоръ и черезъ плечо сплёвываютъ.

Потомъ дружко, взявши ту квашню, гдѣ было тѣсто коровая, въ серединѣ ея прилѣпилъ четыре восковыхъ свѣчки, зажегъ ихъ и наложилъ на квашню крышку; взявши съ поддружимъ и двумя молодицами, крестъ-накрестъ, квашню, стали посреди хаты и начали носить квашню припѣвая:

«Ой пичъ ходить на ногахъ,
Дижу носятъ на рукахъ;
Пѐче жъ наша, пѐче,
Зпечи намъ коровай грече.»

(Переводъ.)

«Ой печь ходитъ на ногахъ,
Квашню носятъ на рукахъ;
Печь наша, печь!
Спеки намъ отличный коровай!»

Съ окончаніемъ пѣсни стучатъ квашнею три раза въ потолокъ и попалуются пара съ парою; и сдѣлавши такъ три раза, принялись подчиваться водкою съ пѣснями. Музыка же, съ того времени, какъ сажали коровай въ печь и пошли церемоніи съ квашнею, наигрывала изо всей мочи Дербентскій маршъ. А народа же, народа! полонъ дворъ, и въ окна такъ и лѣзутъ смотрѣть!....

Хотя же и порядокъ весь дѣлаютъ, и отъ горѣлки, которую безпрестанно подносятъ, не отказываются, а все-таки насмѣхаются надъ Ивгою, что за кого она выходитъ? Чего она такъ хлопочетъ съ этою свадьбою, когда нѣтъ жениха; да гдѣ и быть ему? Онъ до сихъ поръ дошелъ уже въ Сибирь!... Даже самыя подружки, что по улицамъ ходятъ за Ивгою и поютъ свадебныя пѣсни, припѣвая Левка, между собою тихонько насмѣхаются. Иной повстрѣчается, спрашиваетъ идущую сзади всѣхъ: «развѣ женихъ пріѣхалъ?» «Да нѣтъ; это будетъ такъ что-то...» захохочетъ и догоняетъ подружекъ.

Увидѣлъ же и панъ-писарь Ивгу, что какъ королева идетъ впереди подружекъ, съ распущенною косою, потому-что сирота безъ матери, убрана лентами и цвѣтами голова, на шеѣ намисты, янтари, кресты, дукаты, такъ-что ну!... Увидѣлъ.... и печонки у него подступили къ сердцу!... Тотчасъ придумалъ, какое бы смятеніе сдѣлать Ивгѣ, все съ умы-

сломъ, не выйдетъ ли она за него? Подвернулся къ пану-головѣ, зналъ, съ какой стороны подойти, а тотъ тутъ же и заревѣлъ: «Не защищай передо мной Макухи! Я знаю, что Левко ушелъ, а они его укрываютъ. Иди, перешарь все; когда же нѣтъ, бери и старика и дочь, запирай ихъ въ холодную. Я вамъ не Евдокимъ, я не дамъ надъ собою играть; не позволю дѣлать по-вашему, дѣлайте по-моему!»....

Возвратилась Ивга съ подружками. Вотъ бы уже и на посадъ молодыхъ посадить, пѣсни пѣть и свадьбу начать; такъ нѣтъ жениха! Всѣ люди взглядываются, смѣются тихонько, ожидаютъ, что изъ этаго будетъ; а Ивга и ничего: проворна, весела, вездѣ справляется, вездѣ надсматриваетъ — и вотъ собирается усадить подружекъ и начать свадьбу... какъ шу — у — у — у! панъ-писарь съ командою! «Гдѣ вашъ бѣглый Левко?»

Ивга весела; подбѣжала къ писарю быстро и говоритъ: Не безпокойтесь, панъ-писарь; онъ тотчасъ будетъ. Просимъ на-хлѣбъ на-соль и на свадьбу!...»

«Вы передержанцы! заревѣлъ писарь: вы передерживаете бѣглыхъ! Десятскіе! Ищите вездѣ, выкидывайте все на улицу, бейте, ломайте, шарьте вездѣ, пока не найдете вора. Вотъ я вамъ дамъ свадьбу! А пока берите старика, тащите его съ дѣвкою въ

правленіе; оборвите съ нея и цвѣты и ленты; она арестантка, пока не отыщется Левко....»

«А вотъ я и отыскался, не ищите!» кто-то отозвался за писаремъ.... Глядь!.... Это Левко! точно самъ Левко, славный, бравый, красивый; одѣтъ уже по-мѣщански, жупанъ суконный, поясъ кумачвый; шапка, сѣрыхъ овчинъ высокая, съ суконнымъ краснымъ верхомъ и съ кистью; а за поясомъ уже и платокъ, красный, шолковый, большой съ большими цвѣтами — такихъ платковъ въ селахъ никто и не видалъ. Этакой молодецъ сталъ передъ писаремъ, взявшись въ боки, и говоритъ: «А начто я вамъ, панъ-писаръ? Вотъ здѣсь я!...»

— Бер... бер... бер... ррите его!... Едва могъ проговорить писарь, испугавшися, что тотъ Левко, котораго полагалъ онъ давно уже въ Сибири, явился передъ нимъ и такъ смѣло! — Берррите его, кричитъ все еще: да въ колоду! Онъ воряга, мошенникъ, каторжный, ушелъ изъ Сибири....

«Врешь, бездѣльникъ!» закричалъ за нимъ.... кто же? Чиновникъ отъ самаго губернатора!....» Возмите его подъ-караулъ!» Потащили его самаго въ ту яму, которую рылъ для другаго!

Чиновникъ тотчасъ началъ распрашивать про Левко.... И всѣ въ одинъ голосъ сказали, что нѣтъ за

нимъ никакаго качества, и что они и писарю тогда такъ говорили; но какъ онъ написалъ, они не знаютъ.... Да къ чему долго разсказывать! Чиновникъ вывелъ въ этомъ дѣлѣ всѣ концы, какъ писарь плутовалъ здѣсь и въ судахъ съ секретарями. Дошло и до того, какъ обдиралъ онъ волость изъ-за головы. Не сошло и головѣ, что не зналъ ничего, а писарь управлялъ имъ, а онъ только кричалъ: «я вамъ не Евдокимъ, прежній голова!» — но писарь что хотѣлъ, то и дѣлалъ изъ него.

Управившись скоро, чиновникъ сказалъ Левку и Ивгѣ: «начинайте теперь свою свадьбу, а я поѣду въ городъ, примусь за судей....« и поѣхалъ.

Мигомъ началась свадьба; подружки запѣли, скрипки заиграли, пошли чарки между добрыми людьми— пьютъ, да чарки на лобъ перекидываютъ и удивляются, какъ Ивга, въ губерніи, между панами, и даже передъ самимъ губернаторомъ хлопотала и старалась объ Левкѣ, и какъ избавила его отъ бѣды. Старый Макуха, сидя между стариками, все расказывалъ, а тѣ только пачмокиваютъ и въ одинъ голосъ приговариваютъ: «справедливо назвалъ губернаторъ; вотъ «Козырь-Дѣвка» такъ-такъ!»

На завтра же весь почотъ, съ отличными подарками и знаками, обвѣнчали нашихъ молодыхъ, и такую свадьбу отпраздновали, что ну! Три дня такъ знатно пили, что никто и не помнитъ: наряжалися жу-

равлями, медвѣдями, жидовками; были и цыганки и турки, и разными народами наряжались, все отъ радости, что «Козырь-дѣвка» поставила на-своемъ. А что молодыхъ обдарили, такъ ну! Дружко даже охрипъ, крича, по обязанности своей, всѣми голосами тѣхъ животныхъ, какихъ кто дарилъ молодымъ....

Не прошло же секретарямъ, что брали съ писаря деньги, и Левково дѣло, какъ хотѣли, вертѣли. Досталось и исправнику и всѣмъ судящимъ, что все ссылались на секретарей, дѣла не хотѣли знать, а подписывали то, что имъ подносили. Отозвались и бублики судьѣ, что только глотку ими запихалъ, а кто бѣдствовалъ, такъ онъ того и знать не хотѣлъ. Все это надѣлала Ивга, уже всѣми названная, Козырь-дѣвка», что избавила всѣхъ добрыхъ людей отъ дурной масти....

Писарь, сидя въ холодной, слушалъ, какъ добрые люди гуляли на свадьбѣ у Левка, и отъ досады рвалъ волосы на себѣ, что не ему досталась «Козырь-дѣвка; а потомъ пошелъ въ ту дорогу, куда располагалъ отправить Левка, прямо въ самую Сибирь. Голову смѣнили, чтобъ не умничалъ: «вотъ я-то! я вамъ не Евдокимъ» и что не могъ ничѣмъ распорядить и видѣть, что писарь дѣлалъ всѣмъ зло.

Наши же молодые начали жить припѣвая. Ивга и тутъ съ расчетомъ сдѣлала: тѣ деньги, что ей по-

дарили въ городѣ, она не дала всѣ издержать на свадьбу; когда-же отгуляли, она принялась съ Левкомъ за хозяйство. Какъ все было разорено, то они обзавелись всѣмъ, принимали опять проѣзжающихъ, и пошло у нихъ все порядкомъ. И старому Макухѣ очень хорошо было: его покоили, уважали по-старосвѣтски, и всего, чего только желалъ, все доставляли ему. А Ивга?... она уже и за мужемъ, она и молодица, и дѣтокъ имѣетъ, а отъ всѣхъ всегда слыветъ: «*Козырь-Дѣвка!*

Основьяненко.

КРИТИКА.

ПОВѢСТЬ: ВОТЪ ЛЮБОВЬ!

Въ XVI томѣ Современника помѣщена повѣсть г. *Основьяненка*, подъ названіемъ: Вотъ Любовь! Говоря нѣсколько разъ о сочиненіяхъ этаго автора, мы уже имѣли случай передать о нихъ читателямъ своимъ наше мнѣніе вообще. Оно, кажется, нигдѣ не встрѣтило противорѣчія. Въ талантѣ г. Основьяненка всѣ признали самобытность, многосторонность, присутствіе истины, художническую полноту и удивительное чувство красоты—отъ комизма до самаго трогательнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что въ повѣстяхъ его еще болѣе совершенства, когда онъ излагаетъ ихъ на Малороссійскомъ языкѣ; потому-что лица, характеры, общество, бытъ и натура — все прямо требуетъ того языка, на которомъ до изложенія обработываютъ свои

предметы умъ и воображенiе автора. Русскiе обороты, выраженiя и слова часто неравносильно отвѣчаютъ движенiямъ души его. Но мы по этому дѣлу чистосердечно, вмѣсто автора, себя отдаемъ на судъ взыскательной критики. Онъ до сихъ поръ остается въ убѣжденiи, что ему надобно писать только по-Малороссiйски. Неотступныя просьбы наши склонили его войти въ ряды писателей Русскихъ. Уваженiе господствующей нашей литературы и патрiотическое желанiе пополнить ея произведенiя созданiями столь рѣдкаго таланта — вотъ что осмѣливаемся представить въ свою защиту.

Мы впрочемъ, сознавая необыкновенныя достоинства въ сочиненiяхъ г. Основьяненка, не увлекаемся ими до ослѣпленiя. Въ подробностяхъ нѣкоторыхъ сценъ у него встрѣчаются излишества. Въ его воображенiи такой избытокъ жизни, что онъ, увлекаемый богатствомъ идей и образовъ, уступаетъ таланту своему побѣду надъ искуствомъ.

Не считая себя въ правѣ вооружаться противъ того, что авторъ еще не подвергъ окончательному своему разсмотрѣнiю (потому-что не приступилъ еще къ изданiю сочиненiй своихъ въ отдѣльномъ собранiи), мы сообщили ему одно замѣчанiе о повѣсти: *Вотъ Любовь!* Наше замѣчанiе не касалось тѣхъ частностей, которыя, въ томъ или другомъ видѣ, ни сколько не дѣйствуютъ на существенное достоинство повѣсти.

Мы говорили съ нимъ о самомъ созданіи, которое какъ-то странно разрѣшалось въ умѣ нашемъ. Предметы изящныхъ искуствъ, исполняемые художниками въ надлежащемъ совершенствѣ, никогда не выходятъ изъ-подъ законовъ естественности. Главное лицо, выведенное въ этой повѣсти (Галочка), соединяетъ въ своемъ характерѣ, въ своей жизни и всей индивидуальности изумительныя черты граціи, простосердечія и возвышенныхъ чувствованій. Природа и искуство должны здѣсь обняться въ восторгѣ передъ общимъ своимъ твореніемъ Съ этой стороны разсматривая *Галочку*, кто не почувствуетъ, что ея появленіе украсило, или, по крайней мѣрѣ, увеличило кругъ тѣхъ восхитительныхъ идеаловъ, которые увѣковѣчены художниками для эстетическаго созерцанія? Жертва, приносимая ею изъ любви истинной и глубокой, есть торжество безсмертной души. Но здѣсь, по нашему мнѣнію, уже и предѣлъ всего, что можетъ вынести слабая природа человѣка.

Извѣстно, что великіе писатели ничего на природу не выдумываютъ. Мы не умѣли изъяснить, какъ случилось, что г. Основьяненко повелъ свой разсказъ еще на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Къ счастію, люди съ истиннымъ талантомъ не возмущаются, когда надобно рѣшить вопросъ и объ ихъ ошибкѣ. Мы получили отъ автора самое удовлетворительное изъясненіе того, что казалось намъ непонятнымъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Читатели наши узнали уже изъ повѣсти г. Основья-

ненка, что онъ разсказалъ истинное происшествіе. Но авторъ, не желая впасть въ повтореніе окончанія прежней своей превосходной повѣсти (Маруси), въ противность судьбѣ *Галочки* придумалъ для нея конецъ собственнаго своего сочиненія. Онъ теперь раздѣляетъ наше мнѣніе и представляетъ здѣсь въ новомъ (т. е. истинномъ) видѣ окончаніе повѣсти: *Вотъ Любовь!*

*

*» Долго не могъ притти въ себя Алексѣй, оставшися одинъ въ хатѣ; такъ поразила его эта сцена, которой онъ не ожидалъ и которую предполагалъ предупредить. Успокоясь нѣсколько, онъ прежде всего обратился къ Богу, молилъ Его просвѣтить, не погрѣшилъ ли онъ, разлучивъ *такъ* любившихся? Совѣсть ему сказала, что согласиться на бракъ ихъ никакъ не возможно было; а замужство ея съ другимъ было необходимо; сама Галочка желала того. Избранный имъ, человѣкъ честнѣйшій, Галочку не только любить, но будетъ чтить, уважать и беречь ее во всѣхъ случаяхъ жизни. Галочка видитъ все вниманіе его къ себѣ, благодарна ему.... По времени, отсутствующій Семенъ Ивановичъ забудется, а онъ столько честенъ и благороденъ, и до того любитъ Галочку, что конечно будетъ избѣгать случаевъ видѣться съ нею. Самое тяжелое, послѣднее прощаніе миновалось; теперь наше дѣло молиться Богу и со-временемъ ожидать отъ милостей Его общаго нашего спокойствія....

* Это надобно читать на 105 страницѣ, подлѣ 7 строки.

»Галочка! взойди ко мнѣ; я уже одинъ.« Такъ говорилъ Алексѣй, тихо стуча къ ней въ дверь.

Галочка, или правильнѣе, тѣнь ея (такъ она мгновенно измѣнилась!) вышла, едва переступая, бросилась на шею къ отцу, плакала горько вмѣстѣ съ нимъ и, не могши стоять, присѣла на лавкѣ.

»Это послѣднее! сказала она утирая слёзы: Боже! прости мнѣ эти слёзы!... я человѣкъ!... Таточка! Вы и Никола не увидите болѣе ихъ; а со-временемъ не замѣтите во мнѣ и никакой скорби....«

Алексѣй, замѣтивъ въ ней большую перемѣну, ласкалъ ее, просилъ, убѣждалъ, чтобы она выплакала все свое горе, увѣрялъ, что ей легче будетъ; не душила бы разомъ своей скорби, но исподоволь одолѣла бы ее.

Галочка молчала; казалось, внимала ему и не плакала.

Возвратился Никола. Съ изумленіемъ глядѣлъ онъ на отца и съ ужасомъ замѣтилъ быструю перемѣну въ Галочкѣ....

Алексѣй хотѣлъ-было говорить, но Галочка остановила его и поспѣшила сказать: »Никола!... сей-часъ былъ здѣсь Семенъ Ивановичь.... Тебѣ

извѣстно всё. . . . онъ не зналъ, что я уже твоя. Добрый... поплакалъ немного... и я, знавъ, что никогда не увижу его. . . . не вытерпѣла. Прости мнѣ эти слезы. . . . онѣ святыя. . .

И Никола уже обнималъ ее , утѣшалъ и говорилъ: «Я знаю чистоту этихъ слёзъ! . . . и ты просишь у меня прощенія? Есть ли кто» . .

«Полно же, полно» прервала она его , стараяся улыбнуться. »Это тучка набѣжала и уже никогда. . . не возвратится. Я сказала и сдержу слово : ты увидишь любовь мою къ себѣ. Иди же, помоги мнѣ приготовить къ обѣду. Таточка хочетъ обѣдать.«

Все пошло прежнимъ порядкомъ ; одна Галочка съ каждымъ днемъ измѣнялась. Очень замѣтно было, что она принуждала себя заняться хозяйствомъ по дому, работою, разсѣяться въ своемъ кругу ; призывала къ себѣ подругъ, иногда сама ходила къ нимъ; но все это дѣлала съ большимъ усиліемъ : посреди занятій и сидя съ подругами , она погружалась въ какія-то мысли , не слышала ничего , не внимала ничему. Видно было , что слёзы готовы у нея хлынуть изъ глазъ; она ихъ удерживаетъ, глотаетъ, пересиливаетъ скорбь свою. И такая борьба не проходила даромъ. . . Не только съ каждымъ днемъ дѣлалась она слабѣе, но вечеромъ замѣтно въ ней было измѣненіе противъ утра.

Никола не оставлялъ ея, старался разсѣять, развлечь грусть ея, отгадывалъ и предупреждалъ желанія ея. Отецъ также старался разговорить ее, обратить вниманіе на какой-нибудь предметъ; все тщетно! Слушая Николу, вдругъ она взглядывала на него съ удивленіемъ, разсматривала его, какъ будто узнавала, старалась, припомнить что. . . . и тутъ сильный вздохъ, вздохъ отъ сердца показывалъ, что она вспомнила себя. Она бросалась къ нему и, раздирающимъ душу, голосомъ, но безъ слезъ (она сдержала слово: никогда уже не плакала!) говорила ему: »Вижу все, знаю, что ты для меня дѣлаешь, цѣню твою добрую душу. . . но что мнѣ дѣлать? . . . Не могу беречь себя! . . .»

И не могла преодолѣть горя своего! Скоро до того ослабѣла, что уже не могла встать съ постели.

»Никола! . . . сынъ мой! . . . кажется, мы лишимся ее?« говорилъ Алексѣй, рыдая горько.

— Достойны ли мы, чтобы Ангелъ небесный жилъ съ нами!« отвѣчалъ Никола и спѣшилъ къ страждущей.

Она не болѣла, она не страдала, но истаевала часъ за часомъ. Чѣмъ болѣе ослабѣвало тѣло, тѣмъ духъ ея былъ бодрѣе, она имѣла болѣе твердости и съ неустрашимостію ожидала грознаго часа. . . .

»Теперь я примирилась съ Богомъ!« такъ говорила она, укрѣпивъ себя принятіемъ всѣхъ таинствъ въ напутствіе къ жизни вѣчной. « Я готова! . . . Судья справедливый, но и Отецъ милосердый, не отринетъ меня. . . Онъ будетъ судить только намѣренія мои. . . я исполнила святѣйшій законъ Его: положила душу свою за друга . . . чтобы избавить его отъ горестей. . . я хотѣла. . . я силилась сохранить жизнь свою. . . но это выше силъ. . . . я человѣкъ!. . Отецъ приметъ послушную дочь! . . .»

Такъ говорила она , сидя на постели , держа за руку Николу и склонивъ голову на грудь отца. . . . Вдругъ видитъ себя окруженную неизъяснимымъ свѣтомъ, слышитъ невыразимо-пріятной голосъ, призывающій ее; чувствуетъ, что она паритъ въ высоту. . . . взглянула въ-низъ. . . . тамъ отецъ и мужъ рыдаютъ надъ тѣломъ ея. . . . . .»

Редакція Современника.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МОЛИТВОЙ НАШЕЙ БОГЪ СМЯГЧИЛСЯ.

Молитвой нашей Богъ смягчился;
Царевнѣ жить еще велѣлъ:
Опять къ намъ Ангелъ возвратился,
Который ужъ къ Нему летѣлъ.

М. Маркусъ.

Съ полудороги прилетѣлъ ты
Обратно, чистый Ангелъ, къ намъ;
Вблизи на небо поглядѣлъ ты,
Но не забылъ о насъ и тамъ.

Отъ насъ тебя такъ нѣжно звали
Небесныхъ братьевъ голоса;
Тебя принять — ужъ отверзали
Свою святыню небеса.

И намъ смотрѣть такъ страшно было
На измѣнившійся твой видъ;
Намъ горе сердца говорило:
Онъ улетитъ! онъ улетитъ!

И ужъ готовъ къ отлету былъ ты,
Ужъ на землѣ былъ не земной;
Ужъ все житейское сложилъ ты,
И полонъ жизни былъ иной.

И неизбѣжное свершалось,
Былъ близокъ намъ грозившій часъ;
Невозвратимо удалялось
Святое, милое отъ насъ.

Ужъ ты летѣлъ, ужъ ты стремился,
Преображенный, къ небесамъ...
Скажи же, какъ къ намъ возвратился?
Какъ небомъ былъ уступленъ намъ?

Къ предѣламъ горнимъ подлетая,
Ты вспомнилъ о друзьяхъ земли,
И до тебя въ блаженство рая
Ихъ воздыханія дошли.

Любовь тебя остановила;
Сильнѣй блаженствъ была она;
И рай душа твоя забыла,
Страданьемъ нашихъ душъ полна.

И ты опять, какъ прежде, съ нами;
Опять для насъ твоя краса;
Ты повидался съ небесами
И перенесъ къ намъ небеса.

И жизнь теперь межъ насъ иная
Начнется, Ангелъ, для тебя;
Ты заглянулъ въ святыни рая,
Но землю избралъ самъ, любя;

И въ новомъ къ намъ переселеньѣ
Сталъ ближе къ вѣчному Отцу,
Его очами на мгновенье
Увидѣвъ тамъ лицемъ къ лицу;

И чище будетъ жизнь земная,
Съ тобой, нашъ другъ, намъ данный вновь:
Ты къ намъ принесъ съ собой изъ рая
Надежду, Вѣру и Любовь.

В. Жуковскій.

8 Декабря,
1839.

КЪ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ КОЛОННѢ.

О памятникъ годины славной,
Гранитъ, всходящій до небесъ,
Двойной вѣнецъ—Главѣ державной
И силѣ Божіихъ чудесъ!
Чье всемогущее велѣнье
Тебя, нетлѣнная скрижаль,
Подъявъ вѣкамъ на удивленье,
Умчало въ облачную даль?

Давно ли твой хребетъ зубчатый
Въ пустынѣ дикой сиротѣлъ,
И только мохъ на немъ косматый,
Изъ трещинъ выползши, сѣдѣлъ?
Давно ль ты глыбой первозданной,
Напраснымъ бременемъ земли,
Лежалъ въ пустынѣ безымянной,
И надъ тобой вѣка текли?

Ты былъ какъ Финнъ... Иль нѣтъ! Безвѣстный,
Ты думалъ: придетъ мой чередъ!
Пусть Фидія рѣзецъ чудесный
Безсмертье мрамору даетъ;
Пускай Египта пирамиды,
Колоссъ надъ бездною морей,
И пышный градъ Семирамиды
Своей красой дивятъ людей—

Меня найдетъ другая доля!
Вселенну сѣверъ изумитъ;
Настанетъ часъ, настанетъ воля —
Могучій скажетъ: встань, гранитъ!
И я, покинувъ скалъ вершины,
На память будущимъ вѣкамъ,
Шагнувъ чрезъ Финскія пучины,
Явлюсь... и пряну къ небесамъ!

Тотъ часъ насталъ. Благословенный
Полміра миромъ осѣнилъ —
И Россъ колѣнопреклоненный
Безсмертью знамя водрузилъ!
И это знамя вамъ, потомки,
Дѣла великія внушитъ —
И развѣ падшій міръ въ обломки
Его съ собою сокрушитъ!

Н. К.

ПРОШЕДШІЙ ГОДЪ.

I.

Чуть помня о мечтѣ своей,
О счастьи дальнемъ, недоступномъ,
Я вновь стою въ раздумьи смутномъ
Предъ урною грядущихъ дней.
И нехотя, рукой несмѣлой
Я свитокъ вынимаю свой;
Быть можетъ, тайна жизни цѣлой
Въ немъ рѣшена уже судьбой!

*

И хоть немного мнѣ донынѣ
Судьба дала прекрасныхъ дней,
Но счастливъ былъ на-зло судьбинѣ
Я счастьемъ родины моей.
Прошедшій годъ, какъ благодатно
Надъ родиной промчался ты
И, канувъ въ вѣчность невозвратно,
Разсыпалъ зерна и цвѣты!

II.

Твое начало было славно,
Когда, какъ фениксъ, возрасла
Изъ пепла чудно и нежданно
Великолѣпная скала —
И удивились ей народы.
Но Русскій въ ней благословитъ
Не чувствомъ дышащіе своды,
Не мыслью блещущій гранитъ,
Нѣтъ! въ этихъ камняхъ намъ перстъ Божій
Судьбы Россіи возвѣстилъ —
Цареву волю, крѣпость силъ —
И ревность пылкаго вельможи
Въ гранитъ и бронзу облачилъ.

III.

Межъ-тѣмъ Десницею предвѣчной
Воздвигся памятникъ другой,
Какъ слово истинное — вѣчный,
Несокрушимъ — какъ Крестъ святой.
То подвигъ Вѣры! Сквозь сомнѣнья,
Сквозь омутъ золъ проведены,
Къ Ней притекли искать спасенья
Ея заблудшіе сыны.

*

Свѣтила Христіанской сферы!
Васъ призывать дерзаю я,
О первенцы восточной вѣры,
Опора твердая ея!
Храня Ее, во цвѣтѣ дней,
Вы цѣпи тяжкія лобзали,
Вы за Нее благословляли
Сѣкиры вашихъ палачей!
Ветхозавѣтной голубицей
Она вѣка пережила,
И также кротка и свѣтла
Сіяетъ въ сѣверной столицѣ.

*

А вы, которымъ суждено
Принесть Ей жертву покаянья,
Отнынѣ все у насъ одно —
Однѣ надежды и желанья,
И звукъ одинъ у насъ въ сердцахъ
Святые помыслы пробудитъ,
У насъ единый пастырь будетъ
И на землѣ и въ небесахъ!

IV.

Я помню день, какъ предъ налой
Царевна юная предстала...
Ударилъ колоколъ святой —
И въ сердцѣ Русь затрепетала.

Вѣсть мигомъ пронеслась — и вотъ
Съ одною мыслью и мольбами
По стонамъ города народъ
Разлился шумными волнами.
Такъ веселилась вся толпа,
Такъ на́ сердцѣ привольно было,
Какъ будто каждому судьба
Въ тотъ день невѣсту подарила!

*

А Онъ, избранный Сынъ Царя,
Чѣмъ угоститъ Его Россія?
О! широки ея края,
Тверды основы вѣковыя.
Она взросла, какъ дивный плодъ
Единой мысли вдохновенной,
И распахнулась надъ вселенной
На югъ, и западъ, и восходъ.
Все за Него съ симъ свѣтлымъ днемъ —
Ея и Вѣра, и законы,
И рукъ могучихъ милліоны,
Лихихъ и съ чашей и съ мечемъ.
И въ хижинѣ далекой тоже
Его зовутъ роднымъ, надёжей.
Отнынѣ предъ Творцемъ небесъ
И за Него тамъ лампа тлится,
И православный Русскій Крестъ
На грудь широкую ложится.

V.

Еще, я помню, день, друзья,
Былъ посвященъ воспоминанью,
Когда святой, завѣтной бранью
Кипѣла Русская земля.
Бородино... вѣнецъ походовъ!
Къ тебѣ стеклася Русь тогда,
Чтобъ кровью смыть съ чела народовъ
Клеймо неволи и стыда.
И та кровавая звѣзда,
Что міръ дивила и карала,
Что въ буряхъ, заревахъ, громахъ
Надъ полвселенной пробѣжала,
Погасла на твоихъ поляхъ.
Такъ бились, храбрые! Пылала
И день и ночь все брань одна;
Но вотъ кроваваго вина
У васъ на утро недостало,
И чаши высохли до дна.
Вы славно пиръ свой довершили,
О дѣти Русскія земли:
Гостей незваныхъ напоили,
И сами всѣ за Русь легли.

*

Такъ, о дѣлахъ, о смерти вашей
Здѣсь только звукъ одинъ живетъ,
Но вамъ вѣнецъ сіяетъ краше
Тамъ — въ вышинѣ. О! счастливъ тотъ,
Кто путь на родинѣ злодѣю
Разбитой грудью заслонилъ,
Кто кровью теплою своею
Землю родную напоилъ!

И. Пожарскій.

Декабрь, 1839.

НАРДЗАНЪ.

Das Wasser rauscht, das Wasser schwoll.
Goethe.

О нѣтъ! не сравнивайте съ нимъ
Ручьи Швейцаріи подгорной,
Ни памятный сердцамъ младымъ
Бахчисарая ключь покорный!..
О нѣтъ!.. Какъ есть между людьми
Избранники съ душой кипучей,
Съ страстями жаркими въ крови,
Съ стремленьемъ воли всемогучей,
Такъ онъ, нашъ *богатырь-родникъ*,
Подземной феей очарованъ,
Остался воленъ, гордъ и дикъ,
Хоть крѣпкимъ онъ окопомъ скованъ.
Такъ, онъ источникамъ другимъ
Ни въ чемъ не равенъ, не подобенъ!..
Кавказа честь — онъ превосходенъ
Порывомъ сильнымъ и живымъ,

Огнемъ, разлитымъ въ хладной влагѣ,
Цѣлебнымъ свойствомъ, чистымъ дномъ,
И восхитительной отвагой,
И вѣчно-зыблемымъ жерломъ.
Онъ блещетъ пѣною алмазной,
Онъ сыплетъ искры, онъ кипитъ,
И разсыпаясь въ нѣгѣ праздной,
Поетъ, и пляшетъ и шумитъ.
Въ немъ воля есть; въ немъ силъ избытокъ,
Въ немъ прихоть рѣзвая видна.
Неукротимъ, мятеженъ, прытокъ,
Онъ отъ поверхности до дна
Всегда бѣжитъ... всегда стремится...
Трепещетъ, полный тайныхъ смутъ;
Какъ лава, въ клубахъ онъ струится —
Но жизнь струи его несутъ.
Онъ намъ осуществилъ преданье
О баснословной той водѣ,
Что за чудесное журчанье
Звалась *живою* въ старинѣ.
Для слуха, сколько въ немъ отрады!
Для взора, сколько въ немъ красы!
Какъ, въ полдень, въ знойные часы,
Онъ благодатною прохладой
Усталыхъ путниковъ поитъ!..
О! миръ ему, и миръ долинѣ,
Гдѣ изъ ущелистой пустыни
Онъ пристань райскую творитъ!..

Гр--ня Е. Р--на.

Кисловодскъ.
25 Іюля, 1839.

ТЫ ВЪ МІРЪ ЗЕМНОЙ ПРИШЛА.

Ты въ міръ земной пришла ошибкой;
Печальна жизнь была твоя:
Она отвѣяла съ улыбкой
Въ страну другаго бытія.
Зачѣмъ же ты не вся почила,
Зачѣмъ въ мучительный завѣтъ
Въ груди поэта положила
Очей своихъ горячій слѣдъ!

Я водворюсь подъ сѣнью драгоцѣнной,
Гдѣ ты жила, гдѣ полно все тобой,
Гдѣ, можетъ быть, твой призракъ незабвенный
Таинственно промчится надо мной,
Прольетъ отраду мнѣ, ниспосланную свыше,
Укажетъ мирно въ небеса —
И ляжетъ въ грудь мою цѣлебная роса,
И грусть моя все будетъ тише... тише...

К. Айбулатъ.

БОГДАНЪ*.

Отрывокъ изъ поэмы.

Лунная ночь. Отъ Днѣпра подымается туманъ и, свиваяся въ разные фантастическіе образы, садится на прибрежныя скалы. Вода блеститъ чешуйчатымъ сіяніемъ. Изъ осоки выглядываетъ головка молодой дѣвушки въ тростниковомъ вѣнкѣ; дѣвушка осматривается и поетъ.

»Тиха ночь, свѣтла ночь!
»Ни вѣтру, ни тучи;
»Не шепчутся листья.
»Люди спятъ, звѣри спятъ,
»Цалуются травки,
»Цвѣты въ-тихомолку.
»Людямъ день, наша ночь!
»Вставайте, сестрицы,
»Мои бѣлолицы,

* См. Т. XIV Современника.

»Гулять на лугу....
»Гу! гу! гу!....
И зашумѣли быстры волны,
И стадомъ къ берегу бѣгутъ:
Русалки по Днѣпру плывутъ,
Рѣзвы, безпечны, самовольны,
Хохочутъ звонко и поютъ:

Хоръ русалокъ. Ха, ха, ха! ха, ха, ха!
Ночка, ноченька тиха!...

Все уснуло мертвымъ сномъ!
Мы порѣзвимся на волѣ:
На лугу травы нарвемъ,
А цвѣтовъ найдемъ на полѣ.
Изъ зеленыхъ тростниковъ
Мы навьемъ себѣ вѣнковъ,
Пересыплемъ ихъ цвѣтами,
Свяжемъ мѣсяца лучами!

Путникъ, путникъ молодой!
Къ намъ, сюда! Мы зацалуемъ
Сладострастнымъ поцалуемъ;
Здѣсь, подъ теплою волной,
Ты утонешь въ нѣгѣ томной,
И подъ хохотъ нашъ нескромный
Не услышишь пѣтуха!...

Ха, ха, ха! ха, ха, ха!
Ночка, ноченька тиха!...

Одна русалка.

Весело въ водѣ живемъ
Некрещеныя мы дѣти;
Днемъ, играя глубиной,
Путаемъ рыбачьи сѣти,
И гуляемъ надъ водой
При лунѣ ночной порой!

Вторая русалка.

Золотые стали годы!...
Прибываютъ въ наши воды
Къ намъ сестрицы каждый часъ.
Все теперь на бѣломъ свѣтѣ
Некрещеныя мрутъ дѣти —
То-то весело у насъ!

. . . .
. . . .

Хоръ русалокъ.

Мѣсяцъ, мѣсяцъ золотой!
Разкрасавецъ, водяной!
Ты намъ свѣтишь, ты насъ грѣешь,
Ты лучами насъ лелѣешь!..
Ярче, ярче посвѣти!
Наши косы мы расчешемъ,
Пошалимъ немного съ лѣшимъ.
Къ намъ красавца заведи,
То-то любо распотѣшимъ!....

Тише!.. полуночный духъ!
Ухъ! ухъ! ухъ!...

(Русалки ныряютъ).

Е. Гребенка.

НА СМЕРТЬ ДѢВУШКИ *.

Закрылись прекрасныя очи,
Поблекли ланиты ея,
И сумракомъ вѣчныя ночи
Покрылось младое чело.

Ты счастья земнаго не знала,
Однимъ ожиданьемъ жила,
Любила — любя, ты страдала,
Страдая — въ могилу сошла!

Зачѣмъ же, краса молодая,
Такъ краткокъ печальный твой путь?
Зачѣмъ? — И тоска неземная
Невольно тѣснится мнѣ въ грудь.

* Это стихотвореніе положено на музыку Л. Ѳ. Лангеромъ; оно продается во всѣхъ музыкальныхъ магазинахъ, подъ названіемъ «Примиренія».

Лобзаю холодныя руки
И плачу, надъ гробомъ склонясь...
И пѣсни, сливаясь съ торжественнымъ звономъ,
Звучатъ упованьемъ святымъ.

И я примиряюсь съ предвѣчнымъ закономъ
И тихо молюся надъ прахомъ твоимъ.
Не все здѣсь кончается въ жизни —
Могила лишь землю беретъ,

Не все — тамъ въ небесной отчизнѣ
И жизнь и блаженство насъ ждетъ.
Я въ вѣчности встрѣчусь съ тобою —
Здѣсь жизнь и страданье на часъ...

— Ѳ —

МОГИЛА.

И право лучше тамъ, въ жилищѣ мертвецовъ!
Нѣтъ, не дерзнетъ на васъ въ священномъ мірѣ гроба
Ни дружба хитрая враговъ,
Ни братій родственная злоба,
Ни шумъ грѣховной суеты,
Ни разногласъ молвы опальной —
Лукавый судъ толпы нахальной,
Рабовъ всевластной клеветы.

Чего страшиться тамъ? уже ли разрушенья?
Возврата къ матери своей?
Безмолвія, спокойствія, иль вѣчнаго забвенья,
Иль, жадныхъ выходцевъ ничтожества и тлѣнья,
Червей?...
Пусть много тамъ червей —
За то ни однаго изъ братій изъ людей!

К. Айбулатъ.

РѢШИМОСТЬ.

Я покинула желанія,
Я оставила мечты.
Что въ приманкѣ ожиданія
Для сердечной пустоты?
Пусть любимое забудется,
Навсегда, такъ, навсегда!
Пусть желанное не сбудется,
Никогда, такъ, никогда!
На устахъ не будетъ ропота,
Ни въ глазахъ напрасныхъ слезъ,
Ни въ бреду ночнаго шопота —
Тихъ мой сонъ безъ всякихъ грезъ!
Чтобъ душа моя усталая
Вновь была вразумлена,
Слишкомъ рано возмужалая
Не ребячится она.
Малодушія обиднаго
Не подмѣтятъ люди въ ней,
И спокойствія завиднаго
Не смутятъ молвой рѣчей.

Ни нарочно, по ошибкою
Я глубоко не вздохну;
Съ неподдѣльною улыбкою
Я на недруговъ взгляну!
Не хочу я быть игрушкою —
И въ цвѣту весеннихъ лѣтъ
Что я думаю съ подушкою,
Никогда не выйдетъ въ свѣтъ.

Елисавета Шахова.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОНЪ НОЧЬЮ.

Those evening bells, those evening bells!
How many a tale their music tells
Of youth and home! . . . . . .

Thomas Moore.

Онъ томно загудѣлъ, торжественный, нежданый,
Въ необычайный часъ;
Онъ мой покой прервалъ и мигомъ сонъ желанный
Прогналъ отъ жаркихъ глазъ.

Мнѣ сладко грезилось... волшебныя видѣнья
Носились надо мной,
Смѣнивъ дня знойнаго тревоги и волненья
Отрадной тишиной.

Мнѣ сладко грезилось... и вдругъ вотъ онъ раздался,
Неумолимый звонъ...
Какъ жалобный набатъ онъ въ сердцѣ отзывался,
Какъ близкой смерти стонъ.

Невольный, чудный страхъ мнѣ душу обдалъ хладомъ,
Мнѣ мысли взволновалъ,
Земныя бѣдствія въ картинахъ мрачныхъ рядомъ
Мнѣ живо рисовалъ.

Я вспомнила, что здѣсь, при церкви одинокой,
Одна и та же мѣдь
Гласитъ всѣ вѣсти зла — и отъ людей далеко,
Съ людьми должна скорбѣть.

И долго я потомъ хранила впечатлѣнье
Боязни и тоски;
И долго маялось унылое смятенье
Въ измученной груди.

Луны волшебной свѣтъ надъ садомъ ароматнымъ,
Полуденная ночь —
И вамъ неудалось вліяньемъ благодатнымъ
Думъ грустныхъ превозмочь...

Меня предчувствіе зловѣщее томило,
Какъ будто предъ бѣдой...
Какъ будто облако всю будущность затмило
Предъ гибельной грозой.

Гр--ня Е. Р--на.

Пятигорскъ,
20 Іюля 1839.

СЛЕЗЫ.

Я такъ счастливъ, великій Боже!
Я такъ счастливъ!.. Но для чего
Порой мнѣ грустно, для чего же
Боюсь я счастья своего!

Что, если бъ могъ я такъ.... невольно,
Предъ Ликомъ тройственнымъ, въ тиши,
Упасть, заплакать больно, больно,
Подъ стонъ тоскующей души:

Я той бы скорбію суровой
Свои восторги освѣжилъ,
И я бъ Тебя улыбкой новой
За слезы тѣ благодарилъ.

К. Айбулатъ.

БЫЛЪ ГОДЪ.

Былъ годъ, годъ мести роковой,
Годъ чудныхъ битвъ и жаркихъ преній,
Когда кипѣлъ за боемъ бой
И, средь народныхъ столкновеній,
Вставалъ день вольности златой!
И онъ взошелъ день этотъ чудный:
Оконченъ подвигъ многотрудный —
И средь пожарища Москвы,
Враги Руси, погибли вы!
Но въ этотъ годъ былъ день единый,
День незабвенный, день святой,
Когда кипѣлъ смертельный бой
И грозно нажималъ морщины
Непобѣдимый мужъ судьбины,
Столѣтнихъ пирамидъ герой!

Угадывалъ ли онъ удушье злаго плѣна,
Иль слышалъ въ первый разъ онъ совѣсти укоръ,
Иль призракомъ вставалъ волканъ святой Елены —
Но грустенъ, мраченъ былъ его орлиный взоръ.
Вотъ тихо подалъ знакъ онъ блѣдною рукою —
И быстро понеслись послушные полки,
И тартаръ задрожалъ, кровь полилась рѣкою,
И вотъ ударили въ штыки...

О, славенъ этотъ день отнынѣ и довѣка!
Паденья громкаго начальное звено,
Онъ разрѣшилъ судьбу гиганта-человѣка,
И этотъ день — Бородино!

Ни прежде, ни потомъ себѣ не зная равныхъ,
Онъ въ памяти вѣковъ не перестанетъ жить,
Потомкамъ говоря о предкахъ достославныхъ,
Да помнятъ ихъ завѣтъ: иль пасть, иль побѣдить!

Да знаютъ навсегда Европы дряхлой дѣти,
Что, нашу грань прешедъ, погибнетъ каждый врагъ;
Что отступленіе не страхъ, а буйству сѣти;
Что генія войны лишь мы постигли шагъ;
Что баловень побѣдъ, надменный, величавый,
Здѣсь видѣлъ, гасла какъ судьбы его звѣзда,
Роняя на него послѣдній отблескъ славы,
Чтобъ закатиться навсегда!

И вотъ съ тѣхъ поръ прошло едва лишь четверть вѣка;
Но быль *преданіемъ* казалась бы давно,
Когда бы въ двухъ словахъ намъ небыло дано
Прочесть заразъ судьбу гиганта - человѣка,
И тѣ слова для насъ: Парижъ — Бородино!
Пройдутъ еще вѣка, и много, можетъ статься,
Но звуковъ чудныхъ тѣхъ ничто не истребитъ;
Такъ! будутъ каждый вѣкъ грознѣй они казаться —
И память прежнихъ дней потомство воскреситъ.
И если нѣкогда, съ боязнію невольной,
Еще страшнѣй врага увидитъ нашъ народъ,
Онъ снова побѣдитъ, когда онъ богомольно
Воспомнитъ о тебѣ, *двенадцатый* нашъ годъ!

Д. Сушковъ.

ПРОСТОНАРОДНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

Жилъ да былъ на землѣ
Храбрые человѣкъ Аника.
Много онъ полонилъ,
Много онъ покорилъ
Царей и царевичей,
Королей, королевичей,
И сильныехъ, могучихъ богатырей.
Собирается Аника въ Ерусалимъ-градъ;
Хочетъ Аника святую святыню погубити,
Господень гробъ раззорити.
Ѣдетъ Аника черезъ поле,
Навстрѣчу Аникѣ ѣдетъ Чудо.
Голова у Чуда человѣческа,
Власы у Чуда до пояса,
Тулово у Чуда звѣринное,
А ноги у Чуда лошадинныя.
Аника на конѣ становился
И этому Чуду дивился.
— Скажи ты мнѣ, Чудо, провѣдай,
Царь ли ты, ли царевичь,
Король ли ты, королевичь,
Или ты сильные, могучій богатырь?
— Чудо ему отвѣщаетъ:
Я не царь, не царевичь,

Не король, королевичь,
И не сильный, могучій богатырь,
А я Смерть страшна и грозна,
Вельми не помѣрна,
Сердцемъ своимъ не посульна.
Кто сотворилъ небо и землю,
Кто сотворилъ облаки, звѣзды,
Тотъ меня сотворилъ,
По̆ всей землѣ попустилъ.
Гдѣ кого застану, искошаю:
Въ пути въ дорогѣ застану, искошаю;
Въ избѣ на подворьѣ застану, искошаю.
Хочу и тебя, Аника, искосити.
— Возговоритъ храбрые человѣкъ Аника:
Я палицу подыму, палицей пришибу;
Либо коня попущу, конемъ потопчу
По главѣ по твоей.
— Она ему отвѣщаетъ:
Былъ на землѣ Самсонъ богатырь,
Былъ на землѣ Свѣтогоръ богатырь,
И я ихъ искосила.
Хочу и тебя Аника искосити.
— Возговоритъ храбрые человѣкъ Аника:
О Смерть страшна и грозна!
Дай ты мнѣ сроку хоть на полгода:
Состраю я тебѣ церковь,
Спишу твой ликъ на иконѣ,
Поставлю твой ликъ на престолѣ;
И будутъ къ намъ съѣзжаться
Князья и бояре и сильные мочучіе богатыри,
И станутъ намъ свозить казну золотую.

— Она ему отвѣщаетъ:
Кабы де брать мнѣ казну золотую,
Были бы у меня горы золотыя
Отъ востока и до запада.
Вынимаетъ пилы невидимыя,
Потираетъ его по рукамъ и по ребрамъ.
— Возговоритъ храбрые человѣкъ Аника:
О Смерть страшна и грозна!
Дай ты мнѣ сроку на одинъ годъ.
Есть у меня казна золотая:
Роздамъ я ее по тюрьмамъ и по богадельнямъ.
— Она ему отвѣщаетъ:
Казна твоя кровавая,
Душѣ твоей не помога.
Вынимаетъ пилы невидимыя,
Потираетъ его по костямъ и по жиламъ.
— Возговоритъ храбрые человѣкъ Аника:
О смерть страшна и грозна!
Дай ты мнѣ сроку хоть на полгода.
Есть у меня отецъ и мать,
Дай ты мнѣ съ отцемъ, съ матерью проститься.
— Она ему отвѣщаетъ:
Какъ же ты ѣхалъ на ратное дѣло?
Зачѣмъ съ отцемъ, съ матерью непростился?
Вынимаетъ пилы невидимыя,
Потираетъ его по костямъ, по жиламъ.
Аника на конѣ шатается,
И смертныя уста запекаются;
Аника съ коня повалился.
Тутъ по Аникѣ и слава.

ОГЛАВЛЕНІЕ XVII ТОМА.

Конецъ семнадцатаго тома.